

КАВКАЗ
РУССКОЕ ДЕЛО
И
МЕЖДУПЛЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ
В. Л. ВЕЛИЧКО
ТОМ ПЕРВЫЙ

Баку – «Элм» – 1990

Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы.— Баку: «Элм», 1990—176 с. Печатается с сокращением.

Книга «Кавказ» видного русского ученого, журналиста и историка В. А. Величко одна из ценнейших реликвий русской культуры. Она представляет большой научный интерес. Издательство «Элм» осуществляет выпуск исторических книг из серии «История и культура народов СССР». Книга «Кавказ» — первое издание из этой серии.

Хотя в этой работе приводится ряд нелестных отзывов о коренных жителях Кавказа, в том числе и об азербайджанцах, издательство сочло возможным довести книгу «Кавказ» до широкого круга читателей в факсимильном издании.

По заказу «Азеркитаба»— 90
Издательство «Элм» 1990 г.
Издание М. Д. Муретовой.

ISBN 5—8066—0406—3

С.-ПЕТЕРБУРГ
Типография Артели Печатного Дела, Невский пр., 61
1904

Первые листы этой книги были напечатаны при жизни Василия Львовича Величко; смерть помешала ему довести до конца дело, на которое он смотрел, как на одну из важнейших принципиальных задач своих, и мысль о том, что многолетний, глубоко выстраданный труд останется неоконченным, волновала его до последней минуты. Исполняя выраженную им предсмертную волю, мы довели печатание книги до конца, при участии лица, долго работавшего совместно с Василием Львовичем по кавказским вопросам и основательно ознакомленного со взглядами и планами покойного. Основую для книги служит ряд статей, печатавшихся в «Русском Вестнике»; первые четыре главы тщательно разработаны самим автором, а остальные пополнены нами по мере сил и снабжены примечаниями, почерпнутыми из оставленных В.Л.Величко материалов. Часть этих последних помещаем в конце книги в виде «Приложения». Не имея, к несчастью, возможности обогатить эту книгу всем тем, что дал бы ей сам автор, мы поставили себе задачей не поместить ни одной строки им не подготовленной или хоть сколько нибудь расходящейся с его мыслями.

Изд.

1. Введение.

Какое доселе волшебное слово – Кавказ! Как веет от него неизгладимыми для всего русского народа воспоминаниями; как ярка мечта, вспыхивающая в душе при этом имени, мечта непобедимая ни пошлостью вседневной, ни суровым расчетом! Есть ли в России человек, чья семья несколько десятилетий тому назад не принесла бы этому загадочному краю жертв кровью и слезами, не возносила бы к небу жарких молитв, тревожно прислушиваясь к грозным раскатам богатырской борьбы, кипевшей вдали?! Снеговенчанские гиганты, и жгучие лучи полуденного солнца, и преданья старины, проникнутая глубочайшим трагизмом, и лихорадочное героичество сынов Кавказа, – все это воспето и народом, и вещами выразителями его мирозерцания, вдохновленными светочами русской идеи, – нашими великими поэтами.

Кавказ для нас не может быть чужим: слишком много на него потрачено всяческих сил, слишком органически он связан с великим русским мировым призванием, с русским делом.

В виду множества попыток (большею частью небезкорыстных) сбить русское общество с толку в междуплеменных вопросах, необходимо установить раз навсегда жизненную, правильную точку зрения на русское дело вообще. У людей одинаково искренних могут быть различные точки зрения. Одни считают служение русскому делу борьбою за народно-государственное существование и процветание, борьбою, не стесненною никакими заветами истории, никакими нормами нравственности или человечности; они считают, что все чужое, хотя бы и достойное, должно быть стерто с лица земли, коль скоро оно не сливается достаточно быстро и безследно с нашею народно-государственною стихией. Этот жестокий взгляд я назвал бы германским, а не русским. Он противоречит мировому идеалу России и подрывает одну из надежнейших основ ея духовного, а стало быть, и политического могущества.

Другие впадают в противоположную крайность: они готовы поступиться всем русским в пользу того, что нарушает наше единство, подтачивает нашу государственную силу, да и само по себе представляет явление отрицательное. Это взгляд «школы» непротивленцев с мнимо национальной программой, истинными руководителями или закулисными вдохновителями которой являются, конечно, *не русские* люди. Такое непротивление инородным обособляющимся злым силам, даже в тех редких случаях, когда оно безкорыстно, возможно лишь в ущерб жизненности русского патриотизма и нисколько не оправдывается обычным в таких случаях рассуждением на тему о том, что мы – великий и сильный народ. Великий народ, – и потому прикажете дозволять, кому вздумается, посягать на хлеб детей наших, на жизненные силы меньшей братии, подвергать поруганию наши святыни и давать обособляющимся инородцам ездить верхом на слабых и уступчивых носителях русского дела?! Доколе будут отождествлять понятие великаго с понятием глупаго, слабого и безпринципнаго?!

Правильна, справедлива и, вместе, практична только нижеследующая, третья точка зрения. Великий и сильный не глядит на жизнь сонными очами, а *во благовремении водворяет жизненную правду*, развивает свою собирательную или единичную личность, во всеоружии заветных преданий прошлого, «ума холодных наблюдений и сердца горестных заметь». Великий и сильный не довольствуется шаблонами и кличками, прикрывающими понятия ложные, расплывчатые или пестрые. Он обязан сжать усилием ума ленивую расплывчатость, обязан разобраться в красках и оттенках пестрой картины.

Если доселе пестрый Кавказ является мучительной загадкой для наших образованных классов, то значить, они не велики и не сильны, они не вполне освободились от рабства чужих слов и понятий, от гнета упомянутой выше и увы, типично русской ленивой расплывчатости. Недавнее возникновение и, главное, независимое от посторонних фальшивых и лукавых влияний развитие Русского Собрания подтверждает правоту моих слов, а вместе с тем сверкает ярким лучом на-

дежды на близость лучших дней, на подъем русской прозорливости, русской вдумчивости и духовной силы.

Наши солдаты, а за ними и народ, назвали Кавказ «погибельным», потому что покорение его было сопряжено с невероятным напряжением героизма и тяжкими жертвами. Но на эти жертвы народ наш не скуп: мертвые сраму не имут, и подвиги увенчаны славой. «Погибельность» Кавказа приняла иную форму, быть может, роковую, а может быть, и полезную в итоге, раскрыв внутренняя язвы нашей жизни, немощи нашего духа, ошибки и грехи нашей окраинной политики, даже смутность и неустойчивость государственно-национального мирозерцания у многих русских людей, как служилых, так и берущих на себя смелость влиять на общество посредством печати.

Кавказ – огромная академия со всевозможными естественными лабораториями, открывающая наблюдателю и исследователю широкое поприще для самостоятельных выводов. Особенную ценность представляет он для социолога и, в частности, для представителя государственной науки, столь мало распространенной, – увы! – даже в наших правящих классах, которым пора бы *сознательнее* относиться к своим обязанностям перед родиной и Государем, а не смотреть на жизнь с точки зрения 20-го числа. Явления жизни и человеческие характеры на Кавказе чрезвычайно выпуклы, даже когда они, вместе с тем, сложны. Особенный интерес представляет сплетение, а иногда и полное совпадение вопросов расовых с социально-экономическими. Этою особенностью кавказской жизни обусловливается немалая трудность управления краем и контроля над работой местных органов власти, то взаправду, то притворно не понимающих практического значения своеобразных основ тамошнего общественного склада и быта.

Чтобы взглянуть в корень главнейших вопросов и явлений, надо хотя бы в общих чертах ознакомиться с прошлым.

2. Характер прошлого.

Прошлое кавказского края представляет собою картину не менее пеструю, чем его естественные условия и многоплеменный состав населения. Обобщения положительного характера при таких условиях весьма затруднительны, и скольконибудь яркими красками можно отметить лишь некоторые, наиболее наглядные черты этого прошлого, вдобавок, отрицательные с культурной точки зрения.

Во-первых, Кавказ *никогда не имел покоя*, ни внутреннего, ни внешнего. Он был в течение многих веков одним из путей для воинственных вторжений Азии в Европу; каждое из проходивших по его горам и долинам племен, смывая своей волной те или иные зачатки местной культуры, оставляло взамен того собственный след, преимущественно дурной, ибо вторгающиеся племена ни с кем и ни с чем не церемонятся. С другой стороны, сильно пересеченная местность, богатая тущогами непроходимыми и высотами недостигаемыми, при условии значительного климатического, почвенного и племенного разнообразия, не могла стать территорией крепко объединенного и культурно развитого государства. В горных дебрях жили и доселе живут многия мелкие племена, разнообразные по происхождению и зачаткам расовых культур, находившиеся между собою в постоянной борьбе, но так или иначе объединенные, с точки зрения биологической, сходными условиями природы, хозяйства, образа жизни и религиозной подпочвы, которая, независимо от различия формальных исповеданий, заключается в стихийном поклонении грозным силам природы, покорившей себе человека, его помыслы, характер и верования. Эти люди *не могли создать государства*, ибо малоспособны к государственности вообще, которой, кстати сказать, на пересеченных высотах мудрено достигнуть сильного развития, коль скоро некоторые ущелья бывают на семь или восемь месяцев в году отрезаны от остального мира то снегами, то водами.

Южнее главного хребта, в западном Закавказье поселилось с незапамятных времен картвельское племя (грузины, имеретины, гурийцы, мингрельцы, лазы, аджарцы, кобулетцы и др. разновидности); это племя, объединявшееся на краткие сроки в средние века, в остальное время было разрознено. В восточном Закавказье – племена с тюрко-монгольско-иранской кровью и армяне, народ неясного происхождения, с несомненно значительной примесью еврейской, сиро-халдейской и цыганской крови.

Из всех этих племен наибольшую способность к государственности проявили грузины, но и им не удалось создать государство в полном смысле этого слова. Мешала тому, во-первых, география страны, открывавшая широкий простор феодальному обособлению; во-вторых, серьезным препятствием служила хроническая анархия извне: налетали неожиданно дикие орды, столь многочисленные, что отпор был не всегда успешен; от вторжений оставались надолго печальные последствия, и вся жизнь страны была подвержена постоянным случайностям. Отсюда – резко бросающееся в глаза, почти повсеместное в Закавказье *отсутствие домовитости и комфорта*, плодов долгого мира. Даже у крупных помещиков лишь за последнее время стали появляться хорошо обставленные усадьбы. В общем жизнь доселе носит следы бивачного характера: так крепка исторически сложившаяся привычка ожидать вооруженного нападения, скрывать или увозить имущество; многовековая привычка, став чертою характера, мешает, конечно, и поныне расцвету мирной культуры и развитию так называемых буржуазных добродетелей.

Климатические условия и, в частности, разнообразная по симптомам, но почти повсеместная в Закавказье малярия – тоже крупная помеха в прошлом и даже в настоящем для культурного развития края. Кочевой образ жизни значительной части закавказского населения, обыкновенно приписываемый поверхностными наблюдателями врожденным инстинктам кочевников, находит себе более разумное объяснение и оправдание, именно, в климатических условиях: кочевники спасают свою

жизнь и здоровье, переходя летом на высоты из малярийных долин и степей, где и стада их не нашли бы себе пищи. Какова бы ни была причина кочевков, бытовым результатом их является опять таки отсутствие домовитости и некультурности.

Влияние климатических и вообще естественных условия на общественно-государственную жизнь чрезвычайно серьезно: и малярия, и горные реки, то изсякающие, то принимающие чудовищные размеры, и бури, и ливни, и градобития, и тяжкий зной, – все это, губительно отражаясь на народном хозяйстве, оставляет глубокий отрицательный след и на самом духовном складе населения, сглаживая общими недостатками племенные различия; мысль утрачивает последовательность, воля – выдержку, нравственность – свой катехизис, труд – систему, жизнь в совокупности – разумные устои.

Весьма замечательно, что еще разновременно в древности культурнейшие племена, – греки, римляне, персы (времен расцвета персидской цивилизации), потом генуэзцы и др. – пытались заводить на Кавказе колонии, – и это никогда никому не удавалось. По всему Закавказью разбросаны следы разных стилей архитектуры, имена, названия и легенды, явно наносного происхождения; на разнообразных народных лицах видны следы скрещивания многих рас; но в итоге мало крупного, цельного, не стертого другими влияниями или просто временем.

В связи с этим признаком следует отметить, что *ни одно из соседних с Закавказьем государств до начала XIX столетия не имело возможности прочно водвориться в этом крае*. Правда, объяснения этому следует искать не только в местных причинах, но и в характере и политических изъянах государств и племен, посягавших на данный край; тем не менее, местные особенности имели значение преобладающее, как это показывает даже история края со времени присоединения его к России и чрезвычайно тугая ассимиляция местных племен с государственною народностью.

Из всех следов, оставленных в Закавказье его соседями, наиболее наглядным и даже довольно глубоким является *от-*

печаток персидского строя, или, вернее, нестроения. Ханства восточного Закавказья, образовавшиеся путем измены правителей обязанностями перед далекою центральною персидскою властью, юридически считались персидскими провинциями, а на деле были независимыми деспотическими владениями, уменьшенными копиями с персидских образцов. Причины тому были отчасти расовые, так как большинство повелителей в этих владениях были более или менее персиянами по происхождению; частью же влияли тут недостатки персидской государственной организации и, между прочим, широко практиковавшаяся наследственность административных должностей.

Ясно, что в гористых местностях, обладающих всеми естественными данными для вооруженного обособления, этот обычай не мог не усиливать, именно, феодального склада жизни, и без того вызывавшагося местными условиями; несомненно, что одним из факторов феодализма является также расовая разница между повелителями и их подданными, — а этот фактор периодически насаждался при каждом подъеме персидского воздействия на Закавказье. В частности, собственная Грузия (тифлисская и часть елисаветпольской губернии) сильно испытала на себе персидское влияние, а Имеретия и другие западно-картвельския владения — влияние турецкое, менее интенсивное, но в итоге однородное по последствиям. Политические изъязны, административный, духовный и бытовой склад обоих этих соседей, на почве различных местных условий отразились, однако, на пестром Закавказье, несомненно, объединяющими, нивелирующими чертами, преимущественно отрицательного характера.

В обоих восточных деспотических государствах, Турции и Персии, династии не очень долговечны, и власть их, подобно горным речкам, подвержена резким колебаниям; бюрократической системы, обеспечивающей устойчивость политических направлений, интересов народного благополучия, прав и спокойствия, — налицо не было; все основывалось на подкупе, лести, силе и гаремных интригах, т. е. на сквер-

ных случайностях. Государственные доходы, отдававшиеся на откуп, своими колебаниями влияли на политическую неустойчивость и на народные настроения.

Вчерашний мятежный феодал, хищный администратор, разбойник или предатель, вместо заслуженной кары, мог в один миг снискать почести и власть, ублаготворив азиатского повелителя красивою женщиной, конем, драгоценностями, или просто искусною лестью.

Глубочайший, всесторонне охватывающий жизнь *матерьялизм* был руководящим началом, исключавшим всякую принципиальность в европейском смысле этого слова; *гаремная интриги и вообще чувственно-восточная психология* играли преобладающую роль даже в местностях, озаренных светом христианства. Даже в Грузии, в течении многих веков боровшейся за свою веру и племенную самобытность, христианство, в силу указанных выше могущественных причин, приняло особую местную окраску, вместо того, чтобы глубоко озарить мирозозерцание обывателей и принести разнообразные плоды своих основных созидательных идей.

Так как при подобном анархическом беспорядке вещей возможны лишь несложные группировки людей, вызываемая, вдобавок, инстинктом самосохранения, то такою группировкой явилось *родовое начало* со своею узкою моралью и слабою принципиальностью. Тесные границы этой последней заключены между следующими формулами: «моего родственника обидели или убили, а потому я должен выступить защитником или мстителем» и «мой родственник совершил преступление, но так как это мой родственник, то он прав, и я приму все меры, чтобы защитить его от наказания».

Глубокие следы такой психологии остались там и доселе. Ясно, что знатные или честолюбивые роды, которые путем воинской доблести, искусной политики, накопления богатств, гаремных успехов, запасались средствами для борьбы за свое преобладание, — являлись поочередно хозяевами и нарушителями какой бы то ни было независимой правды. Им ничего не стоило изменить неожиданно своим царям и иным

повелителям, пожать интересы и заветнейшие чувства подневольного народа, даже в крайних случаях надевать маску иноверия или вовсе отречься от веры отцов.

Народная масса, сидящая на земли и обрабатывающая ее, всегда тяготится подобной анархией, – и вот почему, например, грузинский народ доселе свято чтит память царя Давида Возобновителя и «царицы царей», великой Тамары, при которых установился было более нравственный порядок, озаренный славою побед над внешними врагами; вот почему народная масса Закавказья в громадном большинстве стихийно верить в силу и правду Благаго Царя, не взирая на многие отрицательные стороны управления краем.

Однако, хотя в течение многих веков пестрая масса кавказского населения (за исключением горских патриархальных республик), была преимущественно пассивным, страдальческим элементом в местной истории и не могла особенно любить своих капризных повелителей, сознательно разделять их воззрения, – эти последние на ней глубоко отразились; *порядки восточных деспотий и вытекшие отсюда понятия проникли в правосознание населения до низших его слоев.* И западно-грузинский крестьянин, и кахетинец, и подданный хана ширванского или ганжинского одинаково знали, что золотом, лестью, женщиной, юношами можно откупиться и от неправых притеснений, и от исполнения государственных требований, разумность которых ни для кого не была ясна, и от заслуженных последствий преступления.

Одно уже появление должностного лица было сигналом к подкупу, и притом почти легальному, так как должности по восточному обычаю не оплачивались за отсутствием финансовой системы, а покоились на поборах с народа и на подарках всяческим властям.

Отсутствие широкой принципиальности составляет основную черту местной психологии, атмосферу и своего рода закон местной жизни. Человек, попадающий в эту атмосферу, должен употреблять крайние усилия, чтобы не подвергнуться ее растлевающему воздействию.

Когда несколько миллионов населения за много веков привыкли с низменной практичностью смотреть на вещи, то представители иных взглядов встречают неблагодарную почву для их проведения в жизнь; можно даже заранее с уверенностью сказать, что если они не являются исполнителями глубоко обдуманной, рациональной системы, а, вдобавок, поставлены в тяжелые жизненные условия, — то и они, и вверенные им задачи неизбежно уступят сложившимся местным традициям, русское достоинство и служебная честь не выдержать натиска бытовых азиатских условий, в ущерб государственному престижу и дальнейшим судьбам края.

Естественно, что переход от одного строя и склада жизни к другому должен сообразоваться с народной психологией, и перемена в существе отношений должна быть сопряжена с возможно меньшим изменением и осложнением их форм. Даже и при этом условии работа, направленная к *культурному присоединению* того или иного края, отличающегося чуждыми бытовыми чертами, *требует руководителей особенно мудрых, стойких и всесторонне знающих местных условия*. Это должны быть не только блюстители закона и спокойствия, но и *созидатели по призванию, ревнители широко понятого национально-государственного дела*.

Это сознавали, еще до присоединения Грузии, выдающиеся русские люди, как, например, Потемкин и представитель России при дворе царя Ираклия II, Бурнашев. В недавно вышедшей книге, посвященной последнему, много интересных черт, рисующих эпоху. И.Бурнашев, и непосредственный руководитель его, командовавший северно-кавказскими войсками граф Павел Потемкин — истинно русские люди, верившие в русскую правду и доброжелательные к кавказскому населению, в противоположность современнику их, иностранцу-авантюристу Тотлебену.

«Труды ваши делают вам честь, и плоды их — славу имени и благодарность грузинского народа», — пишет Потемкин Бурнашеву. Он вмешивается даже в мелочи; например, узнав, что два царевича поссорились из-за какой-то княжны,

он рекомендует Бурнашеву «потщиться объяснить им, что нет в свете такой девицы, за которую с братьями можно бы было ссориться». Замечает Потемкин малейшие промахи. «Получил я жалобу от князя Эраста Амилахварова, что лекарь, при вас находящийся, отнял у него жену и ему самому проломил голову. Изследуйте сие дело, *не допускайте своевольтву начинаться в той земли, где должно ловить сердца и привязывать к себе*». Завет простой и великий.

Как человек, не допускавший своевольства, первое место среди русских правителей края занимает, бесспорно, Ермолов. Гроза для непокорных, строгий, но справедливый охранитель мирных интересов всего населения, которое он буквально *воспитывал в духе законности и порядка*, он первый понял значение русского народного элемента, как начала, сближающего инородцев с Россией и серьезно упрочивающего русскую власть в крае.

Ермолов изобрел и стал вводить в жизнь практичнейший из применявшихся доселе способов русской колонизации: он учреждал оседлость для женатых Кавказских солдат в военных поселениях при штаб-квартирах; в 1826 г. образовано было девять, так называемых, семейных рот; дело не обошлось без земельных споров с коренным населением; избирались места, удобные в отношениях военном, климатическом и сельско-хозяйственном.

Администрация тогда сознавала, что нельзя, пересадив людей на чужбину, оставить их там на произвол судьбы; помощь оказывалась не на бумаге только, но и на деле. Плоды этой меры видны до сих пор, и если о чем приходится сожалеть, так это о менее широком и убежденном ее применении после Ермолова. Как ни завидовал Паскевич славе Ермолова, как ни старался показывать свое превосходство над ним, — пришлось, однако, следовать его предначертаниям в данном вопросе; но это служение русскому народному делу нашло противовес в колонизации некоторых частей Закавказья армянами, усердно начатой при Паскевиче и принявшей размеры прямо опасные, именно, *теперь*,

после того, как нежелательность ее весьма недавно еще признала даже с высоты Престола.

Аналогичная ошибка была, впрочем и раньше, сделана самим Ермоловым, просившим об образовании в Грузии колонии из «трудолюбивых немцев, которых бы добрый пример и очевидная от хозяйства польза вселили в местных жителей желание обратиться к подражанию». Дальнейшие события не оправдали этой надежды, так как колонии немецкая, создав свое благополучие на счет казны и туземных соседей, этим последним ничего доброго не привили, а местами лишь сделали из них обельных холопей своих.

Полного расцвета достигают русские поселения, основанные дальновидным Ермоловым, при наместнике князе Воронцове, созидательный инстинкт которого в данном деле проявился более успешно, чем во многих других отношениях.

Если в заботах о русских народных интересах князь Воронцов шел по стопам Ермолова, то, во всяком случае, с меньшею последовательностью и настойчивостью. Он признавал, например, государственную необходимость привлечь в Закавказье русских торговцев и капиталистов, но после первой неудачной попытки такого рода в Тифлисе мысль эту оставил и стал поддерживать армянских купцов и промышленников, открывая им широкий простор к обогащению и возбуждая в них предприимчивость. Он давал им подряды, места под магазины и караван-сарай, почти насильственно иногда привлекал их к выгодной самостоятельности.

Очень много сделал он для «европеизации», но вместе с тем и для *культурного обособления* местного общества: собирал его представителей на блестящих балах и вечерах, содействовал литературному развитию местных языков; при нем, например, открыт первый грузинский театр. Вообще период русского владычества от Ермолова до Воронцова включительно был счастливым периодом духовного расцвета населения края и, вместе, усиления русского дела. Между прочим, расцвела замечательная для такого усталого и небольшого народа грузинская поэзия. Имена Баратова, Вахтанга Орбелиа-

ни, а в более позднее время – князей Илии Чавчавадзе, Акакия Церетели и других, весьма популярны на Кавказе, и произведения их переведены на многие европейские языки.

Будучи русским патриотом по чувствам и намерениям, князь Воронцов по складу ума и политической программе был, однако, скорее западноевропейцем, англоманом с аристократическими тенденциями. Он не только придал распространительное толкование грузинским феодальным взглядам и порядкам, но даже в жизни мусульманского населения, демократичного в силу своей религии и расовых традиций, ввел излишне-аристократические элементы, ему несвойственные.

Непомерное размножение князей, беков, агаларов и т. п., в ущерб не только интересам жизни народной и разумному обрусению края, но и самим представителям высшего сословия, привело впоследствии к такому порядку вещей, в котором нельзя не усматривать политической и социальной опасности. Искусственно размножив высшее сословие, князь Воронцов положил начало его разорению посредством усложнения и вздорожания жизни. В связи с этим получилось и полное падение престижа того класса, на объединительную роль которого этот государственный деятель возлагал преувеличенные надежды. Существует даже предположение, что это была со стороны князя Воронцова не ошибка, а, напротив, – дальновидная политика, клонившаяся к ослаблению наиболее сильных местных элементов.

Тем не менее, имя его чрезвычайно популярно доселе в Закавказье, главным образом, в виду того, что он признавал законность и полезность самобытного культурного развития местных племен под русским владычеством и духовным влиянием. Кроме того, он не щадил средств и усилий для экономического подъема страны; близко входил во все нужды населения, с которым искал возможно более частаго непосредственного общения. И теперь можно на Кавказе найти много простолюдинов, с восхищением вспоминающих о том, как с ними беседовал сам князь Михаил Семенович об их житье-бытье.

Громадное государственное значение имели процветавшие при князе Воронцове школы при военных частях; программа их была не широка, но проходила толково, а главное, в них имели важное значение *элементы воспитания и дисциплины*, ныне почти не существующее во всей русской школе сверху до низу. Из войсковых школ воронцовского периода вышла целая плеяда выдающихся полководцев, администраторов и общественных деятелей.

Эпоха реформ шестидесятых годов имела осложняющие, почти роковые последствия для русского дела в крае и для жизненного склада всего местного населения. И введившееся ранее 60-х годов в некоторых местностях края, так называемое, «гражданское управление» нанесло русскому делу немалый вред, именно потому, что на сцену выступили люди без школы и возникли учреждения без традиций. Старые устои рушились, а для новой созидательной работы не нашлось подходящего материала. Вместо обычаев и взглядов, органически выросших на своеобразной местной почве, были призваны нормировать жизнь *совершенно чуждые ей законы и кабинетные утопии*, которых и остальная-то Россия, сравнительно более близкая к западно-европейскому складу, доселе переварить не может.

Освобождение крестьян, по незрелому, наскоро скончанному плану, перевернуло вверх дном социальный порядок в местностях Закавказья, где оно царило с незапамятных времен. Вдобавок, этот скачок был сделан неумело, не до конца: доселе, хотя крепостное право юридически упразднено, оно существует на деле во многих местностях тифлисской и кутаисской губерний, где временно-обязанные крестьяне чувствуют большую тяготу зависимости от помещиков, чем если бы они были по закону их рабами.

Одновременно открылся широчайший простор для развития и преуспеяния элемента, который и сам по себе нигде не имеет благотворного влияния на жизнь, а на Кавказе, в особенности, так как профессиональные отрицательные черты осложняются там расовыми пороками и тенденциями. Речь идет о тех армянах-эксплуататорах, которые с шестиде-

сятых годов особенно усердно и безпрепятственно принялись высасывать все соки из местного населения. Говорю здесь, конечно, не огульно, *не обо всем армянском народе, а о классе кулаков*, ростовщиков, темных дельцов, – представляющих собою сильно окрашивающий, характерный для этого племени элемент. И дворянин, и крестьянин оказались мухами в паутине этих хищников.

Чем резче социально-экономическая реформа, тем более должны служить приспособлению ее к жизни устойчивая, но гибкая государственная и общественная учреждения: администрация, суды, учебные заведения, печать и т. д. Между тем, все это было реформировано одновременно, и все изменилось к худшему с точки зрения интересов русского дела на Кавказе. Правовой формализм для народов, исторически приученных к скорому решению дел по существу; состязательный судебный процесс для людей, у которых есть в крови веками выработанная *спортивность*; передача главных жизненных вопросов из рук воинского класса, обладавшего в глазах туземного населения престижем недавних побед, – в руки духовно мелкой кавказской бюрократии, среди которой и доселе непомерно велик процент отбросов; классическая система, с отказом от воспитательных задач, для детей племен воинственных, подвижных, исторически несклонных, к большим дозам сухого книжного знания, страдающего очевидно неприменимостью к жизни; наконец, данайские дары российского общественного мнения и печати периода самоотрицания и утраты национального чувства – все это было несомненно *ядовитой духовною пищею с точки зрения русских интересов*. Наглейшим издевательством над этими интересами полна кавказская печать со времени шестидесятых годов. Даже то, что во внутренней России было суровою, но здоровой и благотворной по последствиям критикою изъянов нашей жизни, являлось и является доселе на кавказской окраине поводом к злорадному осмеянию, *к огульному отрицанию всего русского* в созидательном смысле этого слова.

Много влиял в этом направлении и личный состав того прошлого российского элемента, который местные жители считали русскими деятелями. Между прочим, на Кавказ попадали недобровольно люди, политически неблагонадежные, не стеснявшиеся там в выражении своей ненависти ко всему русскому строю; местное население жадно слушало небывицы и резкия суждения, распространяемые такими людьми, настроение которых поддерживало или даже вызывало центробежные стремления среди нарождавшейся туземной интеллигенции.

В частности, на Кавказ разновременно было выслано или принято на службу довольно много *поляков*, не примирившихся с русскою государственностью и не останавливавшихся перед самыми иезуитскими средствами, чтобы вредить русскому делу. Плоды их разрушительной работы и доселе можно проследить в некоторых местах. Являясь по мундиру и языку пришлыми русскими чиновниками, они эксплуатировали, притесняли и дразнили народную массу, роняя, опорочивая в ее глазах русское имя, а на ряду с этим сближались с безпокойнейшими слоями разноплеменной туземной интеллигенции, порождая и обостряя в ней отрицательное отношение к русской государственности.

По многим признакам, *есть, в частности, серьезное основание утверждать, что некоторые местные волнения начинались не без польских внушений, и что армянская инсurreкционная программа, о которой будет сказано ниже, есть лишь выработанная в тридцатых и усовершенствованная в шестидесятых годах разновидность подобной же программы польского жонда.*

Отрицательное значение имел также наплыв *немцев* в ряды кавказского чиновничества, так как даже лучшие и лояльнейшие из них не могли обладать тем напряжением русского национального чувства и самосознания, которое необходимо на окраине, подлежащей культурному объединению.

Само собою разумеется, что окрашивающая среда должна быть, особенно при отсутствии численного преобладания, *богата красящими элементами.* Для космополитически настро-

енных немцев такая русская задача была не по плечу. Если только что высказанный вывод непонятен многим представителям русского правящего класса, то лишь в силу малаго знакомства нашего с государственной наукой, вследствие слабости национального самосознания и достоинства. Сущность данного вопроса прекрасно понимают в Германии, где весьма искусно распределяют по всем нужным местам, именно, *пруссаков*, как представителей государственного цемента.

Все, что создано на Кавказе шестидесятыми годами, — новыя правительственные учреждения, классовыя перемены, племенные соотношения, политическiя тенденции, перемены экономическiя и бытовыя — все это обошлось дорого интересам русскаго дела, да и большинства самого местнаго населения. *Ущерб, конечно, временный*, по крайней мере, что касается главнаго вопроса, т. е. *освобождения крестьян*. С точки зрѣнія широких линий исторiи, с точки зрѣнія *исконно-демократическаго призванiя Россiи*, это была мера *необходимая*, так как она призвала к самостоятельной жизни и творчеству в разных областях народную массу, дотоле подавленную и безличную; это само по себе посев, могущий дать богатые культурныя всходы.

Но чтобы эти всходы не погибли и не выродились в нечто безобразное, противосоціальное и противогосударственное, надо было своевременно же принять *обдуманныя меры к огражденiю освобожденных рабов от новых форм эксплуатацiи* и к сближенiю вообще всего новаго строя кавказской жизни с созидательными началами руководящаго русскаго центра. Между тем, именно, этого-то и не было сделано. Главная доля ответственности падает, однако, не столько на тогдашних высших представителей кавказской власти, сколько на руководящiя идеи центра, на низкий уровень общественно-государственной науки в Россiи, — вообще, на дух того времени, когда даже правительственныя учреждения находились под гнетом всяческих утопiй.

Единичные передовые деятели понимали неудобство и даже опасность применения многих петербургских кабинетных

тенденций к материалу, исторически им чуждому; таков был, например, видный государственный муж, попечитель кавказского учебного округа К.П. Яновский, мужественно боровшийся с крайностями ложно-классической системы и смягчавший ее применение. Но общее течение было слишком сильно и широко, и пагубные последствия его будут еще долго проявляться в местной жизни.

Одним из крупнейших последствий водворения правового порядка *где бы то ни было* является *воцарение буржуазии* над всеми остальными народными классами и слоями. Недаром один немецкий ученый сказал, что *правовой либерализм есть исповедание буржуазии*. Вместе с тем, это и ее надежнейшее орудие, небезопасное для всякого государственного и социального организма.

Когда «законным» путем упраздняются все перегородки, мешавшие *господству безпринципных денег*, то расшатываются и принципы, на которых зиждется государственная власть, и обычаи, более глубоко, чем легко обходимый закон, нормирующие народную жизнь; *сводится к нулю даже самая свобода*, нуждающаяся для реального, а не бумажного только осуществления, в идейной защите со стороны лиц, независимых от власти денег.

Например, когда правительство, в стремлении к жизненной правде, предоставляет печати большую свободу, то представители господствующей буржуазии, не желающие распространения тех или иных идей, во-первых, *забирают в свои руки почти все влиятельные органы печати*, а во-вторых, и другими путями, иногда прямо неисповедимыми, *всегда умеют помешать распространению того, что им неприятно*. В республиканской Франции по воле барона Ротшильда не попала на сцену пьеса «Вырождение», тогда как издевательство над христианской религией дозволяется и даже поощряется в каких угодно формах.

Очевидно, свершилось неизбежное: там служилый класс творит волю буржуазии.

Опасность осложняется, когда эта буржуазия принадлежит по преимуществу к племени, не заинтересованно-

му в благополучии государства, или тем паче, даже не желающему добра этому государству. Тогда получается паразитизм в отвратительнейших и опаснейших формах.

Паразитизм *восточный* осложнен еще тем, что он не знает меры, будучи лишен каких бы то ни было сдерживающих нравственных или социально-облагораживающих начал.

На Кавказе вопрос социально-экономический совпадает с племенным: *буржуазия состоит почти исключительно из армян*, составляющих на верхах этого класса сплоченную *стачку*, и представляющих крупную социальную опасность для местного населения, а для государственного дела — *опасность политическую*, как это видно на примере нескольких *восточных держав*, инертность или неряшество которых открыли простор армянскому паразитизму.

Правовой порядок и всякие дальнейшие шаги по этому пути на Кавказе *только армянам и полезны*, так как многочисленные армяне-дельцы в течение многих веков практиковались в обходе каких угодно законов и властных распоряжений и в порабощении себе чужой воли, свободной или властной по виду, но *не подготовленной ни к свободе, ни к власти*. Все очутилось у них в кабале, не исключая большинства местных учреждений сверху до низу. Другие туземцы основательно ставят в укор России подъем армянского могущества, говоря, что, например, при грузинских царях об этом не могло бы быть речи, ибо тогда вопросы решались не кабинетно-теоретически, а на основании суровых требований жизни.

Тем не менее, и о шестидесятих годах местное население вспоминает с благодарностью и любовью, причем оба эти чувства вызываются не только проявившимся тогда подъемом культурных надежд и политических стремлений, но и симпатией к личности тогдашнего Августейшего наместника великого князя Михаила Николаевича.

Момент победы законного формализма над обычаем, мысли — над верой и чувством, вообще всего отвлеченно-формального над жизненно-привычным, не легко обходится той среди, духовному складу которой такая перемена мало от-

вечает. Эта среда испытывает нечто сродни нравственного холода, – и тут-то имеет особую цену любовное, сердечное к ней отношение со стороны высших вершителей местных судеб.

Отеческая заботливость Августейшаго наместника о нуждах кавказского населения, особенно туземного, доселе высоко ценится кавказцами, не упускающими случая выражать ему свою благодарность и вернопреданность, близкую к верноподданническим мистическим чувствам.

В этом была некоторая польза для русского дела, смягчавшая вред, нанесенный ему веяниями и системой шестидесятых годов. Но вред был громаден, даже прямо в политическом отношении, так как обособлявшиеся инородцы, сбитые с толку «движением» и политическими мечтаниями той эпохи, проникались, так сказать, *«австрийским государственным идеалом»*, мечтали о «федерации» и усматривали в центральной фигуре властного наместника символ и оплот их сепаратизма. В отношении же бытовом, между прочим, русское народное дело пострадало в ту пору от того, что русские военные поселения были переданы из военного ведомства равнодушным гражданским властям – и с тех пор именно захирели.

Шестидесятые и семидесятые года на Кавказе ознаменованы началом более интенсивного насаждения цивилизации и экономического развития; и то, и другое, однако, по существу служило *скорее обособлению этого края, нежели прочному сближению его с центром*. Объясняется это отчасти духом времени, отчасти малым значением русской национальной идеи в глазах местных, да и столичных правительственных сфер того времени.

Например, в течении многих лет откладывалось под разными предлогами соединение Закавказья с остальной Россией кратчайшим рельсовым путем, а между тем была проведена Закавказская железная дорога, образовавшая, так сказать, совершенно обособленное от остальной России экономическое кровообращение края.

Русским капиталам, которые могли бы экономически связать окраину с центром, теперь, вследствие этого, уже более труден доступ к местному промышленному миру.

Бакинской инородческой и иностранной промышленности было предоставлено развиваться до таких грандиозных размеров, что теперешняя дорога от Беслана до Баладжар, с точки зрения национального объединения, является мерою *более, чем запоздалой*, и может скорее послужить, в итоге, усилению местного обособления, путем воздействия бакинских миллионов на петербургския сферы и печать, нежели распространение русского культурного влияния на Закавказье.

Весьма интересно отметить, как отразилось сооружение Закавказской железной дороги на положении отдельных местностей и племен. Выиграли от нея исключительно армяне, экономически захватившие в свои руки Баку и Тифлис.

Так как в другой картвельской столице, Кутаисе, их сравнительно мало и экономическое влияние их ничтожно, то *Закавказская магистраль обошла Кутаиси, под предлогом ускорения персидского транзита*, – и некогда цветущий город все более утрачивает прежнее экономическое значение, несмотря на несомненную способность его обитателей к промышленности и торговле.

Армянския промышленныя фирмы и банки заняли господствующую позицию в Поти и Батуме, – черноморских конечных пунктах дороги, оказавшейся, таким образом, целиком в их руках.

С другой стороны, рельсовый путь объединил между собою разрозненные дотоле ветви картвельскаго племени, в котором с тех пор замечается большее духовное обособление, принимающее иногда неравныя политическия формы.

Если бы вместо Закавказской дороги, или хотя бы одновременно с нею, была проведена перевальная дорога через главный хребет к Тифлису, картина местной жизни несомненно была бы иною, гораздо менее безотрадною с точки зрения русских национально-государственных интересов. Главное кавказское начальство, по-видимому, во все времена

не особенно горячо относилось к установлению удобного и скорого сообщения между Тифлисом и Петербургом. Это вопрос окраинной психологии, особенно кавказской, на почве персидских административных традиций. Чем дальше от контролирующей центральной власти, тем легче дышится. Но даже и искренние ревнители сближения окраины с центром не умели смотреть в корень вопроса.

К сожалению, не только в ту пору, но и доньше национальное значение капитала недостаточно сознается, а нередко и сознательно игнорируется подлежащими сферами. В чьих руках деньги, тот — истинный хозяин положения, особенно, если служилый класс материально плохо обставлен, а общественное мнение не обладает национальной устойчивостью. Яркие примеры пагубного господства инородческих капиталов мы видим даже в таких государствах, как Франция и Австрия, где экономическая самостоятельность коренного населения вдесятеро сильнее, чем у нас. Этот урок, очевидно, не понять или намеренно затушевывается людьми, утверждающими, что капитал, по существу, не национален и везде имеет объективно-благотворное значение. Такое утверждение, кстати сказать, далеко не всегда безкорыстно.

Но и с точки зрения объективной, не национальной гражданственности, Кавказский край начал развиваться с шестидесятых годов ненормально, негармонично, — и попадающее местами внешнее благоустройство сопровождается, с одной стороны, пережитками глубокой дикости, с другой же — симптомами такого острого общественного разложения, какое возможно лишь на почве азиатской растленной нечистоты, накопившейся за много веков тьмы и косности. Чтобы разобраться в этом хаосе, необходимо всмотреться порознь в жизнь и характерные черты хотя бы главных племен, населяющих Кавказ.

При выполнении такой задачи приходится обратить особое внимание на терминологию и отказаться от некоторых из тех наименований и обобщений, которые уместны в будничной речи. Например, слово туземец уже не годится, если мы хотим

добраться до сути вещей. Оно придумано ленивыми, прямолинейными или недобросовестными кавказскими чиновниками, чтобы формальным признаком, отвечающим целому ряду разнообразных, неравноценных и часто противоположных понятий, оправдывать меры, – либо не жизненные, либо недобросовестные и, во всяком случае, вредные.

Если разделить население Кавказа, на группы обширные, но сколько-нибудь цельные и окрашенные руководящею идеей, то таковыми группами явятся: грузины, как основная, государственная народность в крае, близкая нам по духу и по происхождению своей культуры; армяне, как элемент, гораздо более чужой для нас и, в лице своей наступательной буржуазии, враждебный всем народностям Кавказа; мусульмане, главным образом, двух категорий азербейджанские татары, бывшие под сильным влиянием Персии, и мусульмане-горцы, духовный мир которых сложился под влиянием резких условий природы и резких требований ислама. Грузины-мусульмане и турки здесь в расчет не принимаются, за их малочисленностью.

Все эти коренные народности края не разрознены, а тесно переплетены друг с другом, частью органически, как армяне с грузинами и мусульманами, при помощи смешанных браков и многовекового невольного скрещиванья, частью посредством бытовых явлений, как горские грузины с прочими горцами на языческой подпочве, или армяне-торгаши с различными соседями, путем эксплуатации этих последних. Наконец, остаются *русские*, составляющие в Закавказья слишком 2% населения края и подразделяющиеся на целый ряд различных категорий; тут и высокие люди с протекцией, влияющие на судьбы края, не имея ни малейшего с ним делового знакомства; тут и доблестные, прямодушные русские воины, и кучка честных, образованных людей, и сектанты, упорно сохраняющие национальные особенности, и многострадальные переселенцы. Наконец, всякого рода и звания люди, которые настолько в дурном смысле окавказились, что утратили национальное чувство и понимание русского дела.

3. Братья-грузины.

Недаром воспета нашими поэтами прекрасная Грузия, страна древних храмов, башен, цветов, песен и преданий! Иверская земля – удел Приснодевы, край св. Георгия, – по персидски «Гурджистан», – о котором много веков тому назад с заочною любовью говорили наши благочестивые предки, как о древнем очаге Православия. Страдания маленького героического народа за веру и самобытность находили отголосок братского сочувствия в сердцах северных единоверцев. Сближение все росло, – особенно с тех пор, как Россия взяла на себя задачу третьяго Рима, – и завершилось добровольным присоединением карталино-кахетинского царства к России сто лет назад. Это было присоединение *добровольное*, не в кавычках, не такое, как со стороны невольно кокетничающих с нами средне-азиатских мелких государств, а *серьезное*. Положим, в конце XVIII века грузинское царство несколько раз «отдавалось в подданство» России, причем грузинские цари оставались на престоле и внутренний строй Грузии не изменялся; стало быть, понятие «подданства» истолковывалось, по меньшей мере, неправильно: оно давало право на защиту Грузии русским оружием от хищных азиатских соседей и налагало на грузин только обязанность... защищать свою родину от тех же врагов, да доставлять провиант русским войскам. Строго говоря, такое «подданство» не было даже типичною вассальною зависимостью, а более походило на союз слабого с сильным, в видах самозащиты. Надо отметить также, что многочисленные представители грузинского царского дома не сочувствовали состоявшемуся на заре XIX века *радикальному* решению вопроса о фиктивном подданстве, да и некоторые грузинские феодалы полагали, что Грузия должна была бы присоединиться к России не по манифесту, а по *двухстороннему договору*, т. е. на началах особой автономии, или хоть полунезависимости. Такой взгляд существует и теперь: он даже усиленно, но довольно безуспешно про-

пагандируется теми грузинами, которые заразились армянским по духу сепаратизмом и выполняют, — не всегда безкорыстно, — его кавказскую противорусскую программу. И во время присоединения Грузии, и в последующие годы бывали там беспорядки на почве политических увлечений и недоразумений, повторение которых не невозможно и в будущем, под влиянием зарубежных воздействий и, порою, нетактичного управления краем. Но все это, в итоге, ничтожно и *не отклоняет широких линий истории*. Дело в том, что грузинский народ, во главе с подавляющим большинством своих руководителей, присоединился *добровольно, безусловно и навсегда*. Он выполнил свою историческую миссию, подчинился стихийной воле своей изстрадавшейся души, присоединившись к России на основе *единоверия*.

Пока мы дорожим своею верою, Грузия нам духовно близка. Эта связь запечатлена также потоками рыцарской грузинской крови, пролитой под русскими знаменами на ратном поле в борьбе за наше общее дело, за мировую задачу третьего Рима, задачу *православной культуры*. Пока мы верим в эту задачу и придаем значение своим знаменам, мы должны смотреть на грузин, как на братьев, и видеть в грузинском народе *один из естественных вспомогательных рычагов указанной задачи в Передней Азии*.

Положим, за истекшее столетие, под влиянием целого ряда условий, дела этих братьев испортились, характер их стал менее приятным, и ежедневные отношения с ними не обходятся без поверхностных недоразумений. Тем более необходимо разобраться во всем этом, чтобы жизненные мелочи не покрыли и не стерли своим мусором *широких линий* нашей культурной истории, чтоб ничтожное не сгубило великого, подобно тому, как мыши прогрызают картины безсмертных мастеров.

Грузины, или, точнее, картвельцы, живут в губерниях тифлисской и кутаисской. В тифлисской — грузины и кахетинцы; в кутаисской, за Сурамским перевалом — имеретины, рачинцы, мингрельцы, гурийцы, аджарцы и т. д. Засурамские

картвельцы по типу, темпераменту и чертам характера настолько разнятся от грузин, что некоторые знатоки края считают их совершенно другим племенем. Грузины солиднее и устойчивее; засурамские картвельцы менее надежны во всех отношениях, но живее, бойчее, предприимчивее. Они составляют главный контингент нарождающейся грузинской по языку буржуазии.

Происхождение грузин не выяснено, что свидетельствует о чрезвычайной древности этого племени. По-видимому, оно, вдобавок, не совсем однородное, судя по именам, историко-географическим данным и разнообразию грузинских физических типов. Древняя царица массагетов носила имя Тамариссы, т. е. *Тамары*, Грузия называлась, как и часть Пиренейского полуострова, Иверией или *Иберией*; и доселе, если всмотреться в духовный и физический облик грузина, то его нетрудно принять за испанца, романизованного потомка кельт-иберов. Наряду с этим имеются сведения о грузинских селениях в Северной Африке и Абиссинии. В языке грузинском, в pendant к этому, имеются намеки на то, что народ, говоривший этим языком, жил в стране очень жаркой, *где вода была высшим благом*; так, почти все *главные* жизненные понятия, — благодать, милость, несчастье, — связаны со словом «цкали», вода. Милость — по-грузински «цкалоба», несчастный — «сацкали», в буквальном переводе «принадлежащий воде», «несомый водою». Такие метафоры обыкновенно не лгут. В более позднее время грузины несомненно породнились с евреями, которые попали в ту местность во времена навуходоносоров. Доселе в Имеретии немало евреев, которых почти невозможно по внешности отличить от местных картвельцев. Житие св. Нины, просветительницы Грузии, свидетельствует о присутствии многих евреев во Мцхете, древней столице этого государства. Масса библейских названий местных селений доселе подтверждает это.

Грузия начинается с севера подле станции Казбек: там своего рода Запорожье древняго Иверскаго царства. Монастырь на горе, за Тереком, названия селений, как, напр., *Степанцминда*, или св. Стефан, *Сион* и т. п., — все говорит о свете

св. Нины, возсиявшем среди этих угрюмых гор. Но с точки зрения этнографически-бытовой, настоящая Грузия начинается южнее, а ее дуновение или предчувствие – только с Гудаура.

За перевалом, позади

Сурово-мощные громады,
Снега, обвалы, водопады,
Туманы, грозы и дожди...
Здесь—дуновение отрады!
Хоть порубежный Гудаур
Еще задумчив, или хмур,
Но очертаньем горных далей
Так нежно манит южный склон!
И ветерок уж напоен
Благоуханием азалий.
Узоры мягкие хребтов
Лежат застывшею волною,
Почти сливаясь с синевою
Небес и дымкой облаков.
И в сердце смутное волнение:
Как будто взвиться чрез мгновенье
Волшебный занавес готов

Над лучезарною странюю

Святынь, венчанных стариною,
Восторгов, песен и цветов!¹

Это стихотворение – плод мгновенно вспыхнувшего чувства и потому *неполно*. Всмотревшись в Грузию поближе в облик природы и людей, нельзя не почуять глубоких следов *страдания, и многовекового, и нынешняго*. Какой-то рок тяготее над странюю, с виду созданной для блаженства.

¹ «Арабески», новые стихотворения В. Л. Величко.

История Грузии – сплошной мартиролог. Шекспир мог бы там почерпнуть сюжеты, неоценимые по трагизму. Как выше сказано, государства в настоящем смысле не было. Власть царей оспаривалась своевольными, грозными феодалами, властвовавшими над народом. Монастыри были в значительной мере крепостями и религия – сокровищем, которым народной массе не приходилось пользоваться полностью, так как главные усилия были направлены к его сохранению от внешних врагов. Феодал – епископ, кроме того, нередко бывал именно более феодалом, нежели служителем алтаря. Если можно так выразиться, *широкая линия души*, под влиянием борьбы за веру, насквозь прониклись христианством, но мелкие черты характера и бытовые условия во многом остались *языческими*, и Церковь вынуждена была примириться с ними: доселе, например, есть в некоторых местностях родовая кровная месть, доселе приносят животных в жертву Богу. Внешней безопасности не было, и нередко царям и феодалам приходилось то откупаться благами земными, невольниками, лестью и, наконец, даже изменою веры, от хищных турецких и персидских властителей, то, признав власть этих последних, внезапно изменять им во имя народной самобытности или своих личных интересов.

Феодализм и родовое начало крепко укоренились. Во всей грузинской летописи, – *картлис-цховреба*, – это проходит красною нитью, и *о народе, как об активной силе, почти нет упоминаний*. Тем не менее, это – сила живая и сознательная, как видно из великолепного народного творчества, – песен, сказок, благородно-мудрых пословиц и колоритных преданий.

Грузинские простонародные волыночники, «мествирэ», – удивительные импровизаторы-поэты. Язык народа – сокровищница поэзии. Грузинские крестьяне мыслят образами, говорят философскими афоризмами. У одного хизана, – безземельного арендатора-крестьянина, – погибла половина стада. Он смирился перед бедой и сказал: «Благодарение Господу! Он принял меня в братья, половину моего достояния взял Себе!» Вот несколько характерных пословиц: «Между честными врагами посредник – совесть»; «у лжи короткая ноги».

Высокое понятие о правде, но наряду с ним есть и пессимистическое, не без юмора: «Если хочешь сказать правду, держи наготове оседланную лошадь»...

По меткому замечанию одного молодого писателя-грузина, князя Авалова, феодализм спас грузинскую народность. Если царь покорялся какому-нибудь иноверному повелителю, то это не было еще подчинением Грузии, так как мудро было овладеть всеми замками феодалов и вырвать с корнем племенную самобытность. Но феодальная анархия мешала развитию государственно-народной культуры. Эта последняя расцветала лишь во время кратких проблесков сильной монархической власти. Такие проблески, и притом весьма яркие, связаны с именами царя Давида Возобновителя, Царицы Царей (шах-ин-шах, или, по-грузински, мепис-мепе) Тамары Великой, позднее – Георгия Блистательного, и, наконец, Ираклия Второго, вступившего в подданство России на вассальных началах при Екатерине Великой. При этих монархах культурные семена, таившиеся в народе, давали урожай, что называется, сам-триста; страна покрывалась величественными храмами, в церквях появлялись священные предметы и книги с миниатюрами несравненной красоты. Звучали бессмертные стихи вдохновенных поэтов, как, например, поэма Шоты Руставели «Человек, одетый в барсову кожу», отличающаяся неувядаемою прелестью изложения и обаятельной мудростью; она переведена на главные европейские языки (особенно хорош немецкий перевод Артура Лейста – «Der Mann im Tigerfelle»), и только на русском языке не имеется ее полного стихотворного перевода.

Народ оценил своих царей, дававших ему правду и покой. Все, что пленяет его взор, – храмы, развалины башен, загадочно-красивые места, – связывается с именем великой Тамары; царя Ираклия II, грозу персиян и турок, народ фамильярно называет «патара кахи», маленьким кахетинцем. На этих примерах видно, как глубоко демократична основа всякой сильной монархии.

В исконном социальном строе грузин был весьма крупный изъян, за который им пришлось пострадать, да и еще, быть может, придется поплатиться, если не существованием, то, во всяком случае, благополучием целого племени: *у них не было собственной буржуазии*. Промышленниками, торговцами и ремесленниками в немногочисленных грузинских городах были преимущественно иноверные и инородные армяне, укрывавшиеся под защиту грузинского меча от мусульманских преследований. Они играли у грузин отчасти ту же роль, какую тля играет у муравьев: пользовались миром под защитой грузинского меча, накапливали богатство, а по временам невольно делились этим последним со своими властителями, перед которым и трепетали в раболепном страхе. Покойный кавказский генерал Кишмишев, горячий армянский патриот, с озлоблением рассказывает в одной брошюре, что когда богатые армяне отказывались давать требуемые феодалами деньги, то князья опускали их в мешках в быстротечную Куру и грозили утопить в случае неповиновения; по слухам, в числе пострадавших были предки названного автора. Способ вымогательства, конечно, сам по себе непохвальный, но находившийся, по-видимому, в тесной логической и бытовой связи с одинаково непохвальным способом, которым армянская буржуазия приумножала и доселе приумножает свои богатства, плоды зачастую явно неправого стяжания.

Грузинские цари и князья не были беспочвенными доктринерами правового порядка: они чутьем понимали, что денежный феодализм, *капитализм – есть враг государственности*, когда выходит за благоразумные пределы. Заправский феодал не так страшен, ибо всегда известно, где его можно найти и как его в руки взять; «феодал капитализма» страшнее, потому что неизвестно, каких царских слуг он подкупит, каких вооруженных людей наймет, каким интересам народа, особенно чужого ему, он изменит ради своих выгод. Тогда подобные вопросы решались просто, и нужно сказать, что при соблюдении человечности и умеренности, это было резоннее, чем социально-экономический хаос, царящий в

большинстве современных государств, облагодетельствованных европейской цивилизацией.

Так или иначе, армяне в самостоятельной Грузии не представляли для грузин такой роковой опасности, какую они представляют теперь, при отвлеченно-принципиальном в теории, а на практике – зачастую безпринципном современном управлении краем. Тем не менее, и тогда отсутствие у грузин собственной буржуазии, роль которой армяне выполняли паразитически, *было в основе так же ненормально, как еслибы одному человеку вставили желудок другого человека, тайно работающий в пользу этого последнего.* Пример, невероятный в единичной жизни, но бывавший в государствах; такая аномалия была одною из причин падения Польши, где экономическая область была захвачена евреями.

С тою же аномалией не мешает поэнергичнее бороться и нашему государству, тем более, что времена теперь гораздо более острые и менее богатые инстинктивным государственным смыслом: инородческая буржуазия – значить *господство противорусских разлагающих идей и в печати, и в школы, и в общественных учреждениях и даже в служилом классе, всегда мало обезпеченном*; единичные люди, стоящие у тех или иных деловых шлюзов, могут не устоять перед пением таких сирень, как какой-нибудь еврейский банкир или армянский нефтепромышленник... Это уже и замечается...

Часть грузинских армян, племенною чертою которых является не только экономическое пронырство, но и бюрократическое пролазничество, воспитанное безнравственною персидско-турецкою служилою школою, проникла в грузинский служилый класс и даже в знать. За исключением двух-трех случаев, это была грубая ошибка со стороны грузинских царей, признак их слабости, а зачастую – подкупности многих властных лиц, не исключая самих венценосцев.

Характерны, между прочим, слова одного из последних грузинских царей об армянском семействе Коргановых.¹ Кто-

¹ Эта ветвь Коргановых прекратила свое существование. Авт.

то пришел к царю с челобитною на одного из них, царь признал правильность челобитной и виновность Корганова, но отвечал, что ничего с этим поделать не может: *«Это люди ядовитые; вот на Сололакской горе лежит мертвый Корганов. Волки вокруг него ходят и нюхают, а дотронуться боятся! Что же прикажешь мне делать с живым?!»*

История показала грузинам, что нельзя доверяться людям, у которых есть природная склонность к шпионству и измене: армянские мелики Або и Меджнун, облагодетельствованные Ираклием II, который укрыл их от персидских гонений, в роковую минуту передались персиянам и были проводниками полчищ Ага-Магомет-Хана, разграбивших и заливших потоками крови Тифлис в 1795 году. Этот факт полезно вспоминать, когда армянские публицисты слишком настаивают на том, что армяне ревностные *христиане*...

Отсутствие собственной буржуазии весьма опасно любому народу в наши дни, когда экономические вопросы имеют преобладающее значение; насущно необходим такой класс людей с промышленной энергией, который бы пополнялся не только снизу, но и сверху, т. е. представителями дворянства, приспособляющимися к новым условиям; в противном случае разоряющиеся дворяне будут падать прямо «на дно», а народная масса будет в кабале у инородных эксплуататоров. От этого зависит уровень всех культурных учреждений и форм жизни: и церковь, и школа, и печать, и благотворительность, – все это слабеет без материальной и идейной поддержки со стороны энергичного промышленного класса. Образованность падает – и это немудрено: учебные заведения находятся в городах – и захолустному деревенскому жителю, даже обладающему большим, но мало доходным имением, мудрено жить на два дома, чтобы воспитывать сына в гимназии, или хотя бы подготавливать его туда; а платить за полный пансион ребенка – дорого, да и дитя отрывается от семьи; любой же мелкий приказчик, фактор, духанщик из армян, живя в городе, может почти без затрат довести своего сына до университета. Когда такая разница положений проявляется в большом числе фак-

тов, то, в результате, *целая народность отстаёт* в культурном отношении и теряет крупные шансы в борьбе за существование. В данном случае, с русской государственной точки зрения, это весьма невыгодно, т. к. грузинская народность в Закавказье является ближайшею нам по духу и основам культуры, обладает высокими нравственными традициями, а кроме того, как видно из целого ряда отчетов попечителя кавказского учебного округа, отличается большими способностями к научному и нравственному развитию, чем все прочие местные племена.

В начал XIX века прочно водворяется в Грузии русская власть, принося блага мира и открывая простор всестороннему развитию края. Однако, для своеобразной Грузии мир оказался благом не безусловным, а относительным. Во всяком случае, несомненно, что он принес и кое-какие отрицательные явления. Во-первых, во дни постоянной опасности грузины проводили большую часть времени в горах, а с наступлением мира прочнее осели в знойных долинах, где лукавым врагом их явилась *малярия*, убийственно влияющая на здоровье; преемственные следы малярии можно встретить теперь даже на личиках новорожденных детей.

Во-вторых, хотя виноделие и процветало издревле в Грузии, но хроническое отсутствие безопасности мешало злоупотреблять его плодами. Тогдашние пиры были редки и торжественны, как праздники победы или спасения. Традиционная песня «мравалжамиер» (т. е. многолетие) заканчивалась (и доселе заканчивается у грузин-горцев) словом *аминь* и крестным знаменiem. Теперь, когда пируют иначе и, от безделья, слишком часто, она стала простою застольною песнью, и торжественный церковный мотив ея нередко сменяется безшабашно-веселым. Злоупотребление пирами – не шутка: в некоторых местностях можно видеть немало детей, *возникших в момент нетрезвости отцов*. Это, по меньшей мере, скверно влияет на волевые центры множества людей, и притом *в такой исторический момент, когда нужен серьезный систематический труд, нужна вдумчивая самостоятельность*.

Необходимо отметить характерный, весьма отрядный симптом, все чаще встречающийся в Грузии: молодежь чувствует нередко отвращение к вину; можно подумать, что здесь говорит расовый инстинкт самосохранения. Надо надеяться, что он принесет добрые плоды.

Очень жаль, что у нас еще сравнительно мало наблюдают за психофизическим состоянием населения в разных местностях Империи; особенно важны были бы систематические наблюдения на окраинах с пестрым населением, где выводы, на основании точных данных, могли бы иметь не только практически-государственное, но и общенаучное значение. В частности, такое дело, хотя и в ограниченных размерах, но при возможности значительной полноты характерных данных, сподручно начальству учебных заведений, особенно закрытых. В Тифлисе в конце 90-х годов был во главе местного кадетского корпуса видный педагог И.Д.Смирнов, ведший глубоко-интересные записки, богатые весьма ценным материалом такого рода и остроумными выводами, но, к сожалению, доселе не напечатанные. В частности, он обратил сочувственное внимание на грузинскую учащуюся молодежь и заметил, что в этом подрастающем поколении весьма часто происходит следующий ряд перемен: маленький грузин лет до 14 или 15-ти отличается необыкновенною восприимчивостью к жизненным и научным впечатлениям, находчив, боек, доступен педагогическим воздействиям; затем, около указанного возраста, совпадающего с ранним на юге половым созреванием, он как-то привядает, тупеет, утрачивает интерес к науке, а иногда проявляет те или иные порочные наклонности; через два-три года он несколько оправляется от этого явления, которое можно назвать недугом, но задатки прежних духовных сил уже не восстанавливаются и выходит довольно шаблонный юноша, словно несущий отпечаток какой-то болезни. Очевидно, тут влияют и природа вообще, и малярия в частности, и результаты наследственного алкоголизма, выражающиеся в ослаблении волевых центров, и крайний недостаток домашнего надзора за мальчиками в

острый период первых страстей, ничем и никем не сдержанных.

Чтобы завершить перечень перемен психо-физиологических, не мешает сообразить, что многовековая война выработала в нервной системе грузина черты, не находящая себе теперь применения и потому извращающаяся; удаль и рыцарский блеск нашли себе применение в кутежах, карточной игре, кровавых ссорах, тщеславной роскоши выше средств и т. п.; все круче становится наклонная плоскость, ведущая от прежних подвигов к бесславной гибели или скамье подсудимых; всматриваясь в лица людей, сидящих на ней, нельзя отрешиться от чувства мучительной боли: так наглядно, что многие из этих сегодняшних преступников, при иных условиях, были бы героями; в них действует не злая воля, а взрыв безцельной и безысходной нервной энергии.

В государстве, где понятие экономии народной жизни более разработано, этой стихийной силе дали бы применение, либо как войску на другой окраине, либо в каких-нибудь иных сферах, напр., мореплавании и т. д., где нужна дисциплинированная удаль, как творческий элемент. Теперешняя кавказская власть упустила случай поднять, например, вопрос о том, чтобы из обедневшего, безземельного, кутящего контингента кутаисских дворян *составить дружину* во время китайской войны, или *ряд станиц на границе Манчжурии*.

В древней Греции государство искусственно развивало те черты, которые мы на Кавказе получили даром, и которым мы предоставляем *мельчать и гнить*, с явным вредом для общественной безопасности, для невинного народа и для русского государственного дела.

Необходимо еще отметить одно весьма характерное явление. Грузины любят служить у себя на родине и горько сетуют, если, по окончании курса в высших учебных заведениях, им это не удастся: они склонны в этом видеть «обрушительную политику», хотя она тут совершенно не причем. Ведь никакой уроженец Полтавской или Тамбовской губер-

нии не требует, чтоб ему давали место непременно там, где он явился на свет: в наше время перепроизводства ни к чему не подготовленной дипломной интеллигенции он благодарен судьбе, если ему вообще дадут какое бы то ни было место. А грузину желательно непременно «устроиться» в Грузии. Между тем, именно там-то ему и труднее всего сделать что-нибудь путное, быть полезным народу и выдвинуться по службе, так как многия условия местной жизни этому сильно мешают. Страна все еще переживает *болезненно-переходное состояние*. Старый строй рушился, а к новому население не приспособилось. Прежние нравы и обычаи отмирают, т. е. именно *гниют и мельчают*; остаются в силе только деспотичные мелочи и формы, уживающиеся преимущественно с отрицательными сторонами новых понятий. Сплошь да рядом можно встретить «интеллигентного» грузина, в сознании и чувствах которого перепутались родовые счета и феодальная амбиция с шаблонными формулами более или менее крайнего «либерализма». Творчеству, под давлением таких внутренних противоречий, мудрено возникнуть и разрастись на зыбкой почве смены понятий и настроений. Грузин-юрист наталкивается на неискоренимое родовое начало, охранитель казенных земельных интересов – на органическое, стихийное к ним неуважение, ревнитель крестьянского блага – на пережиток упорных феодальных инстинктов, писатель – на ревнивые требования племенного обособления. Всюду и во всем – препятствия широкому взгляду на общегосударственные и человеческие интересы, без которого немислимо принципиально-обоснованное прогрессивное творчество. Если прибавить к этому мстительность людей, считающих, себя обиженными, и назойливость тех, кто чего-либо домогается в ущерб закону, то можно себе представить, как тяжело приходится любому кавказскому деятелю-грузину, связанному с местными обывателями родством, соседством, приятнью, или хотя бы враждой. Доносы, пристаиванья, угрозы, – целый ад! Если область, в которой он работает, не затрагивает кровных интересов его земляков, то и тогда ему трудно сис-

тематично работать, потому что ему *не дают* смирно посидеть за письменным столом то гости, требующие радушного приема с вином и пением, то приятели, зовущие его в гости на вино и пение. Климат разнеживающий, обычай обленивающий и отвлекающий от серьезного дела, и многое множество людей без дела, призвание которых как будто состоит в том, чтобы мешать ближним работать.

Весьма замечательно, что грузины оказываются талантливыми деятелями на разных поприщах именно при условии отдаления от родины. Примеров много бы можно привести, но я остановлюсь на одном, весьма ярком и поучительном с начала до конца. Один князь, проводивший время в кутежах, убил совершенно зря какого-то скромного обывателя, имевшего несчастье зайти в туземный ресторан и навлечь на себя внезапный гнев этого «фыцаря»; преступника сослали сперва в Сибирь, а затем в одну из южных губерний Европейской России. В обоих местах ссылки он стяжал всеобщее уважение и сочувствие своей порядочностью, трудолюбием и полезною деятельностью; так, напр., на юге России он принялся обучать население шелководству, огородничеству и виноградарству и стал близким советником губернатора в его заботах о подъеме народного благосостояния. Вдруг с Кавказа пришла весть о том, что мать ссыльного князя умирает. Ему разрешили съездить на родину – и по пути он заглянул к находившемуся тогда во Владикавказе известному боевому генералу и администратору князю Н.З.Чавчавадзе, чтобы просить его содействия для исходатайствования ссыльному полного помилования. Князь Николай Зурабович получил так называемое «чапарское воспитание», т. е. никакими дипломами не обладал, но был человек самостоятельно образованный и необычайно умный. Он участливо посмотрел на просителя и сказал ему: «И с какой стати это тебя, глупаго, тянет в Грузию?! Пользовался бы тем, что на чужой стороне можешь спокойно работать, ума-разума набираться и чему-нибудь учиться! А попадешь на родину – и опять станешь копителем неба, а пожалуй и еще раз дойдешь до преступления. Во всяком случае, быть полезным человеком тебе там вряд

ли удастся». Но ссыльный, встосковавшийся по родине, не унимался – и маститый князь уступил: исходатайствовал ему полное помилование. И предсказание его сбылось, как по писаному! Прощенный ссыльный получил недурное казенное место на родине, но затем весьма скоро его потерял по собственной вине и стал хозяйничать на клочке наследственной земли; пошли сперва соседския пирушки, потом попойки в городах, и наконец какой-то собутыльник распорол ему живот кинжалом. Пострадавший остался жив, но, конечно, еще отдалился от возможности быть «полезным человеком»...

Жизнь грузинского общества, особенно высших его классов, резко меняется к худшему, *строй разлагается*, и именно вследствие рокового несоответствия между исторически выработанным характером народа и новыми социально-экономическими условиями, не говоря уже о законах. Утрата *почвенных* нравов и обычаев не может не вести к разложению. Перемена образа жизни сразу не дается. Спортивность и органическая жажда сильных нервных впечатлений, не находя прежних форм для своего удовлетворения, переходит не только в обыкновенную преступность, но и в увлечение *анархическими утопиями*. Грузинскую молодежь, в душе вполне лояльную и вообще очень симпатичную, весьма нетрудно смутянам подвинуть на резкия выходки с печальными последствиями: иногда достаточно для этого сказать, что та или иная авантюра ведет к славе, что грузинам следует быть «передовым народом» и т. п. Народная масса, особенно за Сурамом, т. е. в Имеретии, Мингрелии, Гурии, также довольно чутка к анархическим напештываниям; в Гурии (Озургетский уезд) уже довольно давно аграрныя отношения приняли чрезвычайно острый характер. С одной стороны заметный рост общей преступности, с другой – социалистическия бредни, с третьей – преступныя же колоритныя формы старых хищных инстинктов и понятий, – все это создает небезопасную в близком будущем *массу горячаго материала* в западной Грузии, напоминающей то Италию с ея карбонариями, то Корсику с ея кровавой анархией и своеобразно-диким колоритом. Маленькая книжка Проспера Меримэ

«Colomba», рисуящая корсиканские нравы, заставляет переноситься мысленно в засурамскую Грузию. Между прочим, характерная грузинская черта — необычайная *театральность* всего населения, сверху до низу. Грузины, особенно западные, — прирожденные актеры, поэты, художники. В них говорит и сильная, красивая, резкая природа, отражающаяся на их духовном складе, и полная приключений история: приключения и склонности предков *претворяются* у потомков в игру фантазии и именно в *органическую художественность*. Когда это приобретает значение и размеры массового явления, то, значит, нервы целой народности постоянно возбуждены, восприимчивость получается болезненная...

Интересною иллюстрацией к изложенному может послужить следующий факт. В 1895 году был зверски убит в Кутаисе огромною толпою евреев некий Лука Костава. Мать и вдова убитого явились в Кутаис с распущенными волосами, исцарапанными грудями и воплями ярости. Один вид их мгновенно взбудоражил все население, произведшее немедленно гигантский разгром еврейского квартала. Вся местная интеллигенция была на стороне громил; говорили о ростовщичьем гнете главных еврейских тузов над местными обывателями, о предосудительном амикошонстве богатого еврея Цициашвили с одним местным администратором (вскоре уволенным в отставку), и т. д.; антисемитизм был повальный. Прошло несколько лет; петербургские евреи и их прислужники устроили известный скандал в Малом театре на представлении «Контрабандистов» — и та же пьеса вызвала вскоре аналогичный скандал в кутаисском городском театре: недавние «убежденные» антисемиты явились защитниками дурных инстинктов еврейства. В обоих случаях главную роль играла именно нервная восприимчивость и *театральность*, в связи со склонностью фрондировать...

Вникая в самую глубину области чисто психологической, следует отметить, что мир и новые условия жизни крайне пагубно отразились на грузинской *Церкви*. В течении многих веков религия запечатлевалась кровью мучеников и вера бы-

ла подвигом. Автокефальная грузинская церковь, несмотря на наличность епископов-феодалов и не разработанность богословия, озарялась самосознанием. С наступлением мира, *вера утратила трагический характер*, свойственный самому существу христианства, *и потому оскудела*. Автокефальная Церковь, в силу здравых государственных соображений, была упразднена и ее огромные земельные имущества были взяты в казну. Положим, последнее состоялось по ходатайству самого грузинского духовенства, сознававшего свою неспособность управиться с ними. Это бы и не беда, если бы рядом с урезанною грузинскою Церковью не высылось в Эчмиадзине внушительное здание *армянской теократии*, богатой землями и деньгами (управление которыми лишь весьма недавно передано в ведение казны), политически организованной и нередко ведущей *открытую борьбу с русскою властью*. При виде такой картины, подзадоривающей сепаративные чувства в каком угодно народе, грузины, не взирая на только что обнародованную реформу управления армянскими церковными имуществами, *все еще вправе* вывести заключение, что на Кавказе *выгодно быть иноверным*.

Наконец, и это соображение отступило бы на второй план, *если бы Православие пользовалось в крае достаточною заботою и вниманием служилаго класса и общества*. Между тем, *еще весьма недавно в столицах и центре самой России религия обратилась не в авантаже*, и серьезный поворот к лучшему начался лишь по державно-творческому почину незабвенного Императора Александра III, причем это спасительное движение до Грузии пока дошло в слабых размерах. Всего несколько лет тому назад, один важный кавказский чиновник спросил экзарха Грузии, поедет ли его высокопреосвященство на вокзал встречать католика всех армян. Получив отрицательный ответ, сановник удивился:

— Ведь, кажется, патриарх в церковной иерархии больше значит, чем митрополит или экзарх?

— Да, — спокойно ответил владыка, — но только *православный* патриарх, а не ересиарх.

Сановник пожал плечами, но настаивать не посмел.

Возьму другой случай, не менее характерный. В одной подцензурной армянской газете, печатающейся русскими буквами, появились недостойнейшие инсинуации против одного из древнейших и воистину благочестивейших грузинских монастырей, *обители Иоанна Зедадзенского*. Между прочим, было в прозрачном намеке сказано, что чудо (самонаполнение бассейна водою в день храмового праздника), которым славится эта обитель IV в., есть не более, как шарлатанство. Как очевидец, побывавший в этом орлином гнезде, где впроголодь живут пять убогих отшельников, я написал ответ, заслуженный клеветником. *Цензура мне его запретила*. Когда я явился к кому следует для личных объяснений и стал доказывать, что издевательство в газете над народными святынями есть грязная гадость, лучшим противоядием против которой может служить негодующее печатное слово, — то господин, с которым я объяснялся, отвечал с видом удивленного либерализма:

—Что за пристрастие к религии?! Простите, у вас немножко жандармская точка зрения. Охота поддерживать отживший хлам!

В устах должностного лица это было, по меньшей мере, неуместно!

Для иллюстрации этого случая добавляю еще кое-что. Автор указанной подлой статьи был политически ссыльный, чуть ли не из участников заговора 1 марта. Очутившись в Тифлисе, он систематически служил армянской ростовщическо-сепаратистской интриге в местной печати и, между прочим, шельмовал, под предлогом либерализма, многое из того, что дорого настоящим грузинам и русским. Когда этот проходимец умер, то на похоронах его фигурировал, среди тифлиссских шпыней и умственных босяков, один из местных предводителей дворянства, человек гордящийся титулом и придворным званием. Очевидно, он сделал это *по приказанию армянских заправил*, у которых состоит в долгу.

Значение такого факта, как упадок религии, прямо трагично для народа, вся культура, вся духовная жизнь которого зиждилась на этой основе. Бедствие осложнилось еще целым рядом других, естественно возникавших явлений, из которых самым роковым, особенно для грузинского народа, были реформы 60-х годов; говорю *для народа*, а не для одного только дворянства, потому что и дворяне, и крестьяне немедленно после разрыва связи между ними, очутились в цепких лапах армянской буржуазии. Что при патриархальном складе дореформенного наместничества могло сдерживаться властною рукою таких мудрых правителей, как Ермолов или Воронцов, — то разрослось под кровом отвлеченного правового порядка, давшего пронырливому мошенничеству перевес над патриархальным и далеко не всегда (а лишь в исключительных случаях) суровым традиционным произволом. Новые суды и, главное, безпринципные адвокаты развили сутяжничество, кляузничество, лжесвидетельство, подмен обычной честности формальной безнаказанностью, и т. д. Особенно славятся этим имеретины. Они дают своим дочерям в приданое сотни гербовых марок. Однажды в городском саду в Тифлисе я следил с часами в руках за беседой двух поваров-имеретин; за четверть часа их грузинская речь прерывалась более полутора раза возгласами: «кассационни прашени», «примэчани на статей» и т. д.

Городское самоуправление нового образца с невероятною быстротою оказалось в руках армянской плутократии, хозяйничающей беззастенчивейшим образом и открыто пренебрегающей интересами более многочисленной разноплеменной массы населения. Почти все банки, не исключая государственного, оказались в руках у армян, а также и сбыт продуктов сельского хозяйства. *Вся экономическая жизнь края находится в железных тисках стачки.*

Грузинское землевладение тает с невероятною быстротой. Разные Манташевы, Арамьянцы, Арафеловы, Макарьянцы и другие армянские тузы скупают за безценок грузинские земли и населяют их выходцами из Турции; *часовни и даже церкви переходят в руки армян.*

Нужно заметить, что громадная часть этого процесса совершается тайно: армяне еще не смеют открыто предъявлять всех своих документов и ликвидировать своих междуплеменных вопросов в области земельной. Они боятся взрыва отчаяния в грузинском обществе и подозревают, что русское правительство, вследствие резкого кризиса, станет поближе присматриваться к кавказским делам.

Немалый вред нанесла грузинам и новейшая школа, пробавлявшаяся ложным классицизмом и почти лишенная доброго воспитательного значения. Прежняя батальонная и полковая школа времен Ермолова и Воронцова, как выше сказано, была несложна, но хорошо направлена. Она, закаляла умы и характеры, приспособляя их для перехода к новым государственным условиям. Она дала ряд видных военачальников и администраторов-грузин. Среди питомцев новой школы, выдающихся людей меньше, а людей сбитых с толку – многое множество. В Грузии, – где почти нет фабрик, и о рабочем пролетариате смешно даже разсуждать, – немудрено теперь встретить упорного марксиста; в стране, где вино льется рекой, а табак курится чуть ли не во сне, попадают мнимые «толстовцы». Масса интеллигентных сил, получая русские дипломы, не находит себе применения, мельчает и превращается в каких-то людей без определенного колорита, или с левантинским оттенком.

Борьба, которую вел почивший попечитель кавказского учебного округа, К.П.Яновский, с тогдашним министерством народного просвещения, имела целью приспособление педагогического дела к местной почве. Этот замечательный педагог не дожил до победы своих идей, и Бог весть, когда мы еще дождемся ея. Доселе еще силен пагубный предразсудок *«единой школы»*; смешивают понятия *цели и средства*. Между тем, казалось бы, ясно, что стремление к одинаковым конечным целям при различных условиях должно успешнее достигаться именно разнообразием средств. Идеал школы – дифференциация, а не единство.

Низшая школа также не вполне на высоте своей задачи, по тому что она по временам *слишком торопится вытеснять природный язык населения*. Этот формальный *отчетный* или, еще точнее, *карьерный успех* достигается ценою ущерба для духовного развития, ибо природный язык является естественным органическим орудием этого последнего. Государственный язык народу, конечно, нужен, как путь ко всем благам и преимуществам полноправных российских граждан. Народ жаждет знания русского языка, и представители местной интеллигенции, которые в душе этого не желали бы, руководствуются крепостническими чувствованиями или соображениями: им выгодно загнать народ в темный уголок неведения, чтобы эксплуатировать его возможно беспрепятственнее. Но неправы и те педагоги, которые из простого и ясного вопроса о языке делают раздражающую шikanу, выслуживаясь на нервах народа, в основе склонного быть *союзником* нашим в Закавказье. Ясно, что государственному и природному местному языкам можно разверстаться мирно, не исключая друг друга: это вопрос такта и доброжелательства к населению.

Я не сгустил красок, рисуя отрицательная стороны грузинской жизни. Необходимо отметить, что значительная часть князей и дворян, особенно проживающих в Тифлисе и ведущих жизнь выше средств, падает не только материально, но и морально, *подчиняясь влиянию богатых армян, которые все с большим основанием считают их своим политическим орудием*. Уровень женской нравственности и достоинства тоже заметно падает, под влиянием такой жизни, да и вообще дурных сторон карикатурной в Тифлисе европейской цивилизации.

Была ли древняя грузинка нравственна? Такие путешественники, как Шарден и Дюма, отрицают это. Думаю, что они неправы. Типичная грузинки старого закала, которых мне приходилось встречать, внушают к себе полное уважение. Южной, пылкой женщине чадра и своеобразный этикет прежнего времени были подсказаны, может быть, самою природой.

Дело обстоит плохо, хотя и не безнадежно. Во-первых, погибнет, и скверно погибнет, значительная часть высшего сословия, в течение многих веков воплощавшего собою почти всю Грузию. Это скверно, ибо *всякому народу нужен высший класс с благородными традициями; а они были*. Часть высшего класса, более скромная, вероятно, удержится в своих поместьях. Это – разные отставные капитаны, прапорщики милиции со знаком военного ордена в петлице, и т. п.; это *настоящие почвенные грузины*, люди добропорядочные, преданные своему народу, Государю и отечеству. Нарастет мало-помалу сверху и снизу грузинская буржуазия, *если действительно-передовые грузины и русская, власть поймут, что этому делу действительно необходимо помочь*. С оздоровлением русской школы и печати поднимется уровень и грузинской интеллигенции; наконец, *народная масса* таит в себе немало живых сил; но *всякая народная масса нуждается в помощи и в заботливом внимании правительства*.

Теперь грузинский крестьянин еще забит, сконфужен и как-то растерялся, тем более, что свободу-то ему объявили, но реформу скомкали, как попало; обязательные земельные отношения еще не распутаны, как не распутано ни межевание, ни многое другое. Экономические условия гнетут его; в лице скупщиков и кулаков-армян, он получил более жестоких властителей, чем прежние господа, самодурство которых смягчалось целым рядом *добрых обычаев*, сближавших сословия между собою. Прежняя строгая власть феодалов держала крестьян, при этом, в повиновении, заставляла их уважать чужую собственность. Теперь эта власть упразднена, а *понятие законности в народном сознании не укоренилось*, так как перемена была слишком резка и народ к ней не был готов. Аграрные недоразумения происходят не чаще. И при этом крестьянин не чувствует себя гражданином с определенными правами и обязанностями. Вновь позволю себе воспользоваться стихотворной формой, потому что у нея есть техническое удобство: она короче и определеннее. Предмета стихотворения – грузинский крестьянин Вано, соответственный русскому Ивану.

В А Н О

В ущельях сыро и темно.
Вдали чуть брезжет луч разсвета...
Индеек гонит из Душета
Дорогой пыльною Ваню.

В руке большая хворостина,
Платком повязан, смуглолиц,
В шинели рваной, без петлиц,
Шагает медленно детина.

Во взоре черных глаз – печаль,
И в складке губ – следы тревоги.
За белой лентой дороги
Синеет дремлющая Даль.

И словно чует иль предвидит
Ваню, свершая скучный путь,
Что непременно кто-нибудь
Его обманет иль обидит.

В духанах могут обокрасть;
Не то – отдать индюшек пару
Придется встречному чапару.
Чапар с нагайкой—это власть!

Под самым городом, в духане
Всесильных скупщиков приют:
Из рук все вырвут и возьмут
Неустрашимые армяне.

Они над рынком господа –
Ваню покорно понял это.
Но вот фальшивую монету
Подсунуть могут. Что тогда?

Деньжонок надо: срок подходит
Начальству подати платить.
Сынка давно пора крестить:
Уж говорит и бойко ходит.

Хоть пара буйволов была:
Чинить дорогу их забрали!
Вернулись хворыми и пали...
Колючкой нива поросла.

Земля с помещиками в споре:
Межуют, судят двадцать лет,
А все решенья нет, как нет!
Куда ни глянь — одно лишь, горе!

Соседи воду отвели
И сохнет сад, а нет управы;
Лишь адвокат, мудрец лукавый,
Все пишет: «денег вновь пришли».

Идет Ваню, томим тоскою.
Заря восходит из-за гор.
Багрянцем залитый простор
Сверкает дивной красотою.

И в сердце хлынула струя
Восторга, что-то в нем запело:
«Самшобло, чемо Сакартвело!»
«Отчизна, Грузия моя!»

Да, он стихийно любить свою отчизну, как любит ее всякий грузин, потому что ее нельзя не любить. Но на русского Царя он смотрит не просто, как на начальство, а как на своего *законного* царя, естественного преемника прежних

династий. Это патриархальная, сыновняя любовь, не содержащая в себе ни тени холопства.

Вот один из тысячи характерных случаев, рассказываемых тифлисским простонародьем о поездке Императора Александра III в Кахетию. Когда Их Величества выехали из Тифлиса, то на шоссе им попался простолюдин, сидевший на корточках и жаривший шашлык. В неистовом восторге он замахал руками и закричал, поднимая стакан с вином:

– Александре, Мариаме, гамарджоба! Дай Бог вам победу!

Государь осчастливил грузина: отхлебнул вина и выпил за свой верный грузинский народ.

4. Русско-грузинские отношения.

Весьма интересен вопрос о русско-грузинских отношениях. Нижние народные слои сближаются прекрасно, как два родственных, стихийных начала. И в древнем Мцхете и в Бодбийском монастыре, в Кахетии, бывают тысячи русских богомольцев, братающихся с грузинами. В армии русские также теснее всего сходятся с грузинами, тогда как армян офицерская семья некоторых полков, как например, Нижегородского, не склонна принимать в свою среду. Генералы из грузин популярны среди русских солдат, как люди с надлежащей осанкой и мужественные. Года через два после оставления корпусным командиром, князем Амилахвари, своего поста, некоторые солдатики были убеждены, что он «во временном отсутствии» и что «в случае военных действий опять будет командовать».

Отношения же между служилым классом и грузинским дворянством – довольно рогатые, – несомненно, по вине, обеих сторон. Во-первых, у местного высшего сословия довольно много наступательной амбиции, а гражданской принципиальности зачастую не хватает. Стоит чиновнику отказать какому-нибудь потомку феодалов в невыполнимой или

незаконной просьбе, чтобы этот последний признал всех чиновников мучителями, а всю Грузию несправедливо обиженной. Логика немного дамская: если один мужчина огорчить даму, — она непременно скажет, что все мужчины изверги! Между тем, сами же эти князья нередко обращаются свысока с чиновниками из семинаристов или вообще незнатными, сами же создают себе недоброжелателей.

Особенно «неудобны» бывают некоторые представители выдающихся старинных родов, отличающиеся психологией маленьких «*rois en exil*»; те из них, которые с новым положением своим не примирились, ни к какому делу не приспособились и склонны только к «эффектному» прожиганию жизни, проели деньги, полученный от казны в вознаграждение за утраченные «владения», быстро спустили затем еще ряд «пособий» и плоды выигранных у той же казны процессов, — являются самыми яркими ненавистниками всего русского, *даже когда на них продолжают сыпаться благодеяния*; в их недовольстве звучит, если можно так выразиться, органическая скорбь об утраченном «произволе на курьих ножках». Обладая иногда большими связями в столичных сферах, эти господа при случае являются истинным бедствием для кавказских русских властей; постоянно нуждаясь в деньгах для поддержания своего паразитического «блеска», они снуются с богатыми вожаками армянского движения и являются проводниками их тенденций и интриг в доступных им кругах. Они же обыкновенно эскамотируют в свою пользу великодушное настроение русского правительства, выражающееся по временам смутною формулой «*Il faut faire quel que chose pour ces bons Géorgiens*». Львиную долю этого «*quelque chose*» хватают на лету люди, и без того преисполненные всякими милостями, а грузинам, *как народности*, от этого не слаще. В русском служилом классе привилегированные паразиты вызывают негодование, доходящее почти до ненависти, своей заносчивостью и снобизмом. Русский человек по натуре демократичен и феодальной гордости не понимает: он ценит заслуги, а не гербы,

В сношениях обывателя со служилым классом нужна вообще некоторая политика. Когда армянин желает добиться чегонибудь, то он стелется ковром, змеей ползет у ног любого делопроизводителя и достигает своей цели нередко одною, вкрадчивостью. У грузинской аристократии и интеллигенции нет ни этой «удобной» черты, ни черты более высокой и почтенной, — а именно *выдержки*. От того и деловое положение их зачастую неустойчиво. Вредят они себе также пристрастием к родовому началу: самый доброжелательный чиновник, естественно, с меньшим доверием относится к человеку, у которого под соображениями принципиального характера он имеет основание подозревать партийные или родственные комбинации.

Смесь средневековых чувствований с теоретическими понятиями XX века порождает, конечно, путаницу, невыгодную, для ея носителя. Под впечатлением частых недоразумений, обе заинтересованные стороны склонны к огульным мнениям и легко верят клевете, вследствие чего отношения еще обостряются. Грузины склонны находить, что все кавказские чиновники непременно плохие люди, что, разумеется, неверно: многие, правда, — но не все! Многие кавказские чиновники склонны утверждать, что все грузины серьезные сепаратисты, что также совершенно неверно.

Грузины любят с убеждением выдвигать слово *верноподданный*, что означает на кавказском символическом языке исповедание преданности Государю, но *нежелание подчиняться кавказским властям*. Грузинские дворяне удивительно умеют «дуться» на чиновников и тем вредить себе. Трудно описать, сколько муки принял, сколько мелких уколов самолюбия получил, например, покойный князь Дондуков-Корсаков, искренно желавший добра грузинам и лишь под конец выведенный из терпения. Рассказывают, например, что, когда он приехал однажды в Кутаис, его угостили следующим транспарантом: изобразили две начальные буквы его фамилии, *Д.К.*, а повыше, в интервале, написали «*ура*». И это проделали, как школьники, зря, для красного словца! В

основе ряда подобных поступков лежало неудовольствие по поводу упразднения наместничества, более отвечавшего отрицательным сторонам восточного мирозерцания и быта, чем холодно-строгий порядок и законность.

Кавказская атмосфера, растлеваемая армянскою лестью и посулами и обостряемая грузинскою нервностью, весьма плохо влияет и на русский служилый класс, мало-мальски властные представители которого, чувствуя себя далеко от Петербурга, легко поддаются соблазнам восточных бюрократических нравов. Это учитывается в свою пользу лукавыми элементами населения, а элементы нервные на этом проигрывают. Один старый грузин как-то шутя заявил что не может отыскать границы между понятиями «правительства», «покровительства» и «превосходительства». Вообще, горькаго юмору в грузинских речах довольно много. Например, один князь формулировал свое положение так: «У меня имение отобрали армяне, службу отобрало начальство и остались только верноподданные чувства, да хороший аппетит. Ничего, жить можно»!

По временам поднимается то чиновниками, то печатью вопрос о грузинском *сепаратизме*. Оставляя в стороне преувеличения и, может быть, мечтания какой-нибудь, кучки невлиятельных людей, необходимо водворить это обвинение в действительный границы существующаго факта.

Славная история не забывается – и сознательные классы народа, отнюдь не изменяя своим верноподданныческим чувствам и не возражая против прочности добровольнаго присоединения Грузии к России, тем не менее желали бы не утратить своей этнографической самобытности. Они дорожат своим народным обликом, языком, обиходным и церковным, песнями, литературой, символизмом обычаев.

Вряд ли это кому-нибудь мешает. Скажу больше: так как нравственность и цельность человеческой личности зиждется на нравах и обычаях, на почве расовой, то *грузин типичный, с точки зрения широко понятых государственных интересов, предпочтительнее грузина, оторваннаго от почвы и не при-*

крепившагося прочно к русским началам: последний принимает облик левантинца, человека с племенными недостатками и без традиционных племенных добродетелей, т. е. человека никому не полезного: ни Богу свечка, ни чорту кочерга!

Более острая формы обособления, как выше сказано, замечаются за Сурамом, в Кутаисской губернии. Объяснения этому надо искать и в истории, чрезвычайно анархичной по характеру, и в лихорадочном климате, и в необычайной нервности этой отрасли грузин. Помимо всего, царство Имеретинское было скорее завоевано, чем добровольно присоединилось. Наконец, при указанных условиях, острое значение имеют явления *социально-экономическая*, в силу которых наиболее сознательная часть населения, очутившись на мели, проявляет симптомы тревожного свойства.

В стремлениях обособляющейся части грузинского общества есть немало внутренних противоречий. Представители этих настроений, с одной стороны, глядят в прошлое, увлекаются своеобразною дилетантскою археологией, нервно дорожат костюмом, кинжалом, архитектурой и всякими внешними формами с племенным отпечатком, с другой же — хотели бы распространения на Грузию общероссийских учреждений, т. е. суда присяжных, земства, университетов и иных высших учебных заведений; с одной стороны они стоят за неприкосновенность грузинского языка, с другой — за марксистскую классовую борьбу, отрицая значение языка и традиций. Эти различные мнения выдвигаются различными группами интеллигенции, спорящими между собой, но обыкновенно объединяющимися в общей струе центробежных стремлений; зачастую же совершенно противоречивые тенденции уживаются в одном и том же лице, свидетельствуя о путанице понятий.

Грузины — одновременно народ *неполитический* и вместе обладающий склонностью к нервным ощущениям, даваемым театральными сторонами и спортивными формами политической борьбы. В изложенном, на первый взгляд, как будто содержится противоречие. Но дело в том, что нервная склонность к политике еще не есть призвание, венчаемое ус-

пехами. Строго говоря, названия «политического народа» наиболее заслуживают лишь германцы, в особенности же их англо-саксонская отрасль: там народоправство работает *ровно*, почвенно, успешно, причем общество почти сливается с правительством; большинство прочих народов нуждаются в сильной центральной власти и в *административном* строе, потому что их граждане либо не так умеют «спеться», либо равнодушны к политике, либо слишком нервны (почти все южане). Народ «политический» может быть мелким и буржуазно-пошлым (напр. голландцы и т. п.), а «неполитический» – великим, как например, русские. Вопрос тут не в духовном уровне, а в степени, так сказать, «сцепления атомов» данного народа. С этой точки зрения большинство южан могут быть сравнены с газообразными телами...

К сожалению, не только обособляющимся, но всем вообще интеллигентным грузинам сильно *не хватает дальновидного племенного патриотизма*, продуманного плана действий для доставления своему народу заслуженно-привилегированного положения в Российской империи. Последнее достигается обыкновенно либо с оружием в руках, либо *добром*; грузины же склонны к третьему, весьма неудачному образу действий: они нередко совершенно зря «дуются», фрондируют – и тем портят свои дела, на радость прочим кавказским конкурентам. А у грузин огромная данная для успеха: они *симпатичны русским людям*, исповедуют государственную религию, легко приспособляются (при желании) к разным условиям. Они могли бы занимать у нас, если бы хотели, видные места и влиять на обще-русские дела. И вот, не хватает ни выдержки, ни дальновидности...

Всякому, не только относящемуся к этнографической самобытности своей, но даже самому простому хозяйственному или экономическому вопросу, сопряженному с выборной агитацией, речами, баллотировкой и т. п., грузины склонны придавать острый характер политики.

Очень колоритную, характерную картину представляли собою еще весьма недавно выборы в правления дворянских зе-

мельных банков, тифлисскаго и кутаисскаго. В шумной борьбе участвовала вся более или менее интеллигентная Грузия. В зрительной зале театра грузинскаго дворянства произносились речи, за которыми следовал невообразимый гам рукоплесканий, протестующих криков; из лож, занятых экспансивными внуками строгих и чопорных некогда грузинских матрон, сыпались цветы, раздавались истеричные возгласы. Ораторы схватывались порою за оружие, но, к счастью, в ход его не пускали. Ярая вражда, однако, широкою волною разливалась далеко за пределы банковских заседаний и интересов. Особенною непримиримостью отличалась партия «мачабелистов», названных так по имени князя И.Г.Мачабели, впоследствии пропавшаго без вести. Тут приплеталось и привходило все: и дамские грешки, и соревнование литераторов, и отголоски старой феодальной вражды между отдельными «ущельями»; быть может, именно последний элемент так и обострял прение по вопросам о «заемщиках», «директорах», «ревизионной комиссии» и т. п. Так или иначе, и вражда и формы борьбы носили истинно корсиканский характер: у борющихся возникал в голове и неискоренимо утверждался там особый «зайчик», пункт помешательства, искривлявший целое миросозерцание, целую нервную систему, целую жизнь... Устранив, или, по крайней мере сильно смягчив резкия формы банковской борьбы, русская власть оказала огромную услугу грузинскому обществу, крайне нуждавшемуся в успокоении; необходимо прибавить, что пока грузины посвящали время, средства и силы этим усобицам, гангрена армянской эксплуатации все успешнее разъедала их благосостояние.

Легко можно себе представить, во что обратились бы там земския учреждения! Недаром на их введении настаивает особенно армянствующая печать. Ревнителям экономического и духовнаго порабощения Кавказа — армянам, конечно, весьма желательно, чтоб земския учреждения сделались в Грузии, с одной стороны, ареною усобиц, с другой — очагом обособления, склоннаго превратить деловое *хозяйственное* учреждение в маленький парламент, и, наконец, *отвлечь*

внимание грузин от городов, являющихся ключами к экономическому преобладанию, так как именно города, в особенности крупные, создают цену на сельско-хозяйственные продукты, являясь значительными рынками для сбыта этих последних и центрами кредита. Прямо удивительно, как грузины падки на армянское *подсказывание*, не взирая на горький опыт!... Никогда не забуду одного из многих заседаний дворянского собрания в Тифлисе, посвященных вопросу о земских учреждениях. Ревнителями этих последних выступили «армянствующий армянин», бездарный, но упорный проповедник «армяно-грузинской солидарности» князь Г.М.Туманов, издатель газеты «Новое Обозрение» и полужармянин по рождению, популярный в армянских финансовых кругах кн. Д.З.Меликов, избранный впоследствии в тифлисские предводители дворянства. Оба весьма «сладко пели» на тему о земстве, и собрание лихорадочно к ним прислушивалось. Единственное трезвое и дельное слово сказал тогда полковник князь Г.И.Орбелиани, проявивший большое знание местных условий и политический ум. Он обратил внимание на то, что между формою учреждений и их содержанием есть существенная разница; если нет серьезных фактических данных для надежды на установление полного между ними соответствия, то учреждение работает плохо, к немалому ущербу для обывателей и к выгоде лишь тех, кто умеет в мутной воде рыбу ловить. «Мы радовались, – продолжал князь, – введению в Тифлисе нового городского положения, а что-же потом вышло? Город стал менее благоустроенным, нас, грузин, и русских вытеснили из думы, грузину-рабочему труднее найти кусок хлеба, чем выходцу из Турции, и наша древняя столица перестает быть грузинским городом; нечего сказать, есть чему радоваться! Нет, господа, *нам нужен гувернер!* Лучше благоразумно в этом сознаться, чем идти по пути приключений!»...

Прочувствованная, доказательная речь князя Орбелиани была встречена рукоплесканиями, но затем... после других заседаний, собрание высказалось в пользу введения зем-

ских учреждений, причем некоторые дворяне потом признавались откровенно, что подали за это голос исключительно из опасения, чтобы их не сочли «нелиберальными». В правительственных сферах проект сочувствия не встретил, *к счастью для грузин*. Искренние (без задней мысли) сторонники проекта забывали, что земская деятельность есть *хозяйственная работа*, за которую без надлежащих знаний и практичности браться нельзя; если люди еще не умеют хорошенько организовать сельско-хозяйственных союзов взаимопомощи, потребителных обществ и т. д., то какое-же у них получилось бы земство, как непроизводительно и тенденциозно возрастало бы самообложение?! Человеку, плохо знающему основные правила арифметики, странно браться за логарифмы: на этой «цыфири» его проведет любой шарлатан! Если в некоторых местностях внутренней России земство сперва хромало, а потом обыватели к нему приспособились, то на окраине с пестроплеменным населением ожидать этого трудно, особенно там, где торгово-промышленный класс почти сплошь принадлежит к народности чужеядной и все более порабащающей грузин. Ясно, что порабощение только усилилось бы, если бы ему строго не положить предела посредством ограничительного закона, своевременность которого становится все настоятельнее.

Столь же мало дальновидны представители обособляющейся части грузинской интеллигенции, когда жаждут учреждения в Тифлисе университета или политехникума: ведь они получили бы только «оскребки» от этого блага, которое захватила бы в свои руки армянская плутократия, чтобы сделать из высшего учебного заведения *академию армянской интриги*.

Свою податливость армянским воздействиям грузины не без основания объясняют тем, что армяне составляют единственную в крае *реальную* силу, которой сама русская власть не оказывает должного противодействия ни на каком поприще; армянские тузы захватили безпрепятственно в свои руки *все жизненные источники*: и рынки, и банки, и влияние (хотя и тайное, но тем более опасное) на судьбу служилых

людей и пользуются безнаказанностью в таких случаях, когда всякий другой кавказский обыватель поплатился бы жесточайшим образом. С точки зрения преходящей, временной выгоды они правы, но вместе с тем признаются, стало быть, что служат личной выгоде, а не высоким идеалам, как их предки-рыцари. Надо надеяться кстати, что они недолго будут правы и с точки зрения практической: необходимость противодействия радикальными мерами обармянению Кавказа становится все более настоятельною. С точки зрения русской исторической миссии было бы *грехом* отдать на съедение единоверный и в массе преданный нам народ; грех был бы вместе с тем и плохую политикою, так как с точки зрения русского государственного дела было бы невыгодно допускать до того, чтобы грузины сделались кондотьерами армянского движения!.. Армяне ведут к этому упорно и систематично, но преуспевают пока лишь по отношению к разорившимся коптителям неба. Грузинский народ им не верит. На церковно-народных праздниках в Мцхете, в Алаверды и Бодби слепые армяне-певцы поют безпрепятственно «грузинския» революционные песни, сочиненные специально армянскими политиканами из банкиров. Народ слушает без внимания, с презрительной улыбкой, как нечто вздорное. А запоем кто-нибудь красивую лирическую вещицу любимого поэта, князя Церетели или Чавчавадзе – и все встрепетается, все обращается в слух... Для изнервничавшейся интеллигенции армянские тузы издают в Париже на французском языке газету «La Géorgie», но и тут не преуспевают: газета ведется бездарно, занимается мелкими сплетнями и распространением клеветы. В первую минуту общество ею поверхностно заинтересовалось; а теперь о ней никто серьезно не говорит...

Более или менее упорным, хотя, конечно, не особенно опасным очагом грузинского обособления является, по роковому стечению обстоятельств, именно та область местной жизни, которая вместе с тем служит крепчайшим звеном, объединяющим маленькую Грузию с великой Россией. Я говорю о Церкви. Грузинское духовенство не может забыть ав-

токефальности своей Церкви, а в русском Духовенстве на Кавказе встречаются недалёковидные люди, не умеющие отделять религии от политики, а также и недобросовестные «карьеристы в рясе», готовые ради служилаго честолюбия потрясти самые основы священного церковного дела в Грузии. Нужно, кстати, сказать, что и само грузинское духовенство зачастую не отличается ни высоким культурным уровнем, ни полезным воздействием на народную массу, среди которой авторитетом почти не пользуется. И это не плод русского режима, а наоборот, *результат истощения духовных сил Грузии в конце XVIII века*. Мне самому случалось видеть такую весьма недавнюю официальную переписку: два высоких духовных лица обвиняли друг друга в уголовных преступлениях: А обвинял Б в подговоре наемных убийц, для покушения на его жизнь. Б отвечал гордо, что не нуждается в наемных убийцах, ибо у него много молодых родственников, *которые по первому его знаку убьют кого угодно*.

Родовые счёты в духовенстве, особенно высшем, далеко не отошли в область преданий. При таких условиях ясно, что с точки зрения религии и духовных интересов грузинского народа, наличие русского по происхождению объективно-благожелательного экзарха в крае весьма полезна, безотнositельно к каким-либо объединительным политическим задачам, для осуществления которых есть тысячи других способов. Наиболее вдумчивые грузинские патриоты это понимают. Когда грузинское православие напрягало все усилия к тому, чтобы не погибнуть, русская Церковь, под защитой сильной власти, недоступная ни внешним врагам, ни родовым счетам, выдвигала представителей глубокой и спокойной духовной мысли, плоды которой полезны единоверному, изстрадавшемуся народу.

Наряду с этим, необходимо, конечно, оберегать грузинский церковный язык и традиционные напевы. Признаюсь, что они всегда производили на меня глубочайшее впечатление: от них веет чарующей мистической древностью; так и кажется, внимая им, что ближе подходишь к временам Христа. Это чув-

ство разделяют многие русские богомольцы-простолюдины, с которыми мне случалось встречаться в грузинских монастырях. Кстати сказать, некоторые грузинские церковные песнопения весьма напоминают наш старинный *знаменный* напев.

Еще несколько слов о грузинском патриотизме. Когда широкие линии истории и главные основы жизни красноречиво свидетельствуют в пользу тесного русско-грузинского единения, поместный патриотизм может сделаться, опасным только в случае, если вся краевая политика поведется неудачно. Подробнее скажу об этом в одной из глав, посвященных вопросу об армянах. При нормальных же условиях поместный патриотизм принесет даже *пользу* государственному делу, *если будет глядеть вперед, а не назад*, и если станет на разумную основу *экономической заботы* о народном благе.

Разумеется, надо отрешиться от фантазий, по поводу которых народ сочинил выражение «раздулся как Лиахва»; Лиахва – речка близ города Гори, впадающая в Куру, обыкновенно очень мелководная, но в полую воду широко разливающаяся и причиняющая немалые бедствия. Одной из таких «Лиахв» является претензия на какую-то особую «культурно-историческую миссию» грузин в Абхазии, основанная на том, что абхазское царство было некогда вассальным владением Грузии (в XII веке!) и что владельцы этого лена, огрузиненные персияне князья Шервашидзе (от Ширваншах, Ширван-шахидзе) носят фамилию на «дзе» и причисляются к грузинской аристократии. Некоторые духовные лица измышляют при этом фикцию «грузино-абхазской церкви», хотя абхазцы говорят на языке, не имеющем ничего общего с грузинским. Как выразился шутя покойный кавказский лингвист, барон Услар, «абхазцы говорят на таком мудреном языке, что удивительно, как они сами себя понимают». И вдруг на Абхазию предъявляются культурно-исторические права грузинами, у которых уплывает из рук собственное, кровное земельное достояние!..

Грузину не до фантастического «жиру», а *быть бы живу!* Надо стремиться прежде всего к *самодетельности* – и

многие это вполне понимают. Мне случалось слышать искренние пожелания, чтобы в грузинских центрах завелось побольше русских *православных купцов*, так как это помогло бы и насущно-необходимому росту грузинской буржуазии, и делу церкви, и *культурному* развитию в экономической области.

В разных местах в Грузии возникают сельскохозяйственные синдикаты, потребительные общества, депо и т. д. Правительство должно бы помочь им, и вообще следовало бы содействовать экономическому возрождению наиболее близкого нам в Закавказье народа.

Последний из типично-грузинских предводителей дворянства тифлисской губернии, покойный кн. К.И.Багратион-Мухранекский, сказал однажды, что *грузины все консерваторы*. Эти слова не всеми были поняты, ибо слишком многие непременно хотят, чтобы их считали либералами; но кн. Мухранский в основе прав. Не могу забыть, как в одном кружке передовых говорунов откровенно разсуждали при мне о конституции и всяких формах окраинного обособления. Вдруг, какой-то молодой князь влетел в комнату и сообщил о предстоявшем, будто-бы, приезде Их Величеств на Кавказ. Без уговора, в один миг, заблестели все глаза, сверкнуло вино в бокалах, и хор запел мравалжамиер, — многолетие Царю.

Близко зная изъяны грузинской жизни и недостатки их общественности, о которых я неоднократно говорил грузинам открыто на Кавказе, я не могу считать эту многострадальную, изнервничавшуюся народность чужою для нас. Веруя в жизненность объединяющих нас культурных основ, засыпанных кучею мусора в сознании высших слоев обоих народов, но живых в глубине народной души, — я иду по стопам славянофилов, совпадаю со взглядами таких определенных людей, как Иван Сергеевич Аксаков и Ростислав Фадеев, которые не считали чужим народ, объединяемый с нами в прошлом исторической миссией, славными подвигами, а в настоящее время *общностью веры, Царя и отечества*.

5. Армяне.

Полтора века тому назад, – говорит Лебон, – философы, весьма, впрочем, несведущие по части первоначальной истории человека, изменений в его умственной организации и законов наследственности, – бросили в мир идею равенства индивидов и рас. Эта идея, глубочайше неверная, потрясла основы старых обществ, породила самую громадную из революций. Учреждения и воспитание стали панацеей в глазах современного общества, – и лишь немногие дерзают бороться с идеей, неосновательность которой до очевидности доказывается и современною общественной психологией, и жизнью. Названия вещей меняются в истории народов, но под новыми словами живут старые факты, трудно изменяемые. *Каждый народ обладает умственным организмом, столь же устойчивым, как и его анатомическая черта.*

Наша космополитическая печать, замалчивающая выводы науки в угоду зарубежным вдохновителям и окраинным политикам, всегда поднимает неистовый крик, если кто-нибудь хотя заикнется относительно общих, окрашивающих, типичных отрицательных черт какой-либо народности, кроме русской. Русских можно «анализировать» сколько угодно! Об инородцах же сказать правду – Боже упаси! Кричат, что это мракобесие, человеконенавистничество и т. д. И не только кричат, но и принимают меры, не стесняясь выбором средств. Всем памятна история с «Контрабандистами». Наша общественная и отчасти даже государственная (на окраинах) жизнь богата такими поучительными примерами.

Как в природе есть целые разряды предметов и существ, отличающихся теми или иными резкими характерными чертами, так есть последние и у человеческих племенных групп, получающих и в истории, и у своих соседей-современников соответственную репутацию.

Об армянах издревле сложилось плохое мнение, — и это, само собою разумеется, не лишено основания, так как иначе оно не могло бы возникнуть у целых народов и притом в разные времена.

Но, разумеется, в категоричности и огульности таких мнений, образчики которых я приведу ниже, нельзя не усмотреть несправедливости. Во-первых, *необходимо отделять армянскую народную массу от хищной плутократии, невежественного политиканствующего духовенства и мнимо-интеллигентных пиджачников*, т. е. от тех *правлящих* армянских общественных слоев, которые гнетут не только иноплеменных соседей, но и *соплеменных им неповинных простолудинов*. Во-вторых, и среди правящих классов несомненно, есть *довольно значительный процент людей, в основе не плохих и виновных, главным образом, в малодушном подчинении террору своих главарей и гипнозу своей болезненно развившейся племенной, или, как они говорят (без всякого на то права), национальной идеи*.

Честному человеку, сталкивавшемуся преимущественно с этими главарями и их наемниками, нетрудно вспылать огульною ненавистью к армянам; при более же внимательном отношении к этому загадочному племени, его историческим судьбам и современному положению, нельзя, однако, не проникнуться и *состраданием к армянской народной массе*, у которой несомненно есть много хороших задатков.

Но чем больше мы будем ей сочувствовать, чем ближе присмотримся к ее положению, *тем более отвратительными* явятся в наших глазах, *ее бездушные соплеменные вожаки*, политиканствующие угнетатели и смутьяны.

Мне могут возразить, что армянские правящие классы вышли *из среды того-же народа*, сыны которого, стало быть являются эмбрионами таких же хищников. Но, во-первых, *высшие классы далеко не всегда являются показателями духовного уровня народа*, а во-вторых, *исторические и социально-экономические условия*, в который, волею судеб, попал армянский народ, способствовали и доселе *способствуют*

поднятию на поверхность и на высоты местной жизни преимущественно худших, наиболее порочных и лукавых представителей этой расы.

6. Историческое прошлое.

Кто такие армяне? Основное их происхождение мало выяснено. История свидетельствует о слиянии с ними сперва во время вавилонского пленения, а затем после разрушений Иерусалима, огромной массы *евреев*. С антропологической точки зрения они, в большинстве, *крайние брахицефалы*, т.е. короткоголовые, и наиболее сходны в этом отношении, как видно из исследований Шантра, Эркорта, Пантюхова и др., с *горскими евреями* и сиро-халдеями (айсорами). Английский ученый Бертин считает их людьми одного типа с евреями допалестинского периода.

Профессор Д.Н.Анучин говорить, что армяне племя не арийское, а скорее арианизированное (по языку). Помимо всего сказанного, *далеко не все, причисляющие себя к армянам, принадлежат к коренному армянскому племени*. Армянский журнал «Мурч»¹, говоря о значительной способности армян к ас-

¹ «Мурч» 1897 г. Статья под заглавием «Армяне из цыган».

«На свете существуют только два народа без национального языка и без отечества: это евреи и цыгане. Ни азиатская тирания, ни средневековое беспощадное преследование, ни даже современная гуманная культура не могли ассимилировать их с другими народами, и все эти могучие факторы оказались, таким образом, бессильными задуть материальную алчность одного народа и не обузданное безграничное стремление к скитанию другого. Везде, в Азии или в Европе, в старом ли или новом свете, цыган остается цыганом, еврей — евреем. *Только одному армянскому народу удавалось ассимилировать цыган*, и это я говорю,— прибавляет автор статьи,— не голословно, а на основании достоверных фактов. Эриванские, шемахинские, елисаветпольские, тифлиские и другие цыгане, о существовании которых лет 50 назад свидетельствует история, *перестали быть цыганами и, слившись с армянским элементом, ассимилировались с армянами*, сохранив одни только фамилии, как дальнейшее воспоминание об их происхождении. С

симилированию других народностей, указывал в конце 90-х годов на наличие среди армян довольно большого процента *ассимилированных цыган*. Знакомство с обоими племенами дает наблюдателю значительный материал для подкрепления выводов указанного журнала. К еще более интересному выводу относительно значительных армянских групп пришел кавказский антрополог, доктор И.И.Дантухов. Почтенный ученый воспользовался случаем, когда Тифлис был наводнен полудикими беженцами из Турции, и подверг множество турецких армян антропологическому измерению. Оказалось, что огромная часть этих незваных гостей, по своему физическому складу, — чистокровные *курды*. Это открывает простор предположению, что некоторые эпизоды армянской резни в Турции явились результатом давнишних семейных счетов между курдскими племенами различной веры.

Весьма интересен также вопрос о закавказской Албании, или, по-армянски, *Агвани*. Эта страна, в состав которой входили и нынешняя Елисаветпольская губерния, и части Тифлисской и Дагестана, была населена народами *не армянского* происхождения, получившими христианство от армян. До начала XIX века существовал отдельный агванский или гмндзасарский католикос, соперничавший с эчмиадзинским и по временам совершенно независимый от последнего. В настоящее время христиане, бывшие некогда паствою агванского католикоса, считаются армянами и, перемешавшись с ними, усвоили их характер.

Были у армян и невольные, насильственные скрещивания с другими народами. И персидская полчища, и азербейджанские татары, и турки, и грузины, и горцы, очевидно, не

каких сторон ни рассмотреть этот вопрос, придешь к одному и тому же заключению, — что дело массовой ассимиляции ни одному народу не удавалось кроме армянского. Из ассимилированных цыган-армян вышли даже талантливые люди. Например, профессор с.-петербургского университета Керобе Патканьян был цыганского происхождения, монах-поэт Аламдарян — тоже, двое из нынешних армянских писателей — тоже цыганского происхождения, народный поэт Ганес-оплы, сочинивший много стихов, и другие...

церемонились с женщинами народа, давно утратившего государственность и связанные с нею способы гордой, мужественной самозащиты.

При таких условиях ясно, что в жилах у армян есть *всякая кровь*. Этим и объясняется то обстоятельство, что у народа, трусость которого в Передней Азии вошла в пословицу, выдвигаются по временам талантливые и мужественные полководцы, как яркие исключения на темном фоне: ясно, что в них говорит *кровь других, воинственных народов*, нормальный же, чистокровный армянин, согласно обще-кавказской пословице, имеющейся на нескольких местных языках, «боятся зайцев». Черта несомненно семитическая. Вообще, характерных семитических черт в армянском народе – сколько угодно: тут и историческая неспособность к мало-мальски устойчивой государственности, и постепенное исчезновение сколько-нибудь авторитетной родовой аристократии, и *давнишний переход к подпольной политике теократического строя*, и резкие признаки коллективизма в пользовании поливными землями, доселе наблюдаемые в крестьянской среде (ампа-чарекство), и значительная расовая склонность к торговле, ростовщичеству и вообще ненасытному стяжанию. Заносчивость и жестокость по отношению к слабейшим и рабское низкопоклонство перед сильными, наконец, удивительная, феноменальная способность к рекламе и ненасытное тщеславие – все это черты *еврейския*, только у армян, они еще грубее и интенсивнее.

Армяне очень не любят, чтобы их сравнивали с евреями, и поручают своим защитникам не упускать случая говорить возможно энергичнее об *арийском* происхождении гайканского народа. Вероятно, в предвидении таких фактов грузинская пословица остроумно говорит:

«Только рабу, когда ему это приказано, подобает утверждать, что на дубе растут яблоки».

Таких рабов, увы, в наш век поклонения золотому тельцу найдется немало среди служилых людей, и публицистов, и даже ученых...

Помимо всего, у нас чрезвычайно распространена *неосведомленность* относительно Кавказа и его племен, – неосведомленность притом самоуверенная и раздражающая знатоков дела. Вот, что написал мне, между прочим, из деревни варшавский заслуженный профессор Д.И.Азаревич, лично мне незнакомый, по поводу недавних статей г. Сыромятникова¹:

«Не имея под руками библиотеки, я только напомним, что на археологическом съезде, в последний раз происходившем в Москве, антропологический отдел, под председательством Вирхова, выслушал доклада одного француза (кажется Фигьэ) *о семитизме армян*. Труды этого съезда нетрудно найти в Императорской публичной библиотеке, а там отыскать и самый доклад».

Почтенного ученого, который, надеюсь, не сочтет нескромностью то, что я ссылаюсь на его авторитет, – вероятно, смутило легкое отношение к науке со стороны слишком смелых защитников армянства от подозрения в семитизм. Некоторым оправданием для этих последних может служить прямое указание словаря *Брокгауза и Ефрона* на то, что армяне – *«отрасль иранской группы индо-европейского племени»*. Но вряд ли можно при этом забывать изречение: *«все врут календари»*, с успехом применимое особенно к словарям, издаваемым евреями...

Здесь кстати, нужно отметить, что армянские меценаты из нефтепромышленников усиленно заботятся о создании совсем особенной истории Армении, о возвеличении этого маленького народа и его героев, начиная с случайных генералов, достойных уважения, и кончая неслучайными контрабандистами всякого рода, достойными... уважения, но с другой стороны. В частности, они не упускают случая выдвигать свои исторические «заслуги» и теперешние достоинства *паразитическим* способом т. е. *попутно набрасывая тень на соседних с ними народности, у которых была история более ясная, несомненная и достойная*. Грузин они в области исто-

¹ «Нов. Вр.» 1903 г. № 9708

рико-археологической грабят безсовестнейшим образом: *сцарапывают грузинския надписи с памятников, захватывают древния православныя часовни и опустылыя церкви*¹ сочиняют историческия нелепости и указывают, как на древния армянския владения, на такія области, где каждый камень говорит о прошлом грузинскаго царства.

Первым наемником армян в русской литературе был *Сенковский*, под псевдонимом барона Брамбеуса, писавший в таком духе. Затем армянские «историки» в кавычках, Эмин (История Моисея Хоренскаго), Худобашев (Обозрение Армении), в более позднее время Ерицов (Кавказская Старина 1872 г. № 1), вопреки таким красноречивым свидетелям прошлого, как памятники, работали в том же направлении; они, например, пытаются похитить у Грузии историческия права на область Саатабаго, т. е. владения атабека Джакели, нынешний ахалцихский уезд. Всякий кавказец знает, что в этой области есть еще

¹ Из многочисленных примеров таких возмутительных фактов приводим на выдержку два случая имевшие место на протяжении двух месяцев. «Кавказ» 1897 г. Июнь. Прихожане душетской св. Николая церкви составили приговор, коим поручили двум лицам из своей среды ходатайствовать пред высшим кавказским начальством о принятии мер против захват армянским духовенством часовни «Бодавис-цминда Георгис - ниши» с принадлежащим ей участком земли (в 1/2 версте от г. Душета). Древния иконы из названной часовни, по словам составителей приговора, давно уже похищены и перенесены в душетскую армянскую церковь, участок примезеван к ней неведомыми путями» истекшаго 15-го мая, а самая часовня переименована, в «Сурп-Геурковскую», и православные, священники к служению в ней с тех пор не допускаются.

«Иверия» Апрель 1897 г. Гор. Ахалцих. Близь города, по ту сторону р. Пюцхови, имеется целебный родник, вода котораго замечательно помогает от головной боли. Около родника с давних пор стояла, грузинская часовня и маленькая келья. Лечебныя свойства этого родника были общеизвестны, так что из разных частей Грузии стекались больные и получали исцеление. Водю пользовались бесплатно, но добровольных приношений скоплялось в часовне немало. В начале минувшаго марта кому-то вздумалось выставить в часовне армянския иконы, приделать в часовне двери, запереть их и забрать ключи. Об этом захвате местный благочинный священник Д. Хахутов донес экарху Грузии.

несомненные следы пребывания царицы Тамары Великой, что мусульманское население уезда состоит из потуреченных грузин, говорящих по-грузински, и что армяне в большом числе появились там в первой половине XIX столетия, как беглецы из Турции, а не *коренные жители*.

Профессор-арменист Патканов² также мало стеснялся с фактами, ссылаясь на таких мнимых ученых, как Сенковский, странствующий ботаник Кох и т. п. Грузинский писатель Бакрадзе его своевременно изобличил, как следует, но до большей части русского общества эта полемика не дошла; ученик Патканова, г-н Марр, не упускает случая отхватить что-нибудь от грузин в пользу армян и все обещает доказать, что замечательная древняя грузинская поэма «Барсова кожа» есть произведение позаимствованное.

Это желательно армянским политикам потому, что у армян нет и не было за все время их существования сколько нибудь сильного поэтического произведения, т. е. одного из наглядных признаков *цветения народного духа*. Как ни стараются более усердные, чем даровитые литературные птенцы, вроде г. Юрия Веселовского и ему подобных, убеждать русскую публику в существовании хорошей армянской литературы, дальше лепета они не идут потому что как не усердствуй, а из ничего только и получится ничего.

Некий г. Эзов, составивший феномальную по безцеремонности книгу «Сношения Петра Великого с армянским народом», в которой приписывает, вопреки здравому смыслу, какое-то особенное дипломатическое значение неведомому проходимцу Израилю Ору или Орию, пытавшемуся вовлечь Петра Великого в войну с Персией, как раз во время разгара его борьбы со шведами, — этот г. Эзов черпает отовсюду цитаты, невыгодные для грузин, выходя ради этого далеко за пределы своей задачи. Такие же цитаты тенденциозно подсовываются читателю в филантропическом сборнике «Братская

² Тот самый, на цыганское происхождение которого указывает армянская газета «Мурч».

помощь пострадавшим в Турции армянам», с эпиграфом из Гладстона: «доброта, доброта и... доброта»! Получилась доброта довольно ядовитая, в армянском стиле.

Очень интересную брошюру («Армянские мудрецы и вопиющие камни») посвятил этой лжи, всем этим историко-археологическим посягательствам и хищениям армян известный грузинский поэт и публицист, кн. Илья Чавчавадзе. Эта брошюра переведена на русский язык и богата характерными фактами.

В Тифлисе, когда говорят о грузино-армянских междуплеменных отношениях, вспоминают корреспондента «Temps», некоего Кутули. Едва приехал он в Тифлис, как его захватил хитрый горбун, талантливый политический агитатор Арцруни, редактор-издатель газеты «Мшак». Начали армянские богачи ублажать и закармливать Кутули, ни на шаг не отпуская его от себя. Он совершенно утратил способность смотреть на окружающее собственными глазами. Дошло до того, что всех красивых женщин, встречаемых на пути, ему выдавали за армянок, а всех уродливых – за грузинок. Получился такой комизм, что даже грузины, у которых историко-археологическое самолюбие чрезвычайно обострено, не в силах были сердиться, читая путевые впечатления доверчиваго или податливаго француза.

Чрезвычайно забавно было видеть, еще весьма недавно, как армянские политиканы и «делатели истории» пытались совратить французского ученаго, барона де-Бай, много писавшаго о России, и как они были удивлены неудачею. Он посетил, между прочим, Эчмиадзин, столицу армянскаго католикоса, где ему показывали какая-то необычайно древняя вещи, какая-то короны, чаши, расшитый покров и т. д. Опытный археолог сразу заметил крайнюю неточность приведенных армянами хронологических данных и не без юмора высказал это печатно. Оказалось, между прочим, что кое-какие мнимо древние узоры относятся к упадку стиля *рококо*. Бешенство местных армянских газет, печатавшихся русскими буквами, дошло до неприличия.

Болезненное самолюбие и тщеславие армян и склонность их рекламировать свое величие в прошлом и настоящем – объясняются и отчасти оправдываются тем, что они в течении веков стяжали себе плохую репутацию, от которой хотели бы избавиться.

Безпристрастный, гуманный и нравственный Тацит, умеющий хвалить врагов Рима, германцев, говорить об армянах во 2-ой книге *Ab excessu Augisti*, в параграфе 53, ниже следующее: *Ambigua gens ea antiquitus ingeniis et situ terrarum*, – этот искони двуличный народ, как по характеру, так и по географическому положению; *saepius discordes sunt, adversus Romanos odio et in Parthum invidia*, т. е. безпрестанно разрываются ненавистью к римлянам и завистью к парфянам. В книге 12-й, в параграфе 46, он указывает на «достаточно известное вероломство армян», *satis cognitam Armeniorum perfidiam*.

«Ты трус, ты раб, ты армянин!»– говорит Пушкин устами старого горца. Грузинский народ говорит: «мовида сомехи – мойтана схва мехи», – пришел армянин и принес новую беду. По поводу вытеснения грузинских дворян армянскими торговцами и затем пиджачниками сложился целый ряд народных пословиц: «породистые кони перемерли, – ишакам осталось раздолье», «чужая курица прогоняла из дому курицу домашнюю» и т. п. Закавказские татары говорят: «зажги свои десять пальцев, как свечи, чтобы осветить дорогу армянину, и он тебе спасибо не скажет». Русский народ давно склонен называть армян именами уничижительными, связывая с ними то призрение, то насмешку. Некрасов, поэт передовой и гуманный, говорит:

Жениху с солидным чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросись.

Не менее гуманный Жемчужников (в Козьме Пруткове) поет так:

На узкой кровати
Лежу я один,
В соседней палате
Кричит армянин.

Слово «кричит» чрезвычайно типично: они именно склонны *кричать* по всякому поводу. Не пустят их в чужой дом, или раскроют какие-либо их шашни, или отдадут под суд воришек из ихней среды, — и они не только кричат, но и заставляют кричать иноплеменников, глупых или продажных людей.

Наша беспристрастная беллетристика тоже неблагоприятно относится к армянам. У Лескова, в «Соборях», имеется, например шантажист с сильно развитым тазом, — Термосесов.

Франция и Германия, где есть и армянские революционные кружки, и где на деньги бакинских нефтепромышленников ведется усиленная агитация в пользу армян, люди мало-мальски знакомые с вопросом, и притом беспристрастные, поднимают голос *против* этих последних. Французский путешественник по Армении, Курдистану и Месопотамии, граф де-Шоле, с большим знанием дела рисуя жизнь этих турецких провинций и негодующий на безчеловечное отношение мусульман к армянской народной массе, говорит об армянах: «и тем не менее, не взирая на огромное сострадание, которое породжали во мне их бедность и их мучения, мне никогда не удавалось привязаться к ним, так отвратительно их плутовство, так постыдна их низость и возмутительна их подлость».

Немецкий путешественник Альфред Кёрте, в своих «Анатолийских эскизах», которые посвящены им известному германскому деятелю в Турции, Кольмару фон-дер-Гольцу, и в которых автор, стало быть, не решился бы говорить на ветер, высказывает следующее: «почти каждый, кто в этих

провинциях соприкасается с ядром народа, научается уважать и любить турок, низко ставить греков и ненавидеть и презирать армян... Везде оправдывается пословица, что грек обманет двух евреев, а армянин двух греков. Можно наверняка сказать, что если вас в Анатолии где-нибудь обманут, — то, значить, вы имели дело с армянами». Тот же автор приводит слова крупного подрядчика в Эски-Шехире: «когда я условливаюсь относительно дела с турком, то обхожусь без письменного контракта, — ибо его слова достаточно. С греком или иным левантинцем я заключаю письменное условие, ибо с ними это нужно и полезно; с армянами же я и на письме никаких дел не веду, потому что от их лживости и интриг не ограждает даже письменное условие».

Строго говоря, интеллигентные армяне давным-давно сознают, что репутация у их племенного имени — нелестная. Недаром они еще весьма недавно старались выдавать себя перед людьми, незнакомыми с Кавказом, за грузин, а иногда, для пушей поэзии, за «черкесов». Доселе и они, и публицисты, сочувственно к ним относящиеся, склонны, где только возможно, заменять слово «армянин» словами «туземец», «кавказец» и, в особенности, «христианин». Это напирание на «христианство» весьма характерно, как потому, что армяне непрочь поживиться насчет своих соседей-мусульман, так и потому, что название «христианин» дает им положение привилегированное, и *очень им удобно в тех случаях, когда невольно напрашивается сравнение их с евреями. А еврейских черт у них столько, что если бы все ученые мира ошибочно признали их арийцами, сама жизнь возмутилась бы против такого определения...*

Как бы ни была неточна писанная история Армении, в ней есть много характерного и поучительного, — как в большой безцеремонности тона повествователей, так и в самих фактах. Начиная с католикоса Иоанна VI («История Армении с начала мира до 925 года», перевод на французский язык Сен-Мартена) и до позднейших времен, — армянские историки *pretendent на точность сведений, относящихся*

именно к сказочному периоду. Армяне происходить, мол, от Ноя; его правнуком и внуком Иафета был мифический Гайк. По словам армянского архиепископа Иосифа, посвятившего свою книгу императору Павлу I, —»*достовернейшее* повествование о родословии праотцев армянского племени гласит так: Ной родил Афета, Афет родил Гомера, Гомер родил Тираса, Тирас родил Торкома, Торком родил Гайка, который обще с Немвродом предпринял Вавилонское столпотворение. Поелику же не хотел он признать над собою верховной власти Немврода, то, оставя предприятие оное, возвратился в свою землю, за что от Немврода нанесена ему была война, на которой Гайк победил и убил Немврода. Почему народы, повинующиеся Гайку, почитая его за отца своего и государя, стали называть себя от имени его Гайканами». Затем идет целый ряд столь же правдоподобных и доказанных фактов. *Страницы пестреют «великими» именами, незнакомыми никаким историям*, кроме армянской, да порою появляются в сильно увеличенном виде фигуры менее сомнительного происхождения.

Если бы, кроме слова «измышление», понадобилось начертать на скрижалях армянской истории слово, которое бы точно охарактеризовало факты правдоподобные, то нельзя было бы избежать слова «измена»'. Сомнительные властители Армении, страны с постоянно колеблющимися границами, всегда зависят от сильных соседних монархий и *всегда, систематически* изменяют им. Знатные люди (нахарары) изменяют царям, народ — и тем и другим. Жестокость нравов и ненадежность взаимных отношений — феноменальные. Стоить персианам, римлянам, арабам назначить кого-нибудь правителем Армении, чтобы немедленно этот правитель начал готовиться к возмущению.

В собственной Армении, т. е. на армянском плоскогории сколько-нибудь независимое царство было упразднено довольно-таки давно, в пятом веке, когда Армения стала открыто *персидскою провинцией* и фактически, как власть ближайшая и организованная, над армянским народом воцари-

лась *теократия с католиком во главе*. С тех пор не менее наглядно армянские заправилы, так сказать, торгуют на две лавочки: продают отечество и народ то персам и затем мусульманам вообще, то Византии, а изподтишка ведут свою линию борьбы за племенную самобытность.

Некоторый призрак государственности возник в конце XI века в маленькой Киликии и окончательно развеялся в 1375 г.

7. Переход к теократии и монофизитство.

Первое упоминание о христианстве (кн. Абгар Эдесский) среди армян, в виду племенной близости их с евреями, встречается очень рано, в I-м веке нашей эры, но формальное, хотя весьма сомнительное по существу, введение христианства относится к 301 году: св. Григорий Просветитель обратил царя Трдата, который крестил своих подданных и вскоре затем внезапно умер: предполагают, что он был отравлен новыми христианами. Библия на армянском языке появляется только в V веке, перевод Месропа. Истинным христианам и руководителям церкви жилось в Армении тяжело; например, католикос Нерсес Великий, в конце IV века, вел, впрочем, не во имя христианских идеалов, а с целью основать *теократию*, ярую и в основе недостойную борьбу с царем и, по некоторым сведениям, кончил неестественною смертью. Царь Тигран II заставлял армян поклоняться изображению Юлиана Отступника.

Особый интерес представляет собою момент отпадения армян от православия. Оно истекало из теократических стремлений, соображений материальных и политических, подготовлялось давно, но оформилось и нашло себе догматическая придики лишь в VI веке, когда армяне, в угоду персидскому царю Хозрою, *окончательно отвергли формулу Халкидонского собора и примкнули к монофизитам*. Персиянам это было нужно, чтобы внести рознь в христианский мир и ослабить Византию. Такое же стремление проявили арабы,

пускавшие в ход и угрозы, и деньги, — т. е. средства, перед которыми потомки Гайка устоять не могли. Армяне, с одной стороны, вступили ценою измены вере на путь рабского отношения к иноверным властителям, с другой — упрочили особый тип *подпольного государства, отвечавшего их семитическим инстинктам, а именно теократию*, в которой политические и материальные интересы имеют особо важное значение, в ущерб религиозным.

Такая *ликвидация открытой государственности*, требующей и мужества, и верности, и умения добровольно, с доброю целью дисциплинироваться, и жертв материальными благами и кровью, — очевидно, не может служить патентом на благородство для расы. Но следует признать, однако, что внешние условия были уж очень тяжелы, и открытая борьба с соседями была бы слишком неравной, так что *к борьбе рабьей пришлось перейти невольно*. С другой стороны, переход к теократии был несомненно актом *практически-мудрым*, так как именно теократия сохранила самобытность армянской расы и проявила необычайную способность возрождения этой самобытности там, где эта последняя, казалось, уже уснула навеки.

Сквозь всю дальнейшую историю армян, полную унижений перед крупными и мелкими иноверными властителями, проходит еле заметно струйкой и никогда не изсякает *надежда на возрождение армянского народа и государства*.

Разумеется, мечтает об этом не народная масса, а единичные патриоты, преимущественно *лица духовные*, разбогатевшие купцы, нахарары или мелики, попавшие в милость к шахам и султанам. Весьма характерно, что эта надежда разрастается именно по мере территориального роста России, по мере приближения ее победоносного стяга к Передней Азии.

Сношения армян с русским правительством довольно пестры. Петр Великий, глубоко понимавший значение русской исторической миссии на Ближнем Востоке, разумеется, ничего не имел бы против того, чтобы люди, считавшиеся христианами, возставали против своих мусульманских вла-

дык, врагов православия и русско-славянского дела. Поэтому он упомянутому выше авантюристу Израилю Орию выскаться дал; но на удочку его царь, однако, не поддался. Великий Император велел словесно объявить армянским посланцам, что «ныне занят Свейской войною», и вовлечь себя в авантюру не дал. На просьбу же Израиля Ория разрешить ему быть в этой войне при русских войсках государь велел отвечать, что «ему там быть не для чего».

Любопытно, что из монархинь XVIII века Анна Иоанновна (вероятно, на основании сведений, полученных от Волынского, близко знавшего армян) относилась к последним недоверчиво, хотя и вела христианскую политику, так как ее полководцы побеждали мусульман. Екатерина II, наоборот, дошла до крайних пределов благоволения к армянам, что объясняется, быть может, царившим при ее дворе растлением нравов и необычайною роскошью. Немудрено, если находились царедворцы, получавшие «пешкеши» от армянских торговцев дорогими товарами. Кроме того, «великолепный князь Тавриды» был несомненно человеком с фантазией, и его забавляла мысль о возрождении христианского царства на армянском плоскогории.

В царствовании Императрицы Екатерины у армян появился человек, во многих отношениях замечательный, с неукротимой энергией и большою политическою предприимчивостью, доходившей порою до назойливости. Это был архиепископ Иосиф, происходивший из старинного, давно грузиненного по культуре армянского рода, получившего от грузинских царей княжеское достоинство. Он носил фамилию Аргуташвили-Мхагрдзели, в буквальном переводе означающую *Аргутов-Плечистый*, но затем переведенную «с фантазией» и вошедшую в русский обиход под именем «Аргутинский-Долгорукий». С рюриковичами Долгорукими у этой фамилии, конечно, нет ничего общего. Упомянутый архиепископ Иосиф в 1779 году основал Нахичевань-на-Дону, армянский город, населенный выходцами из Крыма и Турции, в числе 15,000 человек. Переселенцам были даны не-

дурненькия льготы: перевозка на счет казны из Крыма всей движимости, 12,000 десятин выгонной земли, освобождение на 10 лет от всех повинностей, свобода от постоев и рекрутчины; каждому домохозяину отведено по 30 десятин земли, лес и припасы на постройку даны безденежно, а семена, скот и инвентарь — с возвратом через 10 лет. Обо всем изложенном имеются точные сведения в полном собрании законов.

При царе грузинском Ираклии II, благодаря хлопотам того же Аргутинского, *стремившагося пробуждать армянское самосознание*, в Грузии были водворены кое-какие карабахские мелики с подвластными им крестьянами и образовали селение Шулаверы. Два мелика, Меджнун и Або поторопились предать своего новаго владыку и *явились шпионами-проводниками персидского шаха Ага-Магомед-Хана* разрушившаго Тифлис в 1795 году. Последнее признает природный армянин, ген.-лейт. С.О.Кишмишев. Профессор с.-петербургскаго университета А.А.Цагарели основательно замечает, что в конце XVIII века архиепископ Иосиф проявлял большую энергию, *«на только в направлении, несогласном с видами и планами русского правительства!»* Подтверждение этого вывода можно найти и у академика Н.Ф.Дубровина, который говорит, что летом 1796 года армянский архиепископ Иосиф вздумал вмешаться в дела покореннаго дербентскаго ханства, не упускал случая придирается к мусульманам, старался унижить последних пред, армянами, — словом, в самое короткое время своего пребывания в Дербенте, *возстановил против себя все население*. Граф Зубов вызвал Иосифа в главную квартиру, но и там пришлось, принять меры, чтобы ограничить политиканство архипастыря. Войдя в сношение с эчмиадзинским патриархом и не испрашивая ничего позволения, Иосиф написал вместе с ним *«коллективное послание к армянам, жившим в Карабаге и других местах Закавказья»*; в этом манифесте говорилось, что русския войска вступили в Персию с главным намерением *«освободить армян от ига мусульман и сделать их независимыми»*. Это послание произвело всеобщее волнение среди жителей За-

кавказья; *армяне мечтали о восстановлении царства Великой Армении.*

Современник названного архиепископа, П.Г.Бутков, свидетельствует о чрезвычайном честолюбии Иосифа, который собирался, будто бы, сделать царем Армении своего племянника и приготовил даже царскую корону. Ещё будучи в России, Аргутинский-Долгорукий, собираясь возсесть на патриарший эчмиадзинский престол, заказал свой гравированный портрет в патриаршем одеянии.

Очень интересный момент *политической* истории армянской церкви описан в брошюре «Начало сношений эчмиадзинского патриаршата с русским правительством», принадлежащей перу упомянутого выше г. Эзова, которого нельзя заподозрить в критическом или, хотя бы, безпристрастном отношении к армянам, считающим его одним из главных своих руководителей и апологетов. В конце XVIII века, вопреки принципу *всенародного* избрания эчмиадзинского католикоса, на эту кафедру возсел архиепископ Гукас (Лука), *избранный только эчмиадзинским духовенством.* Константинопольский армянский патриарх Захария запротестовал. Гукас писал ему нежные послания, а тем временем константинопольская армянская община выхлопотала у турецкого правительства *смещение Захарии.* Торопливость Гукаса, которого г. Эзов хвалит до небес, объясняется-де тем, что понадобилось избежать избрания на эчмиадзинский престол Израэля, патриарха *агванского* (гандзасарский монастырь близ гор. Шуши). Речь шла о том, чтобы нанести удар обособлявшемуся агванскому патриархату и установить *теократическое единодержавие.* В этом, по неосведомленности или продажности действовавших служилых людей, его поддерживали и турецкое, и русское правительства с трогательным единодушием, хотя интересы их были противоположны. Наш посланник в Константинополе Томара сочувственно доносил правительству в 1801 г., что Гукас стремился *«возстаповить свою нацию помощью России».* Агванский патриархат, в угоду *зарубежному католикосу,* был сперва

крайне стеснен, а затем, по присоединении Карабаха и Ганжи к России, – незаметно упразднен, *эскамотирован*. Оказалось, что наши политики менее дальновидны, чем даже турки; догадавшиеся в своих пределах поддержать независимость патриархов *Сисского и Ахтамарского* от «католикоса всех армян».

В момент присоединения Грузии армянское духовенство стремилось показать, что армяне тут играют какую-то особенно выдающуюся роль, и что главная суть именно в армянах. Так как монофизитство армян было небезизвестно образованным русским иерархам, а Россия спасла и приняла на свое лоно Грузию, как царство *единоверное*, то архиепископ Иосиф позаботился о распространении возможно более благоприятных сведений об армяно-григорианстве. В 1799 году вышла в С.-Петербурге книга *«Исповедание христианския веры армянския Церкви»*, Иосифа архиепископа армянскаго народа, обитающаго в России. На странице 14-й сказано о Христе: «едино Лице, един вид, и соединен в едином естестве»; на 50-й странице Иосиф говорит, что *естество* здесь равняется понятию *лица*. Но тогда к чему же было приводить два равнозначущия понятия? Ясно, что это делалось из желания *скрыть* монофизитство армян. Разумеется, он тщательно умолчал о католикосе Иоанне IV Отцнийском, прозванном «философом» и причтенном григорианскою церковью к лику святых. В угоду мусульманам-арабам и за приличное от них вознаграждение, этот иерарх созвал собор, на котором *подверг анафеме Халкидонский собор* и произнес еще следующие решения: «Кто говорит, что Христос был человеком по природе, и творением тленным по плоти, и подверженным страданию, и смертным по природе человеческой, *анафема* да будет; кто не исповедует Христа *единым* бессмертным естеством, *анафема* да будет».

Видя, что все это компрометирует армянскую церковь в глазах православных, в XIII веке армянский историк Киракос, а в позднейшее время упомянутый Иосиф и католикос Нерсес пытались скрыть монофизитство армян.

Интересно разоблачают все эти махинации проф. СПб духовной академии Троицкий «Изложение веры церкви армянской» 1877 г. и г. Аннинский «История армянской церкви». Кишинев. 1900 г.

Архиепископ Иосиф, впрочем, напрасно так беспокоился об этом вопросе. В ту пору наша бюрократия мало заботилась о православии и еще менее понимала в нем толку. Армянское дело в русских пределах с той поры должно было расти неуклонно, по временам двигаясь вперед крупными скачками. По туркменчайскому трактату в состав России вошел Эчмиадзин и католикос оставлен на правах вселенского патриарха всех армян. Православную грузинскую автокефальную Церковь мы своевременно упразднили и земли ее отобрали в казну, а наряду с этим, в русских пределах оказалось теократическое *государство в государстве*, фактически недоступное контролю и обладающее огромным авторитетом в глазах своей «политической паствы». При Паскевиче был послан в Персию полковник Лазарев для приглашения армян, которые перешли в Закавказье в числе, примерно, 40,000 душ. Эчмиадзинский патриарх тоже участвовал в этой комбинации: велел переселиться из Персии армянским священникам, за которыми вслед пошла и паства. По Адрианопольскому миру мы получили более 100,000 турецких армян; один эрзерумский архиепископ Карапет привел до 70,000. С той поры постепенное переселение армян из мусульманских государств в Россию шло *непрерывно*, то еле заметной струйкой, то, как за последние несколько лет, *широким, стремительным потоком*. Теперь, когда более или менее ясно, к каким результатам привело стремление кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую пословицу: «купив соби биду, тай за свои гроши».

Разумеется, и Иосиф Аргутинский, и католикос Нерсес, сидевший на патриаршем престоле с 1843 по 1857 год, были *колоссами армянской идеи, по сравнению с прочими соплеменниками своими*. Созидательная с армянской точки зрения деятельность Нерсеса, в бытность его архиепископом, в Тифлисе и Кишиневе, — прямо огромна.

8. Племенная обособленность и экономическое владычество.

Масса армянского населения, пожалуй, подумывала в Турции и Персии об автономии; перейдя же в пределы могущественной России и притом в Закавказье, довольно рационально тогда управлявшееся, армянский народ первое время не поддавался нелепым бредням. Он отдыхал от тяжелых испытаний, богател и незаметно подготавливал для себя сперва экономическую, почву. Бунтовать же, например, при Ермолове, было бы не очень удобно.

В изданном по Высочайшему повелению «Обозрении российских владений за Кавказом» (Спб. 1836) на стр. 197–199 говорится следующее: «Армяне, подобно Моисееву народу, должны были разсеяться по лицу земли, собирая богатства, коими, под бременем своих властелинов, не могли наслаждаться в земле своей. От этого произошла причина *безхарактерности армянина: он стал космополитом*; его отчизной сделалась та страна, где с большею себе выгодой и безопасностью может он употребить изворотливый свой ум для прибыли. Но и в этом отношении заметна некоторым образом *робость его духа*; нужны слишком явные, слишком положительные выгоды для побуждения армянина к предпринятому важному какому-либо торговому обороту. Да и в таком случае нередко страх потерять приобретенное уже бывает причиною неуспеха в начатом деле. Все это могло произойти частью от утеснительного состояния, в каком находились они при азиатском правлении, ибо богатство подвергало иногда жизнь опасности, или, по крайней мере, надлежало тщательно скрывать приобретаемое. Хитрость, лукавство – необходимые качества непросвещенных, а тем более торговых народов, – свойственны армянам: *всякой обман считается ими дозволенным в покупке и продаже, всякая мера для приобретения – законною. Они овладели торговлею Тифлиса и*

всею Закавказья; исполняют всякаго рода поручения, содержат почти все откупы, принимают все подряды, исполняют обязанности комисариатских и провиантских там комиссий. Они – переводчики, докладчики, факторы; словом, где есть возможность получить прибыль, там непременно находятся армяне. Корысть – первый движитель всех их помышлений и поступков».

Эта характеристика и по сие время верна, за исключением указания на космополитизм. С 30-х годов много воды утекло, и армянское племенное обособление развилось с чрезвычайною быстротой, при помощи духовных и светских патриотов, быстрого обогащения и безпрепятственного пользования богатством, а также *отсутствия дальновидности у целого ряда русских правителей*, которых армянские вожаки умели, посредством веских, а, по кавказским преданиям, иногда и *вещественных аргументов*, убеждать в своей непоколебимой преданности и верности России. Последнее, кстати, как будто подтверждалось во время каждой войны, когда армяне служили *шпионами* против турок и персиян; доказательство *мало надежное*, ибо в самом ремесле *шпиона содержится основание для недоверия* к его носителю.

Весьма характерно замечание автора «Обозрения» относительно робости духа армян, даже в области, промышленности. Князь Воронцов почти силой навязывал им выгодные предприятия, положившие начало огромным состояниям. В их обогащении, с первых же дней и до сего времени, двигателем является *начало паразитическое, а не созидательное*. В немецкой экономической литературе это называется *Conjuncturgewinn*, т. е. барышем, получаемым от особенного сцепления условий, случайных или искусственных. *На изоцирение техники такого пенкоснимания, на опутывание местных властей и иноплеменного населения были в первой половине XIX столетия направлены все силы армянской буржуазии*.

То, что автор «Обозрения» называет «*безхарактерностью*» армян, точнее назвать умением *по внешности ассими-*

лироваться, воспринимать чужие имена, одежды и обычаи. В Грузии масса армян приняла фамилии с окончанием на «швили», в мусульманских провинциях появились Юсуф--беки, Кара-беки, Ибрагим-ханы и тому подобные прикрытые армяне; в России появились не только имена с армянским корнем и русским окончанием, но даже Красильниковы, Сапожниковы, Лисицыны, Сергеевы, Поповы. В Астрахани был отъявленный ростовщик армянин с очень русскою фамилиею, прозванный «красным кушаком». Его потомки пролезли в дворянство и в такие круги, где их никто не ожидал...

Ассимиляция, как впоследствии оказалось, была *весьма поверхностною и временною*. Армянство держало за пазухой камень обособления, и этот камень рос, сперва незаметно, а за вторую половину XIX века – с наглядною, головокружительною быстротою.

Идею обособления подсказывали армянам и *англичане*, которые с самого начала нашей кавказской войны стремились подзадоривать все местныя племена к возманию против России, и *поляки*, двумя, если можно так выразиться, вспрыскиваниями, в 30-х и 60-х годах, за позднейшее время *немцы*, и, наконец, сами же армяне, приходившие из зарубежных стран. Среди таких армян выделились две семьи особенно «ядовитых». Первая отличалась *клерикально-сепаратистским* направлением, а вторая поставила сепаратизм на почву *буржуазно-либеральную*, иногда с радикальным оттенком. Каждая война России с соседними восточными государствами увеличивала с одной стороны численность армян, и притом элементами, выработавшими в себе инстинктивную склонность к крамоле в хаотических азиатских деспотиях; с другой – война чрезвычайно обогащала их промышленный класс. Поставщики, шпионы, мародеры сильно наживались, а цены на все необходимые продукты быстро возрастали, под предлогом войны, и затем *оставались на этом ненормальном уровне*. Еще Погодин, посетивший Закавказье при кн. Барятинском, отмечаешь *чрезвычайную дороговизну жизни*, очевидно искусственную.

Наместничество немало также послужило подъему экономического могущества и племенному обособлению армян. Эта безусловно отжившая ныне для Кавказа форма управления, в указанный исторический период имела свое разумное основание, но у нея уже тогда были также и *темные стороны*. Так, например, наместник князь Воронцов, задавшись «европеизацией» кавказских народностей, повел их путем сильного повышения потребностей, подъема роскоши и шумной общественности. Элементы, экономически не подготовленные, стали разоряться, а хищные, т. е. представители армянской буржуазии, — сильно богатеть на костях тщеславной знати, летевшей на огонь новых приманок. При первом же наместнике образовалось нечто вроде двора и, хотя «придворными» были, главным образом, представители родовитой знати, но *их денежная зависимость от армянских богачей приводила к тому, что эти последние были фактически влиятельными людьми*, далеко не всегда с ведома начальников края.

Против краевого обособления можно было бы значительно раньше принять меры, умело насаждая *русскую экономическую силу* и, главное, *соединив Закавказье возможно более кратким железным путем с остальной Россией*. Но именно этого-то и не было сделано, как я имел случай отметить в предыдущих главах. Вместо этого была проведена Закавказская железная дорога, то есть *организовано обособленное экономическое кровообращение обширного края*. У нас принято смотреть на железные дороги, как на фактор прогресса и обогащения вообще. Это взгляд совершенно неверный и, должно быть, придуманный заинтересованными лицами и без должного понимания повторяемый прочими обывателями. Железная дорога есть *орудие, всецело служащее тому, кто экономически сильнее других, обостряющее и ускоряющее развязку неравной борьбы между сильным и слабым, между стачкой и разрозненными обывателями*. Закавказская дорога явилась преимущественно орудием быстрой хищнической эксплуатации всего населения страны армянскою буржуазией, так же точно, как и банки, и многое другое...

Обширный район экономического воздействия своего властители охотно начинают, при таких условиях, *принимать за будущую свою политическую территорию*, тем более, что вся история Передней Азии богата фактами, склоняющими к такой «мечтательности». Да и как не мечтать людям, быстро разбогатевшим темными путями, без созидательного труда, и видящим в течение нескольких десятилетий, что им *все позволено*, все сходит с рук! Система подкупа организована, печать местная и столичная к услугам, Петербург, в лице *честных* представителей власти, неосведомлен... Странно было бы не «мечтать!...»

Мусульмане, жители завоеванных областей, спрашивают не без горькой иронии.— «Где же русские? Для кого же они нас завоевали? Во всяком случае *не для себя*. Мы видели храбрых русских солдат, а теперь видим только слабых или корыстных российских чиновников, зачастую не-русских по происхождению. Ни ваших купцов, ни ваших хлебопашцев здесь не видно! *Все армяне, наши вчерашние рабы*. Нечего сказать! стоило воевать, чтобы дать господство таким нехорошим людям!...»

Два факта имели *решающее экономическое и затем политическое значение* для закавказских армян И, так сказать, *прорвали плотину*, сколько-нибудь сдерживавшую их быстрое наступательное движение. Это, во-первых *изъяны реформ 60-х годов*, а во-вторых, развитие *нефтепромышленности в бакинском районе*.

Первый факт повлек за собою разорение дворянства и упадок его авторитета, прилив в Закавказский край многих русских людей, враждебных русскому строю и увлеченных новыми течениями, от буржуазного либерализма до анархии включительно. Такие люди ни созидать русского дела, ни мешать инородческому обособлению не могли. *Правовой порядок, уместный там, где сильно развита гражданственность и самостоятельность всех слоев и категорий населения, явился, вопиющею нелепостью в Закавказье*, и предал всех и все в руки армян, которые одни обладали чертами ха-

рактера, необходимыми для победы при буржуазно-правовом строе. Не будет преувеличением сказать, что эти черты развиты в них *до уродства*. В силу исторической привычки к подпольным организациям, они умеют, почти без уговора, соединяться в кружки, дисциплинироваться, организовать стачки и маленькие экономические и иные заговоры против всех прочих обывателей. *Этой способностью они превосходят евреев*, у которых зато гораздо больше творческой фантазии, чем у армян.

Пионерами нефтепромышленности в крае *были сперва, русские*, но скоро и след от них простыл, потому что они не умели прибегать ни к армянским способам обогащения, ни к армянским же способам вытеснения конкурентов, — посредством уголовщины, стачек и интриг в присутственных местах всевозможных ведомств. Состояния в несколько десятков миллионов стали возникать с быстротой головокружительной. Вчерашний амбал, носильщик, нагрузчик с пристани мелкий приказчик или более или менее заведомый контрабандист, получив от «своих людей» клочок украденной у казны нефтеносной земли, через несколько месяцев мог иногда купить совесть десятков служилых людей, необеспеченных, изолированных, лишенных нравственной и материальной поддержки. Поднялась целая *вакханалия*, которая с возрастающей силой *продолжается до сих пор*.

Часть тамошнего русского служилаго класса давно в зависимости от армянских богачей. *Нет в крае буквально ни одного учреждения, дела и проекты которого составляли, бы абсолютную тайну от армян*. Высшее сословие всех местных племен, в лице огромного большинства своих представителей, мотается на вексельных арканах и, так сказать, нравственно, *стоит уже на запятках* у новых повелителей края. Банки, не исключая государственного, повинуются им же: в учетном комитете местного отделения государственного банка армяне составляют подавляющее большинство и широко этим пользуются. Общество взаимного кредита, главный капитал которого состоит из сравнительно неболь-

ших прежних чиновничьих сбережений, систематически служит поддержанию деревенских и городских ростовщиков, опутывающих крепкою сетью все местное население. Вся, *теперь без исключения*, кавказская печать находится во власти или под влиянием армян.

Несколько русских газет, издаваемых армянами и трогательно *солидарных с нашею еврейскою печатью*, конечно, *только печатаются русскими буквами* и проникнуты ненавистью к созидательным русским началам.

Цензура, которой по закону надо быть объективною в племенном вопросе, нередко более чем наглядно мирволила армянам!

Чтобы не быть голословным в этом указании, приведу несколько примеров. Выше я уже указал, что статья, полная издевательств над одною из древних православных святынь, была пропущена цензурой, а мне не было дозволено в газете «Кавказ» ответить, как следует, на эту мерзость. У меня хранится оттиск статьи, в которой русская женщина призывала своих тифлиских соотечественниц к бережливости, к отказу от излишней роскоши и сомнительнаго кредита и советовала беречь служилую честь и достоинство мужей, отцов и братьев. Статья была запрещена, потому что *могла бы раздражить местных тузов, которым успешность такой проповеди была бы нехстати*. Предлогом к запрещению этой статьи и многих других было недопущение так называемой расовой нетерпимости, хотя об армянах там не было сказано ни слова³. Расовая «терпимость» цензуры не помешала ей, однако, разрешить тифлисскому уличному листку пошлый *пасквиль на магометанство*. Какой-то местный наемный разбойник пера написал, что *Магомета силой толкнули в ад*. Написано это были не зря, а с явною целью вызвать беспорядки. На площадях и базарах, в день выхода этого номера, представители армянской черни, как-то сразу осведомленные, *дразнили этой*

³ Указанная статья, для примера, целиком помещена в «Приложении» настоящей книги.

статьей местных мусульман. Возбуждение последних дошло до такой степени, что местами люди хватались уже за кинжалы; начальник края был в отъезде, и высшие представители мусульманского духовенства заявили его помощнику, что не отвечают за спокойствие своей паствы.

Только благодаря последнему обстоятельству, цензура позволила мне дать очень резкую отповедь негодяю, бессмысленно бросавшему в толпу грубые издевательства над чужой верой.

Для характеристики положения вещей добавлю, что автором статьи был деморализованный от бедности грузинский дворянин, прервавший свою «литературную» карьеру тем, что *убил человека из засады, не поделив с ним какой-то свиньи.* Армяне-плутократы прикармливают таких людей и, так как их интеллигенция к писательству неспособна, то они широко пользуются услугами продажных иноплеменников, в том числе местных и столичных русских. Указанный герой что-то очень долго был судим, написал в промежутке между инстанциями трогательную статью в «С.-Петербургских Ведомостях», был сослан, но затем, по чьему-то сердобольному ходатайству, помилован и теперь опять поучает тифлисскую публику нравственным принципам.

Боюсь отвлечься в сторону и впасть в личные воспоминания, но не могу удержаться от того, чтобы рассказать маленький факт, свидетельствующий о культурном уровне местных, с позволения сказать, писателей, питающихся из армянского корыта. Как-то перед Рождеством задумала группа местных городских учительниц устроить елку для бедных детей и печатано обратилась за пожертвованиями. Казалось, следовало поддержать начинание этих милых, самоотверженных тружениц. Однако, упомянутый выше герой, в угоду каравансарайским купцам, не желавшим жертвовать на это дело, выступил с следующим убийственным возражением: «В основе устройства елки для бедных лежит доброе христианское чувство, но энергия и деньги расходуются, извините за грубость, на глупости. К чему такая трата мирра: не лучше

ли было продать его и раздать нищим. Эти слова Спасителя весьма уместны, в данном случае».

Фельетониста армянствующей газеты *приписал Христу слова Иуды*. После этого выражение «иудина мораль» вошло в Тифлисе в пословицу.

С армянской печатью творилось нечто невообразимое. Например, газета «Ардзаганк» систематически издевалась над всем русским, о чем я получал лишь отрывочные сведения. *Честного переводчика в Тифлисе нельзя достать на вес золота*. Наконец, я случайно нашел такого господина, конечно, не из армян, который доставил мне перевод очень щекотливой проповеди его святейшества, католика Мкртича I, и кое-какие другие нескромные признания армянского «патриотизма»¹. Как только я напечатал эти вещи, взвыла не только армянствующая печать, но и цензура. Газеты, печатающиеся русскими буквами, называли меня traduttore, – предателем, как будто я кому-нибудь присягнул никогда не переводить щекотливых вещей, печатающихся в армянских га-

¹ В указанной проповеди, помещенной в № 37 газ. «Ардзаганк», за 1897 г. католикос, в виде предисловия, предупреждал паству о наступлении, хотя и запоздалом, *«весны»* для армянского народа о благах, которые она ему принесет: «Вот наступила весна, оживилась природа; но после *продолжительной* и *суровой зимы*, желанная нами весна еще не настала. Не знаю, почему так опаздывает она, но во чтобы то ни стало *она, наконец, должна, прийти*. Будем ждать ее с терпением, вполне уповая на Бога».

Что подразумевал «Айрик» под «весною», видно из заключительных слов проповеди: «Имейте веру и упование на Бога, *надейтесь на ваше освобождение*, любите друг друга так, как подобает истинному христианину... Берите пример с меня. Я в продолжение всей своей жизни подвергался всевозможным превратностям судьбы и, достигнув глубокой старости, все-же с полным упованием верю и надеюсь. Не отчаивайтесь и будьте мужественны! На свете нет ничего вечного, а все относительное и временное. Одна лишь истина и справедливость всегда восторжествуют. Да хотя-бы то, что я говорил вам тысячу раз, сегодня повторю опять: *всякий раз, когда я молюсь Богу, я прошу Его продолжить мое существование до тех пор, пока я не буду приветствовать багряную зарю со свободою моего несчастного и многострадального армянского народа*».

зетах, которыя, стало быть, считают себя *подпольными*?! Цензура же настаивала на неточности помещенного у меня перевода я защищала вообще газету «Ардзаганк».

Впоследствии точность перевода была констатирована компетентным лицом, занимавшим официальное место; газета «Ардзаганк», клерикально-революционное направление которой дошло потом до крайних пределов, была окончательно запрещена через год. Упомянутый же переводчик совершенно исчез с моего горизонта... Он боялся, и не без основания, что его прогонят со службы, хотя служил он в русском правительственном учреждении...

Странно даже говорить такие вещи, а между тем в том, что я скажу, нет преувеличения. Крупное должностное лицо может еще, пожалуй, отстаивать русские интересы от посягательств армян, но маленькому чиновнику прямо *небезопасно* быть не только активным противником армянской интриги, но даже просто строго-честным служакой, не допускающим беспорядка и злоупотреблений, в которых участвуют армянские тузы. Его непременно оболгут, запачкают ему формуляр, выживут его тем или иным способом, если у него нет сильной поддержки; постараются повлиять на его жену или детей, скупить его векселя, если таковые есть, лишить его кредита, если таковой нужен. В Тифлисе есть с крикливой роскошью обставленное учреждение, мнимо-культурное и носящее приличествующее случаю имя, но *специально основанное* с целью вовлекать русских чиновников в склад жизни выше средств, совращать с пути истинного чиновничьих жен и вообще опутывать местное общество под предлогом приятных способов препровождения времени. Оно описано в моей сатире на тифлисские нравы, «Нор-Кагак» (Новый Город), пошлость мысли, выцгивание нравственных начал, франтовство, обжорство и «клубничка» – союзники армянской политики. Это целая система, и система сложная, сопряженная с шантажом, позорная для русского имени.

В серьезных вопросах хозяева края не останавливаются и перед крайними мерами. Например, смерть честного су-

дебного деятеля, члена тифлисской судебной палаты *Стрельбицкого*, доселе является *неразъясненною* (хотя и «разъяснявшеюся») печальной загадкой. Он умер неожиданно, еще полный сил, во время ведения важного дела. Зато люди податливые «процветают»; есть, например, служилые лица с видным положением, позволяющая себе производить в порядке третейского суда раздел крупных армянских имуществ и получать за это «дары нефтепромышленности».

О прямых злоупотреблениях я уже не говорю: имя им легион. Расхищены десятки тысяч десятин казенной земли, сокрыты сотни вопиющих преступлений, о которых говорил целый край. Люди, заведомо занимавшиеся контрабандой, хищением земель, подлогами и иными преступлениями и нажившие потом миллионы, достигли высочайших, для их репутации и нравственной дикости, званий и почестей; невежды и развратники оказывались покровителями учебных заведений; воры и поднадзорные – влиятельными членами армянских церковных попечительств, заправилами банков, главарями благотворительных обществ.

О том, какую ужасающую картину представляло и доселе представляет собою городское хозяйство, например, тифливское, – нечего и говорить. Хотя армяне там составляют лишь 40% населения, – дума всецело в их руках. Грузинам, русским, мусульманам доступа туда нет. Ни порядочных мостовых, ни хорошего освещения, ни сноснаго водоснабжения. В течение многих лет левый берег Куры, населенный русскими, подвергается периодическим наводнениям, дети мрут, как мухи, дома гниют. Начальство пишет, запрашивает, предписывает, а воз и ныне там. Армянские вожаки открыто хвастают, что выживут русских из этой местности. К слову «русский», когда это простолюдин, они весьма обычно прибавляют термин «собака»; интеллигентных, но не влиятельных людей третируют, а своих прислужников держат на ролях илотов, то комичных, то позорных.

Вот факт, обрисовывающий целую картину отношений. Тифлиссский губернский врач, г. Кикодзе, грузин, безукориз-

ненный и мужественный местный деятель, открыл, что на городской бойне не сожигались, а продавались ветеринарным врачом Испандарьяном трихинозные свиные туши в огромном количестве. Рискуя жизнью, несмотря на грозившие ему обнаженные кинжалы заинтересованных лиц, молодой врач поймал с поличным мясника-покупателя, обнаружил *городской склад заведомо трихинозных туш*, и составил протокол. По расследовании обнаружилось, что это *система*, практиковавшаяся уже некоторое время; кроме непосредственного виновника, косвенно были замешаны и исправлявший обязанности врачебно-санитарного инспектора, и коллеги Испандарьяна по надзору за бойней. Испандарьян лишил себя жизни, думцы всполошились и под разными предложениями, при помощи мнимо-благовидных отговорок и формальностей, чрезвычайно медлили (чуть не год!) рассмотрением вопроса в думе. Тем временем, в лесах Кахетии, как упоминалось в местных газетах, умирали в значительном числе от неизвестной мучительной болезни бедные дровосеки. На состоявшемся, наконец, сильно запоздалом заседании думы по вопросу о трихинах, известие об указанной болезни было поставлено в связи с продажей трихинозных туш на сторону. Известие было встречено возражением, что, стало быть, городу Тифлису не о чем беспокоиться. В конце концов русский человек, сын заслуженного генерала и присяжный поверенный, гласный думы, некий г. Опочинин, высказал, что так как главный виновник сам себя наказал, то дело следует *предать забвению*. Не считаю нескромным назвать этого господина, потому что тогда же, в Тифлисе я резко выразил ему печатно свое возмущение. Слова, впрочем, не помогают там, где «нужно власть употребить»!.. Исправлявший должность санитарного врачебного инспектора был в этой должности утвержден, — и тем дело кончилось.

Сложность армянского вопроса заключается в том, что задачи паразитизма и политиканства между собою тесно переплетены, находятся в органической связи... Во время городских выборов это обнаруживается весьма наглядно. Та-

кой порядок сильно развился при двух очень «патриотич-ных» армянах, городских головах Матинове и, в особенно-сти, покойном Измайлове, когда армянская политика стала главным двигателем городской жизни. Многие русские и грузины искусственно лишаются возможности участвовать в выборах, частью из-за недоимок по обложению, причем в не-которых случаях в последнюю минуту таким препятствием служили внезапно предъявленный управой недоимки *в не-сколько копеек*, частью же потому, что избирателям из не-армян банки грозят взысканием по векселям.

На последнее можно не без основания заметить, что вольно же давать людям себя запутывать. Но дело в том, что в Закавказье всем пасынкам этого края мудрено и не запутаться. Рынок в руках у стачки, жизненные продукты чрезвычайно дороги, а кредит, который был бы нормальным в другой местности, здесь всегда опасен. Вообще, упоминая о нелестном положении русских людей, о их слабости и податливости в известных случаях, считаю нужным оговориться, что даже грехи могут быть вменены им в вину лишь в малой степени. Виноваты не отдельные лица, от которых *зауряд нельзя требовать героизма*, и даже, строго говоря, не единичные начальники края, которые могут быть преисполнены лучших намерений, но не обладать всеведением и *не находить достаточного контингента честных и верных со-трудников*. Виновата история края, создавшая особую *сис-тему*, особый бытовой склад, при котором самые лучшие начинания безкорыстных представителей русской власти дают лишь малые результаты.

Тут целый гордиев узел. Необходима работа многих умов, работа целого *специального учреждения*, которая бы выяснила *истинное*, а не только формально-отчетное *поло-жение дел* на Кавказе, и историческая его причины; надо, чтоб такое учреждение не было отвлечено тяжкими заботами повседневной жизни, как отвлечена местная власть. Тут, ведь, и разбои, и землетрясения, и другие стихийные бедст-вия в этом пестром крае, и необходимость отстаивать в ма-

ло-принципиальных и неосведомленных столичных «сферах» те или иные предприятия, подсказанные жизнью; а время идет, времени мало и мало покоя для труда, имеющего свои *научные* стороны.

По-просту говоря, нужна *сенаторская ревизия*, причем важно, чтобы такой сенатор был *истинно-русским* человеком, свободным, от сильных влияний, а также предразсудков и фальши буржуазного либерализма; нужна *глубокая честность не только сердца, но и ума*.

Бог даст, несчастный край дождется этого. Покуда же надо оценить и то, что за последнее время хоть несколько умерился цинизм хищений и несколько притих задор людей, дерзавших произносить слово «русский» с насмешливой улыбкой, — задор, невыносимый по своей наглости.

Легко можно себе представить, как безцеремонно обращаются армянские политиканы с другими народностями. Несколько лет тому назад в кахетинском городке Сигнахе православные справляли иордань. Специально, чтобы надругаться над православием, армянские пиджачные интеллигенты наняли невыносимо крикливую зурну и барабан, взобрались на ближайшую к православной иордани колокольню и подняли такой невообразимый шум, что слов богослужения не было слышно. Зурна — такая дудка, звуки которой слышны чуть не за пять верст. Полиция предоставила этим милым людям наскандалить вволю, ибо и уездный начальник, и его помощник в Сигнахе были в ту пору армяне. Скандалистов потом судили и, по обычаю, приговорили к какому-то ничтожному наказанию, и то не самых зачинщиков, а нанятых ими музыкантов.

Упомянув о политиканстве армянской буржуазии, я сделал это совершенно объективно и не хотел преувеличить явления, которое может серьезно разрастись, но может и свестись к более ничтожным формам. Это вопрос будущего, *вопрос русского самосознания*.

Политические мечтания части армянских тузов и немногочисленных интеллигентных людей отлились в более или менее опре-

деленные формулы, по-видимому, после польского мятежа 63-го года, а затем нашли поддержку в последующих противоправительственных движениях в России и в заграничных кучках революционеров.

Особую роль сыграл бывший редактор-издатель «Мшака»— Арцруни, ныне умерший, который изобрел для кавказских туземцев, с целью объединения их под армянским руководством, следующие формулы, проводившиеся на более или менее эзоповском языке, даже в русско-армянских изданиях: *«соединитесь против общего врага»*, т. е. России, и *«Кавказ для кавказцев»*. Русские самоотрицатели, как водится, поддерживали это безцеремоннейшим образом. Грузины, однако, поняли, в чем дело, и талантливый поэто-юморист кн. Акакий Церетели ответил в прекратившейся ныне газете «Дрозба» на призыв Арцруни следующим стихотворением, которое ныне привожу в переводе В.П.Лебедева впервые, так как *оно не могло появиться в «Кавказе»*, хотя на ряду с этим другие газеты и проповедовали открыто *«грузино-армянскую солидарность»*... против общего врага. Вот это стихотворение:

Комар и муха.

Комар-хитрец сказал однажды мухе:

— «Сестрица, ведь тебе я друг!

«Ты знаешь, всюду ходят слухи,

«Что нас поймать затеял злой паук?!

«Готова западня, готова паутина,

«А мы все ссоримся с тобой!..

«Давай, сестра, перед борьбой

«Соединимся воедино,

«Чтобы врагу навстречу полететь

«Четою дружной, легкокрылой,

«С двойною ловкостью и силой

«Порвать губительную сеть!»..

Лукавых речь всегда сладка для слуха –
И муха
Все лапки подала в восторге комару:
Отправились искать отважно паутину.
Комар на муху сел... Да, видно, не к добру!
Знать, пить он захотел в воинственном жару. –
И ну сестрицу жалить в спину!
Сестрица терпит; братец пьет да пьет:
Знать, кровопийствовать разбойнику не внове!
И вот, почувствовав, что в теле мало крови
И сил нет двигаться вперед, –
Союзнику взмолилась муха: –»Больно!
«Товарищ, ты кусаться брось,
«Иль прочь ступай! Я мучилась довольно!
«Не в моготу пришлось!»...
–»Безумная!»– комар жужжит сурово, –
«Ведь мы союзники! Тебе я первый друг!
«Смотри, вдали уж виден злой паук
«И паутина там готова!»
–»Ну хоть бы даже так», – сестра ему в ответ, –
«Зато *теперь* грозит мне смерть такая-ж!
«Паук еще меня поймает или нет, –
«А ты меня наверно доканаешь!»...

Такое здоровое понимание дела, конечно, признак хороший, но жизненные условия могут внести и вносят разлад между здравым пониманием и нелепыми, даже роковыми поступками.

Грузины и карабахские задолженные мусульмане на Кавказе иногда говорят, неискренне улыбаясь, что *стоит русскому правительству вывести войска из Закавказья, – и от армян ни косточки бы не осталось*. Уже лет тридцать, как эти слова до смешного далеки от истины. Во-первых, армяне не только экономически поработили всех прочих, но и отчасти завладели *политическими* тенденциями других обособляющихся народностей; наконец, у *них есть уже своя*

«армия», — *сброд из Турции*. В частности, этнографическая картина Тифлиса сильно изменилась за последние несколько лет. Так, например, теперь там трудно встретить мушу (носильщика) из рачинских грузин, — некогда весьма известный и симпатичный тип чернорабочаго: теперь все какая-то необычайно разбойничьи рожи в турецких тюрбанах и башлыках¹. Вытеснение простолюдинов русских и грузин неуклонно ведется городским самоуправлением и стачкою плутократов.

¹ Грузинская газета «Иверия» констатирует в сентябре 1897 г. тот факт, что прежде со всей Грузии стекались в Тифлис и другие города чернорабочие, не нашедшие труда у себя в селениях по малоземелью, климатическим и иным условиям, а теперь они вытеснены из Тифлиса армянами из Эриванской губернии и особенно беглецами из Турции. Произошло это не вследствие конкуренции или какого-либо иного политико-экономического столкновения, ибо заработная плата, за эти годы, не понизилась как это бывает при естественной конкуренции, а напротив *значительно повысилась*. Например, чтобы перепилить кубическую сажень нетолстых дров трое армянских «амбалов» требуют от 4 р. до 5 р. 50 к., причем работа исполняется за 4—5 часов и очень небрежно.

В той же газете была напечатана справка из которой явствует что число городских чернорабочих служащих простирается от 300 до 400 человек и из них 93% *составляют армяне*. Метельщики и поливальщики улиц, караульные на авчальском водопроводе, числом до 200, все — армяне. Несколько лет тому назад большинство этих должностей были заняты рачинцами и айсорами, трезвыми хорошими работниками, замененными ныне ленивыми и грубыми выходцами из Турции, со значительно увеличенным окладом. Ярким примером грустных результатов этих ненормальных условий тифлисского рабочего рынка может послужить следующий факт отмеченный газетой «Днюбис-Пурцели» в том же 1897 году

12-го декабря, на тионетском почтовом тракте, недалеко от Сабадури, ящик заметил полунагого, изнуренного пешехода, который оказался жителем сел. Сакдриони Симоном Сисаури. Бедняка доставили в селение Сабадури, где он и умер от голода и изнурения. Оказалось, что покойный очень нуждался и отправился в Тифлис на заработки. Проскитавшись несколько времени и не найдя в Тифлисе никакой работы, Сисаури издержал здесь последние гроши и направился обратно в деревню, до которой ему не суждено было добраться.

9. Правда о турецких зверствах.

Сильное обостряющее значение имели для всего Закавказья, и в частности для армянства, последняя русско-турецкая война и ее политические результаты, отлившиеся в параграфе Берлинского трактата относительно турецких «христиан». Это произошло *не просто*. Еще задолго до войны, *Германия* обращала свои взоры на Ближний Восток, где, еще будучи молодым офицером, с толком поработал Мольтке. Статья Берлинского трактата о турецких христианах была *первым шагом Германии по пути к Багдадской дороге*, а с другой стороны, – открывшимся вулканом, извержения которого грозят европейскому миру и, в частности, делу России на Ближнем Востоке. Необходимо отметить, что за последние тридцать лет *Германия систематично работает над развитием армянского сепаратизма в Закавказье*. Много армянских кружков сосредоточенно именно в Германии. Между Тифлисом, Берлином, Мюнхеном, нашими балтийскими пангерманистами поддерживаются оживленнейшие сношения, в которых принимали горячее участие и *финляндские демагоги*. Германские офицеры генерального штаба, под видом археологов, любителей охоты и туристов, значительными группами посещают Закавказье. Характерно также, что интеллигентные армяне, получившие образование в бывшем дерптском университете, проявляют систематичную враждебность к России и что *служащие на Кавказе немцы особенно покровительствуют армянам*.

В виду приведенных выше условий, после берлинского трактата, у армян начались определенные уже политические мечтания об *автономии*. Но для автономии не-паразитической и сколько-нибудь прочной требуется более или менее сплошная *территория*. Как видно из обнародованных в 1897 году документов французского министерства иностранных дел, в Турции данных для такой автономии *нет и не было*. На стр. 2-й го-

ворится: «Глубокое изучение распределения различных племен позволяет, однако констатировать, что *ни в одном вилайете Турецкой империи армяне не представляют большинства населения*». Это наглядно подтверждают добытыми ими статистическими данными на местах кавказские офицеры генерального штаба, генерал Зеленой и полковник Карцев. На стр. 12-й упомянутой книги, в письме г. Камбона, французского посла при турецком дворе, к министру Ганото, говорится, что *о независимой Армении нечего и думать* и что если-бы, вследствие каких-либо невероятных условий, Европа предложила создать Армению, — было бы даже почти невозможно указать пределы этого нового государства.

Тот же г. Камбон доносит, что в Турции идет *сильная пропаганда армянского возстания, искусственно подготовляемого Англией*, и, отчасти, как видно из донесения диарбек-кирского французского вице-консула от 5-го октября 1894 года, *в деле оказался замешанным и Тифлис*. Вот, что пишет этот г. Мерие своему начальнику: «Говорят, что движение было подготовлено задолго обществом *«Гнчак»*, управление которого находится в настоящую минуту в Тифлисе, а раньше было в Лондоне и Афинах. Инсургенты-де повинуются приказам этого общества».

Можно добавить, что другая группа армянских революционеров, под именем «Дрошак», т. е. «Знамя», сосредоточилась вокруг газеты того-же имени, существующей и доселе. Издается она не в наших пределах, но «дрошакистов» на Кавказе немало.

В целом ряде донесений французского посла, проникнутых глубочайшею симпатией к армянам, как христианам, а также стремлением к серьезным реформам, искренно разделявшимися русской дипломатией, г. Камбон перечисляет целый ряд *зверских политических убийств, совершенных членами армянского революционного комитета и их наемниками*, отмечает весьма характерный факт, впоследствии мною в некоторой мере проверенный, что *главная масса армян не сочувствует революции, и лишь единичныя кучки турецких*

армян мало-помалу поддаются угрозам и террору своих вожаков и частью против воли вступают в борьбу. Многие турецкие беглецы-армяне, с которыми мне или моим знакомым приходилось говорить, откровенно признавались, что бежали в Россию не от турок, а от своих же террористов.

В упомянутой книге говорится о массовых беспорядках, затеянных армянами, которые *местами сами стали нападать на турок и курдов, чтобы вызвать резню.* Перед началом беспорядков и вопиющих зверств в Константинополе, где, как известно, шайка армян ворвалась с динамитными бомбами в «Оттоманский Банк», армянский революционный комитет прямо обращается к г. Камбону с подобием ноты, в которой говорится, что армяне решились произвести *«мирную демонстрацию»* и комитет, мол, не отвечает за последствия, если полиция вмешается. Во Время последовавшей манифестации *армяне первые стали убивать полицейских и даже жандармских офицеров.* Это-то послужило толчком к ужасающей резне армян, при одной мысли о которой волосы становятся дыбом. Из указанной книги видно, что *в значительной мере повод к армянской резне подали сами революционеры своими вызывающими действиями, сознательно к этой цели направленными,* что английский посол и консулы всеми силами пытались все это раздуть и осложнить, а русский и французский послы, при всей симпатии к безвинным жертвам интриганов и осатаневших мусульман, проявляли большой политический такт.

Особенно замечательна была гениальная дальновидность незабвенного князя Лобанова-Ростовского, нашего министра иностранных дел, и его железная воля, помешавшая вовлечению России в нелепую войну. Он, кстати сказать, первый *пошатнул*, но, к сожалению, не вырвал с корнем *неосновательный взгляд нашей дипломатии на армянство, как на элемент дружественный и полезный нам в соседних Персии и особенно в Турции.* Он понимал, что русско-турецким отношениям пора вступить в новый фазис, а именно мы должны бы оградить Турцию от иностранной эксплуатации и посторонних вмеша-

тельств, а за это мирным путем достигнуть улучшения участи христиан на Востоке и, главное, упрочить свое положение на проливах. Сторонники другого мнения кокетничали с армянами в Турции, поддерживали озлобление в Ильдиоз-Киоск против нас и славянства и вместе с тем *косвенно поддерживали гегемонию армянского племени на Кавказе.*

Но вернемся к армянским беспорядкам и резне в Турции. Оттоманская Порта вела себя недостойно: правительство явно мирволило участникам резни – мусульманам, частью разделяя их раздражение, частью же, как впоследствии оказалось, создав *рациональный с турецкой точки зрения план обмена вещей*, т.е. сосредоточения возможно большего сплошного числа мусульманского населения в Передней Азии и истребления или изгнания в Россию армян, заболевших столь острым политическим недугом. *Этот план* (за исключением давно прекратившейся резни) *теперь приводится в исполнение с необычайным, феноменальным успехом.*

Всякое явление, особенно ставшее достоянием истории, требует точного определения. Несомненно, что турецкия зверства были ужасны и по существу, да и по размерам. Но несомненно также, что и англо-армянская печать, в лице разных Диллонов и при содействии печати космополитической всех стран, сильно раздувала размеры этого тяжкого бедствия народного, прибавляя нули к десяткам и сотням действительных жертв.

В Закавказье и русские, и армяне одинаково содрогались и возмущались, слыша отголоски предсмертных стонов тысяч людей. Несомненно, однако, также, что слово «мусульманский религиозный фанатизм» произносилось слишком огульно. И греки, и католики, и даже армяно-католики значительно меньше пострадали, чем григориане. Французский консул доносит 25 января 1896 года следующий знаменательный факт о резне в Третьондском вилайете: *«Прежде, чем приступить к резне, в селенги Гюмюш-Ханэ, мусульмане собрались на площади. Отделили армян от прочих христиан и отвели последних в сторону, чтобы не смешать их с заранее намеченными жертвами».* Яс-

но, что турецкие фанатики боролись с армяно-григорианской и революционно-армянской организацией, грозившей спокойствию и, может быть, целостности их государства. Всякому, кто побывал в Малой Азии или знает тамошние социально-экономические условия, вполне ясно, что тут приходил такой же экономически-бытовой фактор беспорядков, с каким мы встречаемся в черте еврейской оседлости; только, к несчастью, турки, и особенно курды, не знают удержу, когда развирепеют, — и главное, тягчайшее обвинение против них заключается в том, что они дошли до такой массовой резни, не разбирая пола и возраста, а не ограничились истреблением революционных шаек.

Зрелище людей, *действительно* пострадавших от этого погрома и нашедших приют под стягом России, представляло собою нечто надрывающее душу. Особенный трагизм заключался в том, что в *значительной мере сами армянские богачи, духовные лица и прочие политиканы предали на гибель и поругание часть меньшей братии своего народа.*

Приведу маленькую поэтическую картинку, снятую мною с натуры.

Шушаника.

Картинно прислонясь к узорной двери храма,
С утра до вечера, покорно иль упрямо,
Армянка-нищая проводить много дней;
Сидит, недвижимая, как будто изваянье,
Кивая изредка кладущим подаенье
В тарелку медную, лежащую пред ней.

* * *

Бледна, оборвана. Полузакрыты веки;
Под ними — взора нет; для нищенки навеки
Все в тьму погружено, погас небесный свет...
Лицо не горестно; по нем порою зыбко
Скользить болезненно-блаженная улыбка...
Улыбка? Почему?! Она дала ответ:

* * *

– Зовут меня, ага, счастливой Шушаникой.
«Из Вана родом я. К нам для расправы дикой
«Нагрянули враги, нещадней, чем гроза!
«Насилье, трупы, кровь!.. Живые разбежались...
«Я в церкви спряталась... Нашли – и надругались
«Два курда надо мной, и выжгли мне глаза...

* * *

«Какая злая боль!.. Но легче жить мнь стало:
«Кого-то мучили, – кого, – я не видала!
«И что-то рушилось!.. Смятенье, крики, стон...
«Затишье... Снова шум, и выстрелы, и топот!..
«Потом... послышался мне торопливый шепот...
«Зовут меня!.. Идем... и путь – как страшный сон!

* * *

«Тут – мне велят ползти, там – мчаться, что есть мочи!..
«Вот – резкий ветер гор... иль просто холод ночи?
«Вот... на веревке я: должно быть, крутизна?
«Иль хищники меня схватили вновь, быть может?
«Нет, мирны голоса!.. Но голод, голод гложет!..
«Нет сил! Я падаю... Что это?... Тишина?..

* * *

« Где спутники мои? Где я, и что со мною?!
«Вдруг... снова голоса! Какою то волною
«Я снова поднята!.. Крик слышен впереди,
«На языке чужом... Везут меня куда-то:
«Я слышу скрип арбы, и мирный шаг солдата,
«И как-то мне легко, тревоги нет в груди...

* * *

«Потом... не помню, что!.. Болела, верно, где-то...
«И вот, теперь сижу, накормлена, одета...
«Я знаю: это храм! – И хорошо мне тут:
«Я возле Господа, близ милости великой!..
«Я назвала себя «счастливой Шушаникой»:
«Ведь на моем пути одни цветы цветут!

* * *

«Недолго видела я близких истязанья,
«А здесь зато навек ни злобы, ни страданья,
«Ни жадности людской мне видеть не дано!
«Шаги... звучат шаги... порой звучит монета...
«Я брата-ближняго благодарю за это,
«А Господа... за то, что все кругом темно!..

10. Политическая роль церкви и армянская программа.

Храм Божий не обманул надежд многострадальной нищенки; но несомненно, что именно недостатки армянской церковной организации и роковые, ничем не оправдываемые ошибки, чтобы не сказать более, армянской церковно-теократической политики имели и доселе имеют крайне пагубные последствия не только для русского народно-государственного дела в крае, но и для самой армянской народности.

Нельзя не отметить, что подъем армянских манифестаций и беспорядков в Турции и всеобщей нервности армянского племени в русских пределах *совпал со вступлением на эчмиадзинский патриарший престол его святейшества католикоса Мрктича I*. Еще до приезда в Россию маститый иерарх был в Турции *политическим деятелем*, горячим армянским патриотом, за что и подвергался гонениям со стороны турецкого правительства.

Вряд ли можно удивляться тому, что на склоне лет и многотрудной деятельности, патриарх перенес свои воззрений, стремления и инстинктивные чувствования в свое новое отечество.

Во время выборов патриарха часть армянской буржуазии и мнимо-интеллигентного класса, объединяемая газетою «Мшак», созданною известным Арцруни, стояла в рядах противников Мрктича, во имя соображений буржуазно либеральных и, может быть, либерально-атеистических. И теперь многие крупные торгаши, банкиры, нефтепромышленники, чувствующие отвращение к клерикализму, после знакомства

с европейскими кафешантанами и смокингами относятся к своему духовному главе без должного почтения и, идя к одинаковой с ним цели племенного обособления, полагают, что дело пошло бы скорее при помощи так называемой социально-экономической эволюции.

Разногласие, в итоге, скорее академическое, чем глубоко жизненное, ибо *обе партии спевались и спеваются всегда, когда даже мелкий случай дает им повод «соединиться против общего врага».*

В эчмиадзинской армянской церкви управление не вполне единоличное, а по закону католикос стоит во главе Синода, прокурор которого назначается русским правительством. Эчмиадзинская духовная академия давным-давно уже должна бы руководиться законным уставом, так как *срок заменявших ее временных правил весьма давно истек*¹. Наконец, компетенция русской власти в делах политических или общеуголовных, разумеется, распространяется также и на Эчмиадзин. Между тем, законные требования правительства не всегда исполняются и зачастую даже остаются без ответа, либо вызывают ответ не подобающий. Присяга новобранцев и участников судебных дел, по указу Сената, должна приноситься на русском языке, а политиканствующее духовенство *запрещает* священникам повиноваться этому. Несколько лет тому назад католикос грозил телеграммой кавказскому начальству, что закроете синод, если не будет удален не угодный его святейшеству правительственный синодальный чиновник. В ожидании ответа синод был закрыт, а затем *после уступки незаконному требованию*, открыт новым кондаком.

¹ Эти «временных правила», утвержденные в 1874 году на девять лет в Бозе почившим Государем Александром II, до сих пор заменяют какой бы то ни было устав для эчмиадзинской духовной академии. Все католикосы возседавшие за эти тридцать лет на эчмиадзинском престоле старались, тем или иным путем, избежать выработки устава и, к сожалению, достигали цели, не взирая на вопиющую ненормальность и опасность такого порядка вещей.

«Кондаки» вообще применялись весьма своеобразно. Так например, кондака удостоился издатель революционно-клерикальной газеты «Ардзаганк», запрещенной русским правительством. Титул патриарха – *вехапр*, что значит *величество*; обращение к нему – *церт терутянут*, что значит *ваше правительство*. Самые эти эпитеты являются признаками политической теократии, независимой от других властей. Архимандрит член синода Ваган и бывший личный секретарь католикоса и ректор академии Нахапетян, за противоправительственную агитацию и другие незаконные действия, были высланы, по Высочайшему повелению, из Закавказья, а затем католикос назначил, без спроса русских властей, одного нахичеванским викарием, а другого управляющим кишиневскими имениями армянской церкви.

Когда была в Турции последняя резня, вызванная действиями революционеров, русскою властью было предложено патриарху сказать отрезвляющее слово, а он, напротив, стал говорить зажигающие проповеди, учредил «ночные бдения» – и проповеди такого же рода помещались в эчмиадзинской газете «Арапат», за подписью архимандрита Карапета.

Эчмиадзин обладает огромнейшими имениями, управление которыми ведется более, чем загадочно. В монастырях тщательно скрываются инвентари, списки имущества, ведомости и т. д. Имущества прикупаются и берутся под залог. Так, например, имение некоего г. Шах-Азизова-Камсаракана взято под залог эчмиадзинским монастырем. С другой стороны, церковные учреждения широко кредитуются в банках. При таком экономическом хаосе мудрено определить, что идет на дела церкви и что тратится *гораздо менее производительно с религиозной точки зрения*. Если добавить, что несколько лет тому назад в Эчмиадзине, в одной из обителей, приютилась и была открыта шайка подделывателей русских денежных знаков, то туманность экономической картины данного района достигнет своего апогея.

Печальная история армянского народа имела своим результатом значительное смешение религиозных задач церкви

со всякими делами мира сего⁴. Это вредит и делу духовного развития армян и, в итоге, даже нравственному престижу самого католикоса и других иерархов. Когда скончался католикос Макарий, то после него не нашли ни бумаг, ни денег. Существует подозрение, что он умер насильственной смертью. Едва ли не таким же способом перешел в лучший мир архиепископ Иеремия, искренний друг армянского народа, вместе с тем горячо преданный России.

⁴ Вот перевод того, что пишет по этому поводу после своей поездки в Эчмиадзин, французский ученый, барон де-Бай, которому принадлежит честь основательного ознакомления своей родины с Россией, в целом ряде книг и брошюр. Кавказ он несколько раз изъездил вдоль и поперек, и тон его повествований всегда отличался умеренностью и безпристрастностью, «Подъезжаем к селу Варшапату. Прежде всего, мы видим древнюю покинутую церковь святой Рипсимии, ныне возстановляемую, окруженную почернелыми стенами. *Эта церковь была некоторое время притоном фальшивых монетчиков.* Но вот мы и в Эчмиадзине; всякий иностранец там принимается весьма радушно, — и у меня нет слов, чтобы выразить, как монахи (почти все в епископском сане) были со мною любезны и предупредительны. Но, не взирая на всю мою благодарность, я должен быть откровенным. Этот монастырь произвел на меня впечатление *скорее политического, нежели религиозного центра.* Его святейшество католикос — весьма почтенный старец, ласково принимающий иностранцев; у него *очень тонкий, очень дипломатичный ум; говорят, что он в своих проповедях охотно прибегает к иносказаниям*»...

Вопреки преданию, относящему эчмиадзинский собор к четвертому веку, барон де-Бай, по археологическим признакам, считает его памятником пятнадцатого столетия и находит, что стенная живопись является отражением персидского искусства. К «древним» предметам автор относится скептически:

«Древность реликвий, сохраняемых в ризнице, и, главным образом «священного копия», была оспорена учеными, гораздо более компетентными в этой области, чем я. Так как архивы монастыря, к несчастью, исчезли, то не существует и никаких сведений о предметах, собранных в его сокровищнице. *В этих стенах мало озабочены трудами археологическими, историческими и художественными; все помыслы и заботы посвящены теперешнему времени и текущим вопросам. Люди, подозревающие, что здесь имеется очаг больших симпатий к Англии,—пожалуй, ни мало не ошибаются. Во всяком случае, Англия употребляет все средства, чтобы вызывать эти симпатии в данном месте, близком к азиатской Турции...*»

Секуляризация армянских церковных имуществ есть мера, *настоятельно-необходимая*, не только в видах упрочения большего спокойствия среди армян, но главным образом *в видах того, чтобы дать возможность армянской церкви выполнять свою священную духовную миссию, не отвлекаясь посторонними делами или мечтаниями*⁵. Как мы увидим ниже армянский народ заброшен в воспитательном отношении своими руководителями, его искусственно портят, отрывая и от правды Божьей, и от благоразумия человеческого.

Тут во многом виновато, между прочим, армянское высшее духовенство. Эчмиадзинская академия, и нерсисян-семинария, и прочие семинарии так переполнены молодежью, что стены трещат, – *а духовенство в подавляющем большинстве, состоит из простых и невежественных крестьян*.

Истории с переводом армянских церковных школ в ведение нашего министерства народного просвещения я коснусь лишь вкратце⁶. Органами этого последнего было обнаружено, что армянские приходские школы, вопреки наглядному и на каждом шагу выражаемому стремлению армянской народной массы к изучению государственного языка, не только тормозили этот естественный способ развития гражданственности, но даже явились разсадниками самого грубого и фанатического обособления. Не говоря уже о нелепейших учебниках, в которых говорилось о пресловутой Великой Армении и о мировом призвании армян цивилизовать всех своих соседей, – в этих школах распространялись *и карты Великой Армении, чуть не до Воронежа, со*

⁵ Эти строки были написаны В. Л. Величко в самом конце мая 1903 г. до Высочайшего утверждения закона 12 июня о порядке управления имуществами армяно-григорианской церкви. *Изд.*

⁶ Более подробные фактические данные по этому вопросу можно найти в выдержках из статьи г. Р. «Правда о закрытии церковно-приходских школ», напечатанных в «Приложении».

*столицей в Тифлисе*⁷ и всевозможные эмблемы, служившие все той же интриге, которая поддерживалась сперва Англией, а в настоящее время является одним из любимых детищ германизма. Употребляю слово германизм, а не Германия, потому что на Кавказе и русско-подданные немцы, зачастую даже служилые, являются горячими сторонниками и покровителями армянских пашней.

Замечательный местный деятель, бывший попечитель кавказского учебного округа, покойный К.П.Яновский, неутомимой энергией достиг распоряжения о передаче указанных школ в ведение министерства народного просвещения, с сохранением в них и армянского языка, и армянского Закона Божия. *Армянское духовенство на то не согласилось и разом закрыло множество школ*, предпочитая оставить народ во тьме невежества, лишь бы не дать ему избавиться от искусственного обособления. Среди армянского простонародья буквально «стон стоял», причем агитаторы распространяли *заведомую ложь*, будто бы школы закрыты не агентами армянской теократии, а русским правительством. Наша мнимо-либеральная печать, среди промышленников которой нашлись и люди, субсидируемые бакинскими нефтяными крестами, усиленно поддерживала эту наглую ложь в неосведомленной русской читающей публике. Кавказскому учебному округу удалось, однако, перевести в свое ведомство целый ряд школ, успешно работающих теперь на новых началах. Со школами перешло в это ведомство и школьное имущество, т. е. и *источники содержания школ*, и тот *инвентарь*, которого армянское духовенство не успело скрыть или замотать; здесь кстати заметить, что операции последнего рода производились скандальнейшим образом, на глазах у целого Тифлиса,

⁷ Карты этой воображаемой страны, которых я видел у бывшего попечителя кавказского учебного округа К.П.Яновского, распространялись в виде литографированном и даже вышитая шелками. Последние принадлежать ручкам каких-нибудь мазутных королевы, дрессируемых на иностранный лад. *Авт.*

где учебное ведомство не нашло достаточной поддержки в деле установления и удержания скрываемого имущества⁸.

Что касается до средств (недвижимых имуществ и капиталов), на которые содержались армянские школы, то здесь изворотливость и сутяжничество местных дельцов поставили учебный округ в немалое затруднение – и на свет Божий всплыло много таких сюрпризов, которых на Кавказе принято ожидать, когда заходить речь о каком бы то ни было армянском имуществе. *Заведомо-школьные* имущества оказались в значительном числе под этикетками монастырских и церковных. Посыпались иски, ведомые армянскими тертерами с бытовой изворотливостью еврейской адвокатуры и с наглостью, достойной сынов «Великой Армении». На Кавказе судебная практика часто благоприятствует армянам: быть может, и впрямь они почти всегда чисты и правы, а может быть, есть тому иные причины, исследование которых могло бы дать много интересных фактов. Дошло до того, что один мировой судья (если не ошибаемся, темир-хан-шуринский) даже попытался вызвать повесткою в свою камеру самого маститаго попечителя учебного округа. Кавказские судебные учреждения, решениями которых за много лет санкционировано было немало захватов казенных земель армянскими хищниками, – и в данном вопросе решили изрядное количество дел не в пользу учебного ведомства на Кавказе. Ряд исков был, впрочем, подвергнут остановке, в виду того, что одно из крупных дел о школьном имуществе восходило до Сената. Главный вопрос состоял в том, подлежат ли подобные дела административному или судебному разрешению. Сенат высказался в последнем смысле – и теперь заваривается целая каша, весьма бесполезная для русского дела и престижа на Кавказе⁹.

⁸ Хорошенькие факты из этой области содержит помещаемая в «Приложении» статья г. Р.П. «Могнинское училище», напечатанная в 1898 г. в газ. «Кавказ».

⁹ Законом 12-го июня 1903 г. и этим неурядицам положен конец. *Изд.*

Подобное недоразумение свидетельствует прежде всего об отсутствии дружного служения на Кавказе различных ведомств единой национальной политике. Иначе на месте воцарился бы взгляд, что вопрос народной школы есть вопрос *государственный*, а не узко гражданский. Учебное ведомство, при определении принадлежности имущества школам или церквам, нашло бы должную *поддержку для точного выяснения* всех подробностей, причем этим последним не было бы придано преувеличенного значения, в силу изворотливо-формальных признаков. Эта изворотливость скорее всего побудила бы местную власть дать движение давно назревшему и вопиюще-настоятельному вопросу, — *о секуляризации армянских церковных имуществ*. С его разрешением многие мутные волны отрицательных явлений, безпрепятственно разливающихся теперь по Кавказу, вернулись бы в свое естественное русло.

Местные русские люди, с сочувственным вниманием следящие за подъемом интенсивности в работе министерства внутренних дел, ожидают от творческой инициативы этого центрального учреждения благотворных воздействий на расшатанные устои русского дела, обретающегося не в аванже на этой, слишком далекой от центра и слишком изолгавшейся окраине.

Армянская народная масса жадно стремится к изучению русского языка, который открыл бы ей путь к заработку и настоящей культуре, а вожаки ставят ей преграды, потому что боятся выпустить ее из сферы своего влияния. Каково это влияние, даже в вопросах второстепенных, — можно судить потому, что газета «Мшак», принявшая со всей армянской буржуазией сторону Дрейфуса, имела случай восторгаться распространением такого взгляда, среди полудиких елисаветпольских пахарей-армян. Один из этих сиволапых брюнетов даже назвал своих любимых буйволов именами ближайших участников дела Дрейфуса.

Кстати сказать, в крае, прославленном подвигами кавказской армии, являющейся почти единственным незыбле-

мым и незапятнанным воплощением русского дела в стране, писать против Дрейфуса было, но цензурным условиям, весьма затруднительно, а в армянствующей и армянской печати, проникавшей до самых низших слоев народа, сочинялись целые гимны в честь этого «патриота на изнанку». Довольно значительный кружок тифлиских политиканов, в состав которого входили полуграмотные оборванцы, послал Эмилю Зола следующую телеграмму на русском языке:

«Из страны терзаний Прометея благоговейно преклоняем головы перед тем терновым венцом, который возложила на вас ваша родина, к стыду всего человечества. Терновый венец — лучшая награда самоотверженному борцу за справедливость».

Каравансарайские приказчики, очевидно, с таким же правом считали себя одухотворенными страданием Прометея, с каким газета «Новости» однажды назвала древле-православный Мцхет и долину серебристой Арагвы «знойною Арменией». Кавказские дрейфусары из армян совпадали в своих тенденциях с некоторыми гражданскими чинами, и когда одного из них, русско-подданного «немца» из крещеных евреев, я спросил, на каком основании он мне «советует» не писать против Дрейфуса, — он отвечал, пожав плечами:

— Помилуйте, сам император признал Дрейфуса невиновным!

— Какой император?

— Вильгельм!

Тут я, при всей своей кротости, разсердился:

—Позвольте! Это, может быть, *ваш* император, а не мой ни в каком случае.

Еще два слова о школах. Жаль, во-первых, что вопрос о них, или, точнее, о их имуществе разрешался и разрешается донине в порядке судебном, а не административном¹. Судебная власть связана определенными уставами, — и отклоняться от форм и отвлеченных правовых начал, даже благородно,

¹ Написано до закона 12-го июня 1903 г. *Изд.*

даже с пользою для обще-государственного дела, она не вправе. То, что иногда торопливо вменяется в вину, с патристической точки зрения, судебной власти на Кавказе, должно бы быть отнесено к другой категории причин. *Судебные уставы и многие обще-имперские законы, прежде, всего, не подходят к кавказским условиям.* Таковы, например, вопросы о давности, о состязательном процессе, и, в данном случае, о передаче школ. Выигрыш армянами нескольких судебных процессов о школьном имуществе вызвал во всем Закавказье *оживленные, толки*, а у армянских политиканов – и нелепые надежды.

Присмотримся теперь поближе к этим политикам и их программе. Само собою разумеется, что никакому человеку, мыслящему по-русски, они этой программы в точно сформулированном виде прочесть не дадут; но достаточно прожить несколько лет в крае и присмотреться ко многим явлениям, чтобы армянская программа выяснилась с неопровержимою достоверностью, получилась, как искомое в решенном уравнении.

Среди непрошенных опекунов армянского народа мечта о создании *автономного «царства»*, и притом *именно в русских пределах*, не гаснет, а все *разгорается*. В Турции не было территории – и она искусственно создается в Закавказье. Десятки тысяч турецких эмигрантов вторгаются в наши пределы, а наши воины не решаются стрелять в эти «мирные» шайки, потому что армяне выдвигают вперед женщин и детей. Никаких турецких «зверств» нет и в помине, а турецкое правительство не принимает обратно беглецов. Многие из этих последних при этом отказываются принимать русское подданство, и уже почти все без исключения склонны к праздности, заразным болезням и диким уголовным преступлениям.

Закавказские армяне-простолюдины, нравы которых сравнительно умягчились за несколько десятилетий пребывания в России, считают приход турецких сородичей *великим бедствием*.

Людам нужна земля – и все, что есть на Кавказе и в русских столицах доступного армянским воздействиям, предназначает эту землю армянам и *противится* русской колонизации, даже не взирая на то, что начальник края, с Высочайшего соизволения, открыто включил ее в свою программу.

На нашем языке противиться – значит возражать; на Кавказе же у этого слова значение страшное, дикое, заставляющее волосы становиться дыбом. После нескольких лет всяческого вдумыванья в духоборческий вопрос и собирания фактов из первоисточника, я пришел, так сказать, всеми силами души к выводу, что *началом духоборческого мартиролога, безумия и гибели явилась именно армянская интрига*, имевшая целью переселения турецких армян на их земли. Преступления одних служилых людей и ошибки других, сентиментально-безчеловечные бредни толстовщины и т. д. – все это факторы уже последующие, а не основные. К счастью, эта цель армянской политики была достигнута лишь в малой мере, посредством захватов и иных обходных путей.

Что такое значит по-армянски «противиться», про то знают жители погибшего русского поселка в Тертере, Елисаветпольской губернии. Эта страшная эпопея будет подробно изложена ниже, в главе, посвященной русским переселенцам. Рассказ одного из оставшихся в живых переселенцев произвел на слышавших такое впечатление, что все ужасы турецкой резни бледнеют пред холодною, сатанинской жестокостью «мирных» и «культурных», армян в деле извода русских из территории, завоеванной русскою кровью.

Упомянутые политиканы хотят извести также мусульманское население края и *испортить репутацию мусульман, чтобы в будущем воспользоваться их землями*. Дальновидное бездействие их служилых приверженцев или рабов помешало доселе определению *сословно-поземельных прав в мусульманских провинциях* и учреждению там деорьянско-крестьянского земельного банка. Само собою разумеется, что сословно-поземельная неурядица *поддерживает нервность* местного пылкого населения, вызывает *недовольство* и явля-

ется одною из серьезнейших причин разбоев и кровавых столкновений. Перед Петербургом это тщательно маскируется, – и некий «кавказский уроженец» г. В. С. К., полемизируя с редактором областного отдела «Новаго Времени», напирает на пылкость и нервность закавказских мусульман, тщательно опуская вопрос об одном из главных факторов, действующих на эту пылкость. Факт на лицо: в течение многих десятилетий лежат под спудом вопросы об интересах целой группы населения, – и *разумных причин к тому не имеется*. Результаты же видны! *Не трудно догадаться, кто тут орудует!*.. В результате все мусульманское Закавказье уже *опутано армянскими сетями*, как и остальные места, кроме, отчасти, Кутаисской губернии. Армянские миллионеры, – киты, на которых строится промышленно-политический террор «Армении», – скупают за гроши *десятками тысяч десятин* земли грузинских князей, татарских агаларов и захватывают плохо лежащая казенная угодья¹; *а эти угодья доселе, нередко очень плохо лежат*, отчасти, вследствие неприменимости общеимперских законов к местным условиям.

При этом русских людей продажные русские же публицисты убеждают в том, что армяне представляют на Кавказе *единственный мирный и культурный элемент*. В Петербурге армянские богачи и их поверенные умеют доказывать это влиятельным классам и, увы, многим представителям печати, нефтяными акциями, вкусными обедами и даже устами специально нанятых для этого красивых дам. Повторяю: и неосведомленность у нас удивительная, почти преступная. Даже в редких русских по направлению изданиях приходится читать, что армяне – «оплот христианства на Востоке», а издания совершенно не-русские по направленности, на Кавказе и в столице, (например, пресловутая «С.-Петербургская Ведомости») доходят до таких геркулесовых столпов подлаживания к армянам, что за человека стыдно и страшно.

¹ Эти земли заселяются сплошь турецкими армянами.

Русских людей помоложе, да понаивнее, армянские вожаки и их единомышленники стараются, подобно евреям, убедить в том, что Россия вполне созрела для властного народного представительства, что истинный патриотизм должен состоять в широком пользовании этой «зрелостью», *в предоставлении окраин и инородцев самим себе*. Иное отношение к делу явилось бы «нетерпимостью» и «мракобесием». Кто наслушался таких афоризмов на Кавказе, тому понятны и многия петербургския писания, как бы они ни были замаскированы даже русским «национализмом» особаго рода. Когда армяне и их наемные борзописцы пускают в ход привычныя для тупоумной масти русской интеллигенции формулы буржуазнаго либерализма и говорят, например, *о равенстве и братстве всех народов*, то это ложь, презренная, и плохо скрытая ложь, которой даже ребенок не поверит, если он, честен и понял, в чем дело. Люди, притворяющиеся, что верить армянским либерально-гуманитарным уверениям, — *такие же лжецы*, как и авторы подобных уверений. Стоит только с некоторым вниманием прочесть то, что пишется по армянскому вопросу и присмотреться к кавказским делам, чтобы приведенный вывод признать аксиомой.

Казалось бы, например, что либерально-гуманитарная идея не воспрещает заботиться о русской народной массе, а велит, наоборот, помогать тем ея группам, которыя оскудение нашего центра и безземелье гонит на окраины. *Между тем, по почину армянских меценатов публицистики, в течение нескольких лет ведется всеми способами борьба против предначертаннаго Верховною Властью занятия свободных закавказских земель русскими переселенцами.*

Возьмем другую аномалию, еще более вопиющую с кавказской точки зрения и явно противоречащую даже армянской формуле «Кавказ для кавказцев». Во многих городах восточнаго Закавказья мусульмане составляют подавляющее *большинство населения*, а между тем они не пользуются в городском самоуправлении одинаковыми правами с армянами, под предлогом, что эти последние «христиане».

Таким предлогом можно морочить только людей, имеющих понятие о Кавказе лишь на основании календарных сведений. Ограничения прав некоторых групп населения полезны и необходимы в пестроплеменном государстве, но должны вытекать *из бытовых условий*, а не основываться на формальных признаках. *Ограничивать нужно эксплуататоров, стачников, политиканов, людей кагального строя; таковыми же являются именно армяне, а не мусульмане. Христианство без христианской морали есть подделка*, – и не даром один православный иерарх, знающий кавказскую жизнь, однажды высказал мне, что считает мусульман по духу и нравственной основе более близкими к православным, нежели монофизитов-армян. Но если даже стать на точку зрения механически-уравнительной справедливости и отрицать какие бы то ни было ограничения, то вполне естественно было бы предоставить мусульманам равные права с армянами, особенно в стране, где мусульмане являются более коренным населением.

Кавказская власть добросовестно к этому стремилась, и в течение краткого времени вопрос считался решенным в желательном смысле. Армянская печать, исповедующая все догматы так называемого «либерализма» и весьма безцеремонно относящаяся к православным святыням, тут вдруг особенно горячо запела на тему о «христианстве», а в Петербурге были пущены в ход все влияния, чтобы ограничение мусульманских прав осталось в силе. Газеты, доступные армянам, стали вдруг шуметь о панисламизме. И податливый Петербург отменил благородную меру, уже осуществлявшуюся на практике кавказскою властью...

Армяне и их приспешники, очевидно, прячут свой либерализм в карман, когда дело идет об их *племенных интересах*. Не даром у них сложилась пословица: «Хочешь – Исай Аракелович, хочешь – Аракел Исаич». Все чужое, даже заслуженное кровью и доблестью, кажется им несправедливым стяжанием. Так, например, хотя армяне уже лет сорок на Кавказе *de facto* являются в полном смысле слова хозяевами края, –

тем не менее русскою властью больше воздается внешнего почета заслуженным воинам и представителям древних грузинских фамилий, традиционно преданных России, а не вчерашним приказчикам, факторам или захватчикам казенных земель. Но и это «обидно» ревнителям армянской гегемонии, и это кажется им вопиюще несправедливостью!

Незадолго до редактирования мною газеты «Кавказ», зашел ко мне в Тифлисе в гостиницу, с целью познакомиться, известный «передовой» публицист Григорий Аветович *Джаншиев*. Он пользовался репутацией искреннего, безукоризненного либерала. Уважая всякую искренность и наслышавшись хорошего о нем в Петербурге, я был очень тронут его вниманием, — и он совершенно очаровал меня широтою теоретических взглядов. Я откровенно высказал ему, что резко отличаю армянскую народную массу от мнимо-интеллигентного класса и особенно от хищной плутократии. Он слегка поморщился, но высказал уверенность, что люди разных лагерей могут объединиться во имя народного блага, если они не противники света, гласности, жизненной правды.

Я имел наивность этому поверить. Однако, после первого же серьезного разоблачения противообщественных проделок и племенной нетерпимости тифлисских городских заправил, я получил от этого мнимого либерала и заядлого армянского патриота (в паразитическом смысле слова) весьма, характерное письмо. Привожу из него те строки в которых Джаншиев «показал карты»:

«Я от души желаю ему (грузинскому народу) всякого (!!) успеха, но только на почве *равноправности*, а не на положении *капризного баловня администрации*, каким он всегда был и до сих пор (!!) остается, по признанию самого «Нового Времени». Армяне потому имеют будущее за собою, что *они нигде и никогда не требовали для себя привилегий (!!) в ущерб другим народам*. У вашей же газеты проскальзывает тенденция третировать их, как элемент вредный. Не нужно забывать, что они, служащие вот уже 3 года предметом травли, особенно чувствительны ко всякой неспра-

ведливости, в особенности от лиц, в безпристрастие которых верили. При таком настроении, *даже справедливая мера может вызвать раздражение*. Что могло быть справедливее уравниения татар с христианами в городском управлении? Но я совершенно понимаю людей, которые признают эту меру несвоевременною, так как она явно внушена не столько любовью к справедливости, сколько *ненавистью* (!!) к армянам. Вы, конечно, не заподозрите покойного Унковского в нелюбви к народу, а между тем он *негодовал* (!!) на Милютину за его польские крестьянские наделы, потому что они были внушены *ненавистью* (!!) к польскому народу, а не заботою о нем!!...»

Кажется, комментарии излишни, коль скоро *даже справедливая мера может вызвать раздражение у этих чувствительных господ*, «не требующих для себя привилегий», но противящихся равноправности мусульман!

Русские прислужники армян заходили по этому пути еще гораздо дальше. Так, например, в органе кн. Ухтомского по поводу предположения устроить армянских выходцев на острове Крите, было высказано однажды, что такая мера нежелательна, ибо армяне, как люди особенно способные в области экономической, и на новом месте возбудили бы против себя неудовольствие остальных христиан.

Нечего сказать, хороша «способность», влекущая за собою неизбежное неудовольствие соседняго населения! Ясно, что таким «способным» людям место скорее всего в долго-терпеливой России: с нею, матушкою, церемониться нечего!..

Особый интерес представляет статья французского писателя-армянофила, г. Пьера Морана (журнал «Correspondant» от 10 апреля 1897 г.), заведомо «подготовленного» кавказскими политиками и также открывающего их карты.

По мнению этого писателя, Россия морально *не упрочила своего господства между Черным и Каспийским морями*, — что совершенно верно. Наиболее глубока и активна, — говорит он, — идея самобытности и жажда обособления именно у армян. Они жалуются на равнодушие к их положение со

стороны Франции, которая-де в унижительном для нея (!!) франко-русском союзе *забыла свои принципы и отреклась от своих традиций*; русское же правительство, не выполняя своей обязанности выручать армян зарубежных, гнетет, будто бы, армян российских раздражающими мероприятиями, *par des procédés véxatoires*. Армян-де преследуют (!!) в России за их деятельную энергию, благосостояние, сильную умственную культуру (!) и, наконец, просто «за то, что они армяне». Г. Моран находит, что они люди с железною волею, стойки, цепки и трудолюбивы, – словом, люди с большою внутренней силою, *à la sève vigoureuse*. Он признает, что они везде в Закавказье «захватили места, и предназначенные, казалось бы, скорее русским», и что они *создают себе в русских пределах новое отечество*, овладевая всеми большими предприятиями не совсем добросовестно, так сказать, снизу (*par les dessous*), как безжалостные ростовщики, темные дельцы, «христианские жидаы», которым русские завидуют по невозможности конкурировать с ними.

Глубоко верно определяет Моран роль эчмиадзинского патриархата, говоря, что даже те, «кто потерял веру в сверхъестественное» (т. е. *вся армянская интеллигенция*), почитают свою церковь, так как она – *учреждение национальное и сохраняет их национальное самосознание*. На нее переносят армяне то чувство, которое у других народов называется любовью к отечеству.

Сведения по географии, истории и литературе, почерпнутые Мораном, очевидно, у армянских политиканов страдают соответственной неточностью. Так, например, он говорит, что *Батум, Карс и Ардаган, с их территориями представляют собою исконно-армянския владения, и что грузины давно сидели, в сущности, также на армянских землях*.

Он клеветает на Императора Николая I, обещавшего, будто бы, дать армянам *автономию*, говорит, что при Александре II (во время всемогущества графа Лорис-Меликова?) армяне сильно рассчитывали на возрождение своего «царства», и рисует клеветническую, грубо неверную картину ве-

ликаго царствования Императора Александра III, высказывая при этом верную мысль, что *армянам особенно страшно и ненавистно Самодержавие*, централизующее и нивелирующее все части и все обособляющиеся элементы империи.

Он находит, что армяне могут возлагать патриотические надежды лишь на «либеральное правительство». Мысль верная и объясняющая, почему армяне, начиная с известного Каракозова, подобно евреям, так склонны участвовать во всякой смуте, клонящейся к поколебанию или изменению нашего государственного строя.

Моран говорит, что армяне *не могут не быть* в неограниченной монархии *элементом оппозиционным* и даже *опасными подданными*, *des sujets redoutables*, и с точки зрения политической, и в области народного хозяйства, как «христианский Израиль», – *un Israël chrétien*.

Названный писатель довольно сильно себе противоречит: в одном месте он говорить, что армяне желают лишь «гражданского равенства и религиозной свободы» (хотя, как это видно на Кавказе, они не только широко пользуются, но и безнаказанно злоупотребляют тем и другим), а в другом – признает, что «удача придала армянам гордости, энергии, страстности и силы; пока они были бедны и слабы, они склонялись перед своими властителями; *разбогатев, они думают о сопротивлении*; многих не удовлетворяет их положение. Психология нефтепромышленных тузов и банкиров этим определена весьма верно.

Говоря далее о коренном противоречии между армянскими тенденциями и русским государственным строем, называя армян опасными подданными, а церковь армянскую – национальным учреждением и даже «Ватиканом» (*Vatican arménien*), Моран заключает горячею апологией армян и *усиленно советует русскому правительству уступить их требованиям*, отказаться от «нечестной» (*déloyale*) политики и от доверия к «Новому Времени» и «Московским Ведомостям», измышляющим будто бы всякия небылицы про армянские «комплоты».

Стало быть, Россия *должна отказаться от основных принципов своего строя*, чтобы дать дорогу автономному «христианскому Израилю» до Воронежа, а то и дальше?! Что-ж, спасибо за добрый совет, который, вероятно, поддержат и кое-какие ревнителю «философского обновления русского строя»!..

Покуда же совет еще не принят, армянская программа продолжает неуклонно выполняться.

Ведя остальное население Закавказья к обеднению и, так сказать, *зоологическому недовольству*, армянские заправилы надеются превратить остальных туземцев в своих *кондотьеров*, которые пригодятся в случае неудачной для России войны. Весьма характерно, что армянским политикам особенно ненавистна всякая мера, всякое доброе слово в пользу или защиту других туземцев. Они нисколько не сердятся на тех русских, которые огульно бранят *«всех кавказцев»*: таким русским патриотам армяне готовы деньги платить, ибо огульные суждения, всегда несправедливые, особенно на руку армянской формуле «Кавказ для кавказцев». Основная черта их – *светобоязнь*, страх перед неподкупною гласностью, – и в этом они единодушны с ненадежными служилыми людьми, стоящими за условную «отчетную», а не жизненную правду. Особенно возмущают армянских политиков указания на то, что армянская гегемония губит остальные кавказские племена: они тогда кричат, что это *разжигание междуплеменной розни*; их возражения принимают форму «двухсторонних доносов», к которым так склонны армяне и евреи, – и все, что есть в краевой службе гнилого, продажного, заинтересованного в продолжении армянского господства, – поднимает уже с «цензурной» точки зрения голос против разоблачения безобразий, против добросовестного изображения действительности.

Колоссальные капиталы *в руках людей, политически замечтавшихся*, могут представить серьезную опасность не только в случае каких-либо осложнений, но и в обыкновенное время. Будучи плодом не упорного труда и вдохновенна-

го знания, а глупо-случайного или неправого стяжания, эти капиталы в невежественных, некультурных руках составляют *социальную опасность*, как *фактор подкупа и разврата*.

Так как в современном государстве отнимать этих богатств нельзя, кроме законных случаев конфискации за доказанный мятеж или крамолу, то, значит, *нужна продуманная экономическая политика*, нужна культурная борьба. Пора бы русской предприимчивости применить свои духовные и материальные силы к южной окраине нашей. Пора этой созидательной мысли лечь в основу нашей окраинной *государственной* программы. Важны и усиление полицейской стражи, и подъем служилого уровня русских кавказцев, но все это паллиативы, которые назревшего вопроса не разрешат.

Бредни армянских политиканов, вероятно, останутся бреднями, ибо никакие революционные авантюры не устоят перед штыком русского солдата. Но *неисчислим экономический и духовный вред*, наносимый армянскими вожаками на Кавказе и русскому народно-государственному делу, *и самому армянскому населению*. Эти вожаки ужасны, как растлеватели, как микробы социального разложения, как паразиты.

11. Народная масса.

Два слова теперь о народной массе этого племени. Лишь два слова, потому что психология этой темной толпы не сложна. Сквозь долго не сходявшее и доселе не сошедшее с ее духовной личности пятно стародавнего, многовекового рабства, *macula servitutis*, понемногу просвечивает нечто более человеческое. Мне приходилось в разных местностях Закавказья встречать армян-простолудинов и держать таковых на службе. Прекрасные, мирные, работающие и аккуратные люди. Однако, *все люди такого типа несочувственно относились к тифлисским говорунам-патриотам* и молили Господа только об одном: чтобы их избавили от искусственных задач и перипетий мнимо-культурного армянского обособле-

ния и дали бы им возможность мирно работать под сенью русской власти.

Есть, конечно, очень много полудиких, в турецком стиле, и коварных, в стиле европейском, простолюдинов-армян, но наличность указанных, далеко не единичных армян, духовно-облагороженных, прилежных и умных, говорит в пользу способности народа к культуре. Этому благоприятствуют и физические условия. Армяне – народ с широкими, крепкими челюстями, выносливый, живучий. Среди них крайне распространена неопрятность, аналогичная с еврейскою, – но просвещение может устранить и ее, и болезни, ею порождаемые. Большая часть армян – жители или выходцы плоскогорий, где не губительны ни зной, ни малярия: это важный фактор преуспевания, так как сравнительно здоровый климат непосредственно влияет на выработку уравновешенного характера, истинного рычага всякого прогресса. Нужно добавить, что смешанные браки армян с представителями других племен, особенно с грузинами, дают хорошее, духовно-улучшенное потомство. К сожалению, армянское обособление мешает теперь смешанным бракам.

Я придаю особое значение народному творчеству, потому что *в нем говорит народ сам о себе*.

Приведу характерную армянскую сказку, в которой отразился, насколько мне кажется, именно *средний духовный уровень* этого племени.

Жил был в одном селении бедняк Саркис, – по нашему Сергей. Он был так беден, а соседи его так скупы и жестокосерды, что когда у него родился сын, то никто из соседей не захотел стать ребенку крестным отцом, во избежание расходов на дом бедного человека. Пошел Саркис на дорогу, чтобы просить в кумовья первого встречного. Глядь, – на встречу бедный-бедный старик. Саркис не побрезгал, спросил его имя.

– Я Сурп-Саркис, святой Саркис, твой патрон, – отвечал тот, – и готов крестить твоего сына.

– Ступай своей дорогой, – закричал в порыве гнева Саркис, – хорош святой, хорош патрон, коли держишь меня в нищете. Можно признавать и чтить только таких святых, которые помогают, а не бездельничают. Вот Карапету его святой помог духан открыть и нажиться, а ты что? Пошел вон!

Вторым встречным оказался красивый юноша, открывший Саркису, что он Габриель, ангел смерти, и готов пойти в кумовья.

– Хорошо, – отвечал Саркис, – ты не разбираешь ни богатого, ни бедного и придешь когда-нибудь даже к пузатому богачу Карапету, по делу смерти, а потому иди ко мне в кумовья.

Габриель был сторонник равенства, и приятна ему показалась такая речь. После крестин он сказал Саркису.

– Я тебе дам источник богатства: сделаю тебя доктором. Будешь много лечить и всегда только наверняка. Как придешь к больному и увидишь, что я стою у него в ногах, да улыбаюсь, то берись за лечение, притворись, что готовишь какое-либо снадобье, – и достигнешь цели. Если же я с мрачным лицом стану в головах, то и не пробуй лечить: значить, дело пропащее. Но ставлю тебе условие: помни совесть и, по Божьему велению, помогай бедным.

Сказав это, Габриель, ангел смерти, исчез.

Две тысячи раз, да еще два раза видел Саркис ангела Габриеля в ногах у больных. Лечил и богател. И пошла о нем слава и в Ганже, и в Карабахе, и до Тавриза. Заболел один могущественный царь, призвал врачей всех стран: из Рума, из Самарканда, из Индии, из, Мавритании. Они стараются, дают лекарства, а царю все хуже. Тут царь сказал, собрав последние силы:

– Все врачи невежды, один армянский врач еще может помочь мне. Ни в каком царстве нельзя без армянина обойтись: они великий народ и хитроумный.

Приехал Саркис па царский зов: о, счастье! у ног царя стоит Габриель и улыбается. Саркис принял вид важный и задумчивый, решив показать не сразу свое искусство, при-

дать ему побольше цены. Он царю объявил, что вылечить его, но затем 7 дней и 7 ночей просидел в особой горнице, требуя хорошей пищи и всяких снадобий. Царь было уже и надежду потерял, когда, наконец, Саркис пришел, дал ему что-то выпить и мигом его вылечил. Царь осыпал Саркиса милостями величайшими, сделал его придворным врачом – и зажил Саркис, как независимый хан. Целыми днями переходил он от бекмеса к сладкому вину или прохладному мацону, в плове чуть не купался, перелезал с хорасанского ковра на текинский; а на счет удовольствий магометова рая он сказал в своей совести: «Вели я честный доктор моего властелина, то не могу осуждать его поведения, а должен следовать его примеру». И, когда властелин дарил Саркису невольницу, то было бы в некотором роде возмущением против властелина обходиться с ней неласково. Да и не пропадать же в самом деле добру: состарится, – никакой цены ей не будет.

Но вот, пришла к Саркису нищая старуха; нукер (слуга) ему об этом и докладывает, войдя в мягких туфлях, *чтобы не испугать*.

– Гони ее вон! Мало их шатается! – крикнул Саркис, и повернулся на другой бок, взяв горсть кишмишу в рот.

Опять приходит слуга.

– Господин мой, нищая говорит, что надеется на милость Саркис-хана, просит тебя совесть вспомнить, о бедных подумать.

– Вон! – воскликнул Саркис и рванулся так сильно, что из-под головы у него упала мутака на пол. Обернулся Саркис, – глядь, стоит ангел смерти Габриель у изголовья и мрачно смотрит.

Вспомнил Саркис прежде всего пословицу, которую отец велел ему запомнить, как заповедь: *«стой впереди лежащегося и позади кусающегося»*. Мигом перевернулся на тахте, так, чтобы Габриель оказался в ногах. Но Габриель, мрачный, как сардар, стоял за ним опять у изголовья. Еще быстрее перевернулся Саркис, – и опять то же самое.

– Что ты делаешь, – кричал Саркис, – ведь ты мне кум, мы родственники! Ты родственника убивать не можешь, это против снятого обычая! Против закона! Убивай посторонних, выбирай любого, я не возражу. Возьми всех моих больных, настоящих и будущих.

Но Габриель сказал:

– Я не шутить пришел!

Саркис взмолился, сложив большой палец с указательным:

– Ведь ты мне кум! Так исполни хоть предсмертную мою просьбу: дай мне не умирать, пока я не прочту молитвы «Отче наш». Ведь нельзя же умирать, не помолившись!

Кум согласился и даже поклялся исполнить просьбу.

Тогда Саркис, как-то странно ухмыляясь, стал читать молитву Господню.

– «Гхаир-мер-вор-геркинзес-сурп-иергхцы-анунко», – и остановился.

– Ну что же?

А Саркис начинал сызнава: «гхаир-мер-вор»...

Так продолжалось, пока Габриель не понял, что Саркис его надул.

И стал Габриель подстерегать Саркиса. Семь лет Саркис ни разу не дочитал до конца молитвы Господней и даже за обедней из церкви выходил, когда ее пели.

Но ангел смерти хитрее всякого человека, Поехал однажды Саркис с сыном путешествовать и увидел ночью на дороге мертвеца. Сжалился Саркис, хотя и богатый человек, и сказал сыну.

– Неужели ему тут остаться без молитвы и погребения?

И прочел молитву Господню. Тут мертвец оказался не только живым, но даже Габриелем. Саркис, как умный человек, понял, что делать нечего, и умер...

Сказка характерная и мудрая. Следует добавить, что она безусловно не оригинально-армянская, а позаимствованная у других народов. Характерны *детали*, в которых выра-

зился глубокий *материализм*, разъедающий, в сущности, все слои армянского народа. Это тот материализм, в силу которого один интеллигентный армянин, указывая на старого ветерана, плакавшего на панихиде по Царе-Миротворце, спросил в эпической простоте души:

– Зачем он плачет? Как будто у него из кармана деньги вытащили!

Сквозь теснины и мусор своекорыстия и лукавства пробивается, однако, из неведомых тайников души народной, *слово Божьей любви*. Расчистить путь для этой живой струйки, освободить ее от гнета искусственных преград, создаваемых своекорыстными руководителями армянского обособления, подать братскую руку народу, нравственный облик которого искалечен долгим рабством, но заслуживает возрождения и способен к нему, – вот русская гуманитарная задача, которая совпадает с задачей нашего государственно-народного дела в крае.

Между племенной самобытностью и паразитическим племенным эгоизмом – целая пропасть, и *действительно культурным* армянам пора это понять. Благоразумная племенная самобытность вполне совместима с лояльностью по отношению к России и усвоением высших даров ее культуры. Скажу больше: только отрешившись от узкого, своекорыстного обособления и несбыточных мечтаний, только раздвинув пределы своих понятий и чувствований, только зачерпнув из сокровищницы русского духа недостающие армянству религиозно-нравственные начала, – армяне могут поднять и спасти свою народность, стяжать ей доброе имя. Так как религия – единственный надежный источник идеализма, то армянам следует самим подумать о церковной реформе, об освобождении церкви св. Григория от задач политических и фискальных, о *догматическом* сближении ее с вселенским православием. Принадлежность к *великой* религии дает огромные преимущества нравственные и умственные. Например, армяно-католики, люди одной расы с армяно-григорианами, неизмеримо выше последних: умнее, нрав-

ственнее, менее нелюбимы соседями. Нужен армянам идеализм и в литературе, и в общественности. Некоторые поэты, как, например, Патканьян пробовали работать в этом направлении, но у них не хватило ни способностей, ни общественной поддержки; наконец, им мешал «зоологический патриотизм», подрывающий справедливость и туманящий правду. Армянам нужны смелые, самоотверженные сатирики, которые имели бы мужество сказать им *всю правду*. Если ее скажет русский человек, то цель достигается лишь в ничтожной мере: армянские политиканы сейчас же начинают кричать о «гонении на армянский народ», недобросовестные служилые люди и продажные публицисты вторят такому крику, опасаясь нелестных для них разоблачений, – и правда загоняется в темный угол.

Желательнее всего было бы сильное этическое течение в среде армянского молодого поколения, взрослого в довольстве и покое: оно могло бы оздоровить «армянскую идею», дать ей право на уважение со стороны других народов. Единичные интеллигентные молодые армяне, по-видимому, подумывают об этом, но еще разрознены, подавлены террором своих духовных и светских вожakov. Постепенное ослабление и затем упразднение такого террора зависит от русской власти в крае, *систематичной* работы ее. Одной из основ этой системы должно быть *открыто исповедуемое* и проводимое на практике предпочтение нравственных начал перед богатствами сомнительного происхождения. Когда армянская интеллигенция и народная масса увидят неподкупность служилых людей и отсутствие безнаказанности разбогатевших хищников, увидят *смелую честность*, как руководящее начало краевой политики, – то *начнется воспитание армянского народа*.

Покуда же, истинные друзья его должны быть не «друзьями-поноровщиками», а «друзьями-встречниками», т. е. казаться врагами и нести все тяжелые последствия такой внешности.

Пусть армянские патриоты (в истинном смысле слова!) подумают обо всем этом спокойно, без ложного самолюбия и страха перед своими непрошенными заправилками.

Пусть не отождествляют себя с армянским народом те смугляны и темные люди, которые не щадят его крови и позорят его имя; тщетно называют они и наемники их «мракобесием» безпристрастное изображение местной жизни.

Русское дело стоит выше упрёка и выше клеветы, когда оно ведет на высоте *истинной*, а не условной или поддельной человечности.

12. Реформа управления имуществами армяно-григорианской церкви и армянския безчинства.

12 июня опубликовано Высочайшее повеление о сосредоточении управления имуществами армяно-григорианской церкви в России в ведении правительственных учреждений и о передаче министерству народного просвещения тех средств и имуществ означенной церкви, которыми обезпечивалось существование бывших армяно-григорианских церковных училищ, подведомственных названному министерству с 1898 года.

Церковныя земли будут состоять в заведывании министерства земледелия и государственных имуществ, капиталы – в заведывании министра внутренних дел. Право собственности на недвижимыя имущества и капиталы остается за армяно-григорианскою церковью, и доходы будут употребляться на ея *настоящая*, законныя нужды, за вычетом расходов по управлению имуществами и по образованию вспомогательнаго капитала армяно-григорианской церкви.

Мера огромной важности, с точек зрения политической и религиозной. Внесение ясности, порядка и законности в распоряжение средствами во многих отношениях неблагоустроенной армяно-григорианской церкви, несомненно, устранить возможность употреблять церковныя деньги на дела, ничего общаго с церковью не имеющия, умерить полити-

чески характер армянской теократии и охладить многия мечтания, вредныя армянскому народу в духовном и иных отношениях. Это вопрос, давно назревший и долго тормозившийся, потому что армянские промышленно-политические дельцы находили сильную поддержку в кавказских и столичных влиятельных сферах. Эта поддержка, нелестная для русского имени, принимала порою столь резкия формы и в печати, и в жизни, и в официальных кругах, что ревнителям государственного порядка, несовместимаго с такими аномалиями, как политиканствующая теократия, порою казалось, что торжество здравых понятий едва ли достижимо.

Вопрос о передаче армянских церковных школ и их имуществ в ведение министерства народного просвещения был с самого начала, под влиянием тех же неблагоприятных воздействий, поставлен *ненормально и щекотливо*, так как споры об имуществе разрешались судебным порядком при весьма неблагоприятных для правительства условиях: на Кавказе низшая администрация состоит в кабале у армян, а высшая зачастую недостаточно осведомлена, чтобы бороться с этим злом; лже-свидетельство, подложные документы, лукавая уклончивость официальных актов, исходящих от церковных попечительств; удивительная сутяжническая изворотливость армянских дельцов, имеющих «руку» во всех решительно учреждениях края, — все это создавало крайне неблагоприятную обстановку для органов министерства народного просвещения в борьбе за интересы школы. На глазах у целого Тлфлиса армянские патриоты увозили, расхищали или продавали за безценок школьные имущества, а когда это не удавалось, то наглейшим образом начинали гражданские процессы, даже в тех случаях, когда не надеялись на их выигрыш.

Каждый случай проигрыша министерством народного просвещения процесса о школьном имуществе вызывал шум в местной армянствующей печати, причем местною странною цензурою, попутно, вообще пропускались дикия выходки против учебного ведомства; в обществе поднималась сенсация, и все местные элементы, не расположенные к России,

пользовались случаем, чтобы указывать на бессилие русской власти или на нецелесообразность ее мероприятий.

Эта вакханалия продолжалась пять лет, как будто для того, чтобы означенные противорусския чувства могли принести побольше плодов.

Теперь, слава Богу, этим безобразиям положен конец: вопрос об армянских церковных и школьных имуществах рассматривался в комитете министров, и Высочайшею волею стали проводиться в жизнь оздоровляющия меры. Они касаются, главным образом, Закавказья, Бессарабии, отчасти Крыма, Донской области и Астраханской губернии. К сожалению, действию новаго закона не подлежат армяно-григорианския церковныя имущества в обеих столицах, где группирующияся вокруг церквей армянския организации (по-армянски *«джогов»*) *озабочены далеко не одними только религиозными задачами.* Но, так или иначе, главное дело сделано.

В частности, эта законодательная мера является немалым идейным торжеством для пишущаго эти строки. В целом ряде статей с трудом проводимых, хотя бы в искаженном виде, через местную цензуру, во время редактирования мною газеты «Кавказ», и в июньской книге «Русскаго Вестника» за 1903 г., я старался, по мере сил, выяснить армянский церковный вопрос и указывал на необходимость *именно тех мер, которыя ныне признаны полезными и своевременными*, в силу чего они и стали законом. Один такой факт является высокою духовною наградой за неблагодарную работу выяснения государственных и народных интересов, не нравящагося инородческим организациям и их наемникам. Правдивое слово в этой области немедленно же вызывает клеветническия обвинения в мракобесии, расовой нетерпимости и т. д.

В данном случае не мешает лишний раз отметить, что новая мера, неприятная нефтепромышленным и иным армянским политикам, внушена прежде всего *заботой о духовных и гражданственных интересах армянскаго народа.* Этому народу важно, чтобы церковныя средства тратились

па церковь, школьные на школу, и притом тратились бы производительно, т. е., *чтобы народ получал просвещенных духовных и светских руководителей*, упрочивающих своим добрым влиянием «благоденственное и мирное житие». Это последнее Россия и дает всем своим народам, даже наперекор самозванным вожакам инородческих организаций. Как везде, и на южной азиатской окраине нашей, вмешательство русской власти служить делу духовного развития и свободы народной массы, заслуживающей попечения и сочувствия.

Благодетельная для народной массы мера эта послужила однако поводом для красноречивого подтверждения правильности почерпнутых мною из кавказской действительности и, так сказать, выстраданных взглядов на армянскую социально-политическую неблагонадежность.

Еще на Кавказе, не взирая на тяжкие препятствия и неприятности, приходилось мне говорить о том, что экономическое завоевание края организованною армянскою стачкой, дошедшей в своей наглости до *промышленно-политического террора*, неизбежно должно было привести к политическим осложнениям.

Многим, даже честным, искренно-русским людям, такой взгляд казался плодом пристрастия или личного раздражения, а приведенные обобщения – слишком односторонними и торопливыми. Теперь ряд последовавших событий наглядно оправдал те выводы, за которые своевременно приходилось платить слишком дорого.

Взрыв в одном из батумских фортов, разного рода уличные беспорядки, крушения поездов, учиненные злоумышленниками, усиление разбоев, – словом, целый ряд явлений, происходящих прямо или косвенно от указанного промышленно-политического террора, главари которого располагают огромными средствами, – все это заполнило за последние годы грязные страницы кавказской хроники, хотя *прямая связь* между этими явлениями и их первопричиною все еще официально не устанавливалась.

Затем пошли политические убийства (Джамгарова и др.), причем по армянскому многовековому историческому обычаю, политика тесно переплеталась с преступлениями против собственности. Банды полудиких турецких армян, составляющих *действующую армию армянского революционного жонда*, переходили наши плохо охраняемые азиатские границы и либо селились на землях, скупленных разными армянскими тузами у обнищавших грузинских князей и татарских агаларов, либо бродили по городам и весям Закавказья, пополняя собою ряды наемных убийц и всякого рода преступников.

Часть грузинского общества за истекшие несколько лет запуталась в армянскую интригу, конечною целью которой является возбуждение мятежа среди разоплеменного населения края и, в случае «удобных обстоятельств» (напр. вовлечения России в неудачную войну) – возрождение мифического армянского царства на развалинах русского владычества за Кавказом.

Конечно, это нелепая мечта; но не надо забывать, что вся история Армении, полная неожиданными изменами, проявлениями вероломства и человеконенавистничества, представляет то подпольное, то прорывающееся наружу служение этой мечте. В V веке, по упразднении армянского царства, духовенство с католиком Иосифом во главе, руководило возманием армян против персидского царя Иездигера и обратилось к своей пастве, со следующим характерным посланием: «Да поднимется рука брата на брата родного, ежели он отречется от заповеди Божией, и отец, *без сострадания* да пойдет на сына, и сын на отца; да не боится более жена поднять руку на мужа вероломного *и да возстанет слуга на господина*». Таков был уж тогда клерикальный террор тяготевший над более мирной частью народа, не всегда охотно принимающей участие в опасных затеях политиканствующего духовенства. Да и в сравнительно недавней истории края есть характерные факты, о которых писать и говорить можно будет к сожалению, только лет через 50.

Неосуществимость указанной мечты вряд ли требует доказательств, ибо народ, заслуживающий облечения в форму государства, *естественно* достигает этого. Внешние препятствия не столь важны, как внутренние. Государство требует политических, общественных и личных *добродетелей*, которыми армяне никогда не обладали. Как город, по меньшей мере, «на трех праведниках стоит», так и государство нуждается в достаточном контингенте духовно-высоких и самоотверженных людей и в том, чтобы народная масса была проникнута *государственным идеалом*, сознанием необходимости поступаться многими сторонами и радостями личной жизни для общего блага, не щадить для него ни материальных интересов, ни самой жизни. Для государства нужна определенная *территория*, с которою народ был бы связан и долгим временем, и высокими нравственными *традициями*; наконец, очень важным условием является склонность народа к созидательному, *непаразитическому труду*.

Армяне, у которых течет в жилах преимущественно семитическая кровь, не обладают в должной мере чертами государственного народа, к безкорыстному творчеству мало способны, и к спекуляции гораздо более склонны, чем к труду, не сопряженному с обьегориванием ближнего¹.

¹ Вот, что говорит об армянской интеллигенции, в № от 30 января 1898 г. газета «Мшак», единственная из армянских газет, бичующая иногда пороки и недостатки своих сородичей: «Целый ряд фактов доказывает, что ни один класс армянского общества так не ленив и не беззаботен, как его интеллигенция. Она боится тяжелого и добросовестного труда, боится серьезного отношения к делу.

Возьмем пример! Вот учитель без ценза, а потому лишенный права преподавания в армянских школах; ему предлагают подготовиться и держать экзамен на звание начального учителя — он от этого отказывается. А ведь он целые годы занимался педагогическою деятельностью, вед он побуждал своих учеников к прилежанию и труду,— и вдруг сам настолько ленив, что не хочет даже потрудиться, чтобы подготовиться к такому легкому экзамену. Далее. Вот армянская артистическая труппа, которая жалуется на холодность публики к армянскому театру; между тем, она все время подносит публике невозможные пьесы, артисты выходят на сцену, даже не разучивши

Вот почему они, подобно своим сородичам евреям, склонны прежде всего к торговле и всевозможным формам посредничества, не исключая самых преступных. При этом они, подобно прочим восточным народам вообще и семитам в особенности, в высшей степени тщеславны. В противоположность русскому национальному чувству, отличающемуся сильным элементом самокритики и совестливости, в противоположность также английской национальной гордости, предполагающей обязательность известных культурных добродетелей, – армянская племенная амбиция вытекает из низменного тщеславия, поддерживаемого экономическими успехами, которые достигнуты темными путями.

Многолетнее непонимание русскою администрацией своих задач в пестром Закавказье, многолетнее же отсутствие в крае *национально-русской финансовой политики* и, наконец, шальные нефтяные миллионы болезненно обострили армянское племенное тщеславие. Болотный огонек несбыточной мечты стал ярче манить к себе армян, причем само собою разумеется, что зарубежные враги России, англичане, американцы, германцы, французские массоны и всесветные

хорошо своих ролей, не говоря уж о каком-либо стремлении к усовершенствованию... Вот целая плеяда литературных работников, взявших на себя труд переводить с иностранных языков на армянский выдающиеся литературные произведения: и они отличаются халатным отношением к делу, переводят на скорою руку, очень часто даже без понимания смысла оригинала, дают обществу плохие переводы, полные корректурных ошибок.

У нас нет и не возникнет литературных или других тесно связанных умственными интересами кружков; *ни один научный или общественный вопрос не сосредоточивает на себе внимания интеллигенции*, которая общими силами стремилась бы к разрешению этих вопросов. А если даже последнее и встречается, *то все делается поверхностно, вкось и вкривь, полно одним фразерством...*»

Если прибавить к вышесказанному непреодолимое влечение к низкопробному политиканству и полное отсутствие благодарности за оказанные им Россией великодушное гостеприимство и иные благодеяния, мы получим образ «интеллигента» очень далекий от той «культуры» на которую громко претендуют армяне.

евреи стали подливать масла в этот огонь. Нефтепромышленные сирены в английских сюртуках и их юркие поверенные нашли в разных влиятельных центрах, зарубежных и русских, доступ к сердцам политических деятелей, бюрократов и кое-каких публицистов.

Степень продажности или безпринципности печати измеряется процентом засевавших в ней евреев, прямых или *переедетых*. Очевидно, он повсюду весьма велик, ибо заграничная печать почти повально принялась раздувать армянскую лягушку до размеров вола. Да и в русской печати, должно быть, дело неладно, коль скоро самые обоснованные разоблачения деятельности армянских плутократов, ростовщиков и политиканов вызывали дикую ярость, особенно со стороны так называемых либералов, которые, казалось бы, наоборот, *если они искренни*, должны сочувствовать всякой борьбе с мошенничеством и гнетущей эксплуатацией народного труда. Очевидно, у этих господь есть особый пункт политической программы, в силу которого они сочувствуют всякому противорусскому движению, всякой, даже ничтожной силе, дерзающей грозить русскому строю, порядку и спокойствию.

Армянская наступательная крикливость пришлась этим господам по душе и нашла в газетных евреях отголосок, как нечто родное. Эта крикливость, строго говоря, больше еврейской, если принять во внимание, что евреи сравнительно большой и духовно одаренный народ, доставивший миру не мало хлопот, по давший также и много выдающихся людей на разных поприщах умственной жизни. Обе народности сходны в том, что, при всей своей проницательности и духовной робости, склонны шуметь, зазнаваться и проявлять безчеловечную нетерпимость, когда только им покажется, что сила на их стороне.

Армянам, впрочем, немудрено зазнаваться не только потому, что они безпрепятственно опутали своими сетями значительную территорию, превосходящую размеры Франции, но уже и по тому одному, что они *пользуются всеми правами христиан, отличаясь всеми инстинктами евреев*. Закономерная

полноправность при таких условиях является *фактической привилегией* по сравнению с остальным населением Закавказья.

Много лет уже раздаются и в печати, и в правящих сферах авторитетные по своей осведомленности голоса, указывающее на ненормальность такого положения вещей. И всегда армянская организация, опирающаяся на денежную силу и все доступные ей средства искушения, находила влиятельных заступников, руководившихся то принципиальными, то менее почтенными побуждениями. Русская власть и русское общественное мнение на время снова усыплялись, и потихоньку продолжалась двойная работа: экономическое порабощение края и подготовка к борьбе с русским государственным началом.

Центральным органом армянского обособления, в течение многих веков являлась, и доселе является, как уже выше сказано, армянская *теократия*, представляющая собою *особую форму полускрытой государственности*. По внешности – это церковь, а по существу – прежде всего «*национальное*» учреждение, во многих случаях ставящее тайную политическую задачу выше религиозного призвания. Эта церковь, – конечно, не как храм Божий, а как собрание армян, объединенных общими задачами, – является зачастую то биржей, то местом для политических и иных совещаний. На Кавказе довольно распространено название Эчмиадзина, «экспедицией заготовления государственных бумаг».

Церковная организация, совпадая с политической, не чужда, вследствие этого, и всех темных сторон этой последней, противоречащих религиозно-нравственным началам и государственному порядку. И в любой из армянских епархий, и в самом Эчмиадзине нередко играют решающую роль светские люди, держание в руках либо нити политической интриги, либо ключ от туго набитого денежного ящика. Бывший тифлисский городской голова Кеворк Евангулян, называвшийся по-русски Евангуловым, имел, например, значительное влияние на эчмиадзинские дела¹, также как и издатель запрещенной ныне газеты

¹ Это констатируется армянскою же газетою «Мшак», (№ 116, 1897 г.),

«Ардзаганк», некий Абгар Иоаннисиани, и как московский адвокат Грикур Джаншиев, мнимо-либеральный мнимо-русский публицист. Хитрый горбун Арцруни, бывший издатель тифлисской газеты «Мшак», при последних выборах католикоса едва не посадил на эчмиадзинский престол своего ставленника; существует даже предположение, что он сам надеялся попасть в католикосы, также, как и упомянутый Евангулян. В настоящее время любой крупный нефтепромышленник или банкир, вроде Манташева или Цатурова, вмешивается в дела своей церкви и, по временам, говорит Эчмиадзину тоном диктатора.

Изложенное необходимо иметь в виду при оценке ярких событий последнего времени, наглядно свидетельствующих о том, что в армянской церкви преобладает *политический* элемент и что в армянских безчинствах виновно не одно только духовенство, так как они являются делом *организации*, охватывающей все слои народа, под верховным руководством Эчмиадзина.

Напомню вкратце главнейшие из преждевременных вспышек давно подготавливавшегося армянского мятежа. 13 августа 1903 года, в 7 часов вечера в г. Александрополе убить на

которая говорит, что *«он, более десяти лет играл роль ближайшего советника по делам Эчмиадзинского монастыря, и все то, хорошее или дурное, что совершенно там за это время, сделано по его совету, чего не скрывают даже и его друзья. Остается только его друзьям показать нам: сколько хорошего и сколько дурного сделано им там»*? Продолжая характеристику того же почтенного деятеля, газета говорит: *«он известен как враг не только солидарности народов, но и как враг армян не-григорианского вероисповедания. Несмотря на свое высшее образование, он всегда пропагандировал: «Нет спасения вне армяно-григорианской церкви»*. Его девизом всегда было: *«Цель оправдывает средства»*, и надо сознаться, что он с большим успехом проводил в жизнь эту иезуитскую идею. *Он никогда не питал никакого уважения к общественному мнению, не признавал права контроля в общественных учреждениях»*.

Эту последнюю особенность своего мирозерцания г. Евангулов наглядно проявил во время своей диктатуры в тифлисской городской думе.

улице кинжалом православный протоиерей Василев, на которого армянский революционный комитет негодовал за обращение трех армянских селений в православие. По весьма распространенному на Кавказе обычаю, убийца скрылся безследно. Незадолго до того, наемные убийцы турецких армян закололи кинжалами на одной из станции эриванской железной дороги жителя селения Шагриар эчмиадзинского уезда, Степана Дрампова, подозревавшегося в том, что он выдал двух главных организаторов сбора денег на армянские национальные цели; подозрение неосновательное, ибо действительно главные организаторы дела не то что ходят, а катаются на свободе в дорогих экипажах, пользуются поддержкою среди кавказской и столичной бюрократии, носят почетные звания и для контролирующей власти покуда недостижимы.

Роль именно турецких армян, достойных питомцев турецкой «школы» и по происхождению полу-курдов, резко выдвигается, как в указанных, так и во множестве других преступлений; по сведениям прокурорского надзора, как сообщает эриванский корреспондент «Новаго Времени» г. Григорьев, 80% всех совершаемых армянами преступлений совершаются именно турецкими армянами, пополняющими обширный контингент наемных убийц и являющимися предложением для сбора более или менее принудительных пожертвований на пресловутые «национальные цели».

О единичных убийствах и случаях наглого вымогательства денег, сведения далеко не всегда попадают в печать, так как замешанными оказываются (как, например, в джамгаровском деле) «интеллигентные» сыновья армян весьма зажиточных и обладающих связями в разных учреждениях края. Несомненно однако, что над всем Закавказьем тяготеет гнетущая атмосфера *политического шантажа*, и это чувствует каждый мало-мальски внимательный обыватель¹.

¹ Сам покойный В. Л. Величко подвергался и во время редактирования им газеты «Кавказ», и потом до последних дней своей жизни, самым разнообразным проявлениям этого шантажа, начиная с анонимных писем, то угрожаю-

Долго таившийся социально-политический недуг принял за последнее время столь рельефные формы, что даже кавказской печати мудрено было о них умолчать. Произошло это по поводу Высочайшего повеления 12 июня 1903 года о передаче армянских церковных имуществ в ведение гражданских властей. Выше была подробно выяснена глубокая целесообразность этой правительственной меры, встретившей сильную оппозицию в некоторых из наших влиятельных сфер. Здесь достаточно вкратце повторить, что это мера не противорелигиозная, не противоцерковная, а именно наоборот, так как она является одним из необходимых целебных средств для армянской церкви, помогая этой последней выполнять свою высокую христианскую задачу без отклонения в сторону политических авантюр и непохвальных гешефтов. Это прекрасно понимают те немногие разрозненные и робкие *истинные* армянские патриоты, которым политический террор теперь зажимает рот. Это поймет и армянская народная масса, когда мало-мальски освободится от гипноза своих самозванных вожаков.

Противники этой меры напрасно полагали, что она, *сама по себе*, могла вызвать неудовольствие армянской народной массы. Конечно, немалую роль здесь играет степень *умелости* властей, ее осуществляющих; надо дать понять народу, что средства армянской церкви останутся неприкосновенными и лишь ограждаются от употребления на цели, не имеющие ничего общего с религией. Несомненно, что политические вожаки армян силились доказать народной массе именно противное и преуспели в своем стремлении лишь потому, что противорусская организация армянского населения сильно подвинулась вперед. Последовавшие затем беспорядки, о которых подробнее будет сказано ниже, явились весьма ценным *реактивом*, показателем того, что *готовилось*, назревало и *неминуемо вспыхнуло бы* при более неблагоприят-

щих, то истерически-ругательных, и кончая изумительными по своему разнообразию попытками иных шантажных воздействий. *Изд.*

ных для русского дела обстоятельствах. Можно только радоваться тому, что неизбежное случилось преждевременно и *армянская политическая интрига открыла свои карты* прежде, чем успела достигнуть более внушительных размеров.

Наглядные признаки тайной армянской организации проявлялись и независимо от таких внешних и случайных поводов, как указанная мера; это доказывается и упомянутыми выше политическими убийствами и другими характерными фактами. Так, например, в Артвинском округе захвачена шайка армян, которою предводительствовал студент Штуттгартского политехникума Абрамян; у этих патриотов найдено знамя с надписью «смерть или свобода», ружья, динамит, разрывные бомбы и т. д.; *члены шайки до того проживали в разных городах Закавказья*. Шайка направлялась якобы в Турцию, но вряд ли можно сомневаться в том, что она была склонна «поработать» и в русских пределах. К тому же, она далеко не единичное явление: 29 августа 1903 г. в Карсе, в глухом переулке, близ казарм Кубинского полка, в квартире некоего Таноева, американский подданный армянин Джон Нахикьян занимался снаряжением ручных гранат; очевидно, этот патриот и его сподвижники готовились не воевать с курдами, а протестовать посредством динамита и иных взрывчатых веществ против Высочайшего повеления 12 июня. Провидение само наказало этих злодеев: произошел взрыв, от которого они погибли.

Затем из разных местностей Закавказья появляются сведения о вспышках армянского мятежа. В Эривани, Эчмиадзине и окрестных селениях поднялся шум невообразимый. Целые толпы отправлялись к католикосу, требуя, чтобы он протестовал против закона, хотя духовенство признавалось, что в этом требовании не было надобности, ибо *сигнал к неповиновению закону исходил от самого эчмиадзинского патриарха*.

29 августа в Елисаветполе, на окраине города, возле армянской церкви, *по звону колокола* собралось несколько тысяч армян, которые оттеснили полицию и земскую стражу, отвечая градом камней и револьверными выстрелами на тре-

бование разойтись. Подоспевшие на место беспорядков войска вынуждены были действовать огнестрельным оружием, после чего толпа разбежалась, оставив на месте 7 убитых и 27 раненых.

Это событие нашло крайне резкий отголосок в самой столице Закавказья, где сосредоточены и главный местный правительственные учреждения и масса войск. Наглость была проявлена необычайная. По словам правительственного сообщения, 31 августа, в Тифлисе, после литургии в армянском соборе, духовенством в церковной ограде, при двухтысячной толпе, была отслужена панихида по 7 лицам, убитым в Елисаветполе, во время совершенных местными армянами беспорядков. После панихиды, *священник Тер-Арапатов провозгласил проклятие* («Новое Время» основательно спрашивает: «Кому?!») *за отобрание церковных имуществ. При этом разбрасывались революционные воззвания, толпа шумела, бросала камнями и произвела около 40 выстрелов в чинов полиции.* На место беспорядков были вызваны казаки, которые и рассеяли толпу, арестовав 4 зачинщиков и в том числе священника Тер-Арапатова.

2 сентября 1903 г. такой же мятеж вспыхнул в Карсе, по поводу приема в казенное управление имуществ армянских церквей Сурп-Нишан и Святой Богородицы. Опять-таки *по колокольному звону*, как описывает «Кавказ», *сбежалась большая толпа армян и расположилась вокруг церкви Сурп-Нишан, а также на крышах и внутри соседних домов.* На требование полиции и полицейской стражи разойтись толпа ответила градом камней и выстрелами и оттеснила их. Вскоре к церкви прибыли резерв стражи с начальником округа и две сотни Ейского казачьего полка. Все увеличивавшаяся толпа встретила и их камнями и выстрелами. Так как требование разойтись не было исполнено, то стража вынуждена была сделать несколько одиночных выстрелов, после чего ею, совместно с казаками, площадь и дома были очищены от толпы. Войскам пришлось также разгонять толпу армян и от

церкви Святой Богородицы, причем арестовано 77 армян, в том числе два священника.

Еще более организованное и ожесточенное сопротивление оказали бакинцы, очевидно, привыкшие более признавать власть своих нефтяных королей, чем русского правительства. Согласно описанию того же «Кавказа», 2 сентября в городе Баку, около 5 часов вечера, *по звону колокола*, в ограде местного армянского собора собралась значительная толпа армян. На предложение полиции разойтись толпа ответила градом камней и стрельбой из револьверов; *стреляли даже из окон самой церкви*, вследствие чего были вызваны две сотни казаков и полурота сальянского пехотного резервного полка. Войска были встречены также камнями и револьверными выстрелами, причем толпа укрылась за каменной церковной оградой и в самой церкви; вследствие этого полурота открыла огонь, и толпа, убирая убитых и раненых, скрылась в соборе, который и был оцеплен войсками. Из мятежников было арестовано 45 человек, остальные разбежались. *Отобрано и найдено много оружия, причем даже в самом соборе и его алтаре оказались оставленными револьверы, патроны и стрелянные гильзы.*

В Шуше, издавна славившейся политическим брожением и необычайно наглостью местного армянского элемента, сверху до низу, 12 сентября, во время приема церковных имуществ в ведение казны, толпа армян также подняла невообразимый шум и с угрозами отправилась к квартире губернатора; войскам пришлось вступить с нею в сражение, не обошедшееся без убитых и раненных. В Шуше духовенство при этом не выдвигалось вперед. Во многих других пунктах передача церковных имуществ происходила столь же неблагоприятно. Политические убийства продолжались. В Карсе 9 сентября убит наемными турецкими армянами турок Шариф Лачинбеков, подозревавшийся в нелюбви к армянам и в сообщении о них сведений турецким властям. Убийство произошло в двух шагах от губернаторской канцелярии, причем собравшаяся туда толпа армян помогла скрыться убийце,

кстати, ранившему и городского. Потом все эти лавочники и приказчики отзывались полным неведением о происшедшем. Армянство стоит сплошною стеной, покрывая какие угодно ужасы, и даже хвастая некоторыми подробностями преступлений; так, например, громко говорят, что за убийство протоиерея православного собора Василова убийцы получили 25,000 рублей. Ясно, какую роль играют, в таких делах армянские денежные тузы.

13 сентября, среди бела дня, в Эчмиадзине турецкими армянами, очевидно по приказанию их повелителей, убит на базарной площади некий Потоянц, виновный в том, что был в числе понятых во время передачи церковных имуществ в казну и подписал протокол, вопреки угрозам революционного комитета. Это *одно из многих* политических убийств в данном районе. *Население терроризовано*, особенно тем, что убийцы и их повелители остаются неоткрытыми и безнаказанными. Характерно, что *эчмиадзинский монастырь* содержит и прикармливает сотни турецких армян, людей разбойничьего вида и образа жизни.

Во всех описанных выше вспышках армянского мятежа бросается в глаза ряд характерных фактов. Во-первых, у армянской толпы, которую обыкновенно считают мирною и робкою, и которая, действительно, от природы труслива, — оказалось *много оружия*; стало быть, существовали давно заготовленные *склады оружия*, свидетельствующие о существовании организации, готовившейся к определенным поступкам. Во-вторых, к месту беспорядков мятежные армяне были призваны *колокольным звоном* и пришли с оружием в руках, причем в Карсе и Баку заняли своего рода стратегические позиции; стало быть, все было заранее подготовлено. В-третьих, церковь, призывающая колокольным звоном не на молитву, а на резню, церковь, алтарь которой попоран орудиями истребления, является *не домом молитвы, а очагом зверства и притоном мятежа* против законной власти, действующей в духовных интересах этой же самой церкви.

Наконец, 14 октября 1903 г., среди бела дня, на выезде из Тифлиса, близ Ботанического сада, на главном начальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта князя Голицына, возвращавшегося в экипаже с супругой из загородной прогулки, напали трое негодяев, нанесшие князю несколько кинжальных ран в голову, лицо и руку и пытавшиеся вытащить начальника края из коляски. Князь храбро отбивался палкой и парировал несколько опасных ударов. Казак Сиплиненко мужественно вступил в борьбу с нападавшими, был ранен; на помощь подоспели чины земской стражи, а затем казаки. Головорезы бежали по ущелью, отстреливаясь; один из них был убит наповал, а два другие смертельно ранены и умерли в тот же день.

По полученным тогда же из Тифлиса сведениям виновники дерзкого покушения на жизнь представителя Державной власти на Кавказе оказались принадлежащими к *низшим классам армянского населения*. Вопрос о *нравственных виновниках* преступления, его мотивах и даже полной обстановке так и остался невыясненным. Часть нашей печати, вдобавок, проявила либо неосведомленность, либо, в лице печати еврействующей, уже прямо *стремление выгораживать из этого темного дела армянскую интригу, сворачивая его всецело на кавказских разбойников*. В глазах людей, знающих Кавказ, в таком толковании содержится несомненная натяжка. Впоследствии выяснилось, что убийцы *не русско-подданные армяне, принадлежащие к армянской террористической шайке*. Полезно было бы узнать, какие *с виду мирные* армяне участвуют в ней деньгами, или иным способом...

Вообще *более чем пора* серьезно вникнуть в роль, которую играют в преступлениях, разбоях, мятежах и прочих язвах кавказской жизни, влияние и многомиллионные состояния некоторых богачей, с темным прошлым и более чем туманным, настоящим. Добросовестное и проникновенное изучение этого *коренного* для Кавказа вопроса, дало бы правительству ключ к очень многим таинственным дверям, за

которыми творятся недобрые, пагубные для спокойствия края дела.

После всего сказанного не ясно ли, что закон 12 июня явился мерою более, чем *необходимою*, т. е. скорее запоздалою, чем преждевременною?

С этой точки зрения, каждый пропущенный год, каждый пропущенный день был чреват печальными осложнениями, потому что армянская революционная организация разрасталась вглубь и ширь. Если бы ей вовремя была поставлена преграда, то не было бы многих лишних и, в основе, жалких жертв недомыслия, революционного гипноза и слепого фанатизма. Так или иначе, жаль этих дикарей, потому что не будь они завлечены своими бездушными вожаками, — они были бы хоть не особенно полезными, но все же мирными русскими подданными.

В государственной политике, когда она имеет дело с большими народными массами, *нет ничего более жестокого, как кротость или полумеры* по отношению к вожакам, ведущим толпу на путь мятежа. Если бы несколько лет тому назад твердою, властною рукой был изъят из обращения десятков-другой доселе благополучных привилегированных армянских политиканов, — теперь войскам не пришлось бы стрелять. *Ловить и наказывать мелких агитаторов, оставляя в стороне главных воротил, — значит пытаться вычерпать реку ведрами.* Всякое мало-мальски серьезное явление, прозядающее бедою, надо перехватывать у самого *истока*: иначе выходит нецелесообразно с точки зрения государственного порядка и, в результате, жестоко по отношению к народной толпе, платящей кровью за безумие, которое в ней нарастает под впечатлением несвоевременно-мягкого отношения власти к коренным виновникам анархических явлений.

Сказанное сугубо применимо именно к восточным народам. Восток покоряется только *грозной* силе, справедливой, но непременно грозной. Кротость, порожденную высшими гуманными побуждениями, он считает слабостью.

Особенно армянин, как народный тип, *не понимает великодушия*, потому что сам к нему решительно неспособен.

В одной из своих передовых статей, «Новое Время» говорит, между прочим, по поводу неслыханной наглости мятежного священника Тер-Араратова: «Если некоторым армянским священникам улыбается роль польских ксендзов 1863 г., то разве только их невежество по части русской истории позволяет им не знать дальнейшей судьбы тех, кому Муравьев-Виленский говорил, что при доказанности вины их *«не спасет даже и ряса»*...

Аналогия верно подмечена: она напрашивается сама собою, с тою разницей, что католические ксендзы, даже во времена возстания, не утратили искры Божией и не забывали, что они христиане. Большинство же армянского духовенства почти ничего общего не имеет с настоящим христианством.

К какому выводу можно прийти по поводу вышеуказанных прискорбных событий?

Во-первых, как они ни прискорбны, — хорошо, что они произошли раньше, чем армянская революционная организация разрослась бы втихомолку до более крупных размеров.

Во-вторых, обстановка беспорядков и, в частности, наличность значительного количества оружия, свидетельствует о том, что организация охватила *все слои* армянского племени, а не ограничивается одним лишь духовенством.

В-третьих, *вопрос не исчерпан*, с армянским мятежом дело не покончено. Мы видели только преждевременно распутившиеся цветочки, а ядовитые ягодки еще впереди. Русскому правительству следует вспомнить слова хорошо осведомленного армянофила Пьера Морана, назвавшего армян *опасными подданными*, Если они покуда, до удобного для них случая, будут воздерживаться от вспышек с оружием в руках, то их *подпольная растлевающая деятельность неминуемо усилится. Надо беречь от них наши учебные заведения*. Не подлежит сомнению, что армянские агитаторы будут стараться вовлечь нашу учащуюся молодежь в беспорядки, подобно всегда нашептывающим евреям. Логика этих агита-

торов будет хромать, так как, вступаясь перед противощерковною «либеральною» молодежью за свою церковь, они вынуждены будут напирать на светскую, *политическую* сторону армянской теократии, т. е. выдадут ее скрываемую ныне *истинную сущность*. Армянская организация, опутавшая Закавказье и свившая гнезда в обеих столицах наших, будет работать вдвое усиленное, – растлевать одних, усыплять других и волновать третьих. А когда настанет «час», – мало ли, что может произойти! Ведь не остановились же армянские революционеры перед вооруженным захватом оттоманского банка и бросанием бомб с его крыши! И это в Турции, где коренное население не шутит!..

Конечно, все это можно и должно в значительной мере предотвратить. Для этого необходимы *органические*, постоянные меры в крае, нужно помешать сбивой с толку армянской интеллигенции *завнаваться*. Надо немножко знания дела и твердости.

Преждевременным «показыванием карт» армянская интрига себе повредила, указав на необходимость радикального оздоровления кавказской жизни. Несомненно, что нужна была большая доза самомнения и заносчивости, чтобы совершить подобную ошибку и выдать себя; это могло произойти не иначе, как на почве долгого неуважения к русской власти и государственным законам.

Католикос *привык* безнаказанно не исполнять распоряжений правительства; армянские богачи, похитители казенных земель, поставщики недоброкачественных продуктов казенным учреждениям, контрабандисты и руководители темных банковских предприятий, привыкли к безответственности перед административными и судебными учреждениями; армянские политики привыкли открыто проявлять свою наглость, под прикрытием связей в местных и столичных учреждениях; всего несколько лет тому назад один армянский агитатор, скомпрометированный в деле похищения важного государственного документа, который он имел наглость целиком напечатать «Times» и в армянской газете

«Аравелк», издающейся в Турции, нашел влиятельных заступников и оказался *почти безнаказанным*¹; армянская и армянствующая печать много лет пользовалась потворством и проявляла разнузданность, пресекавшуюся неумело, и притом большею частью уже *после того, как был нанесен весь политический вред*, который местная цензура могла и должна была предотвратить. За последние несколько десятилетий закавказская жизнь представляет собою *целое море всяческой безнаказанности*, т. е. в итоге *политической и правовой беспринципности*.

Чем раньше проявились острые результаты такого безпорядка вещей, тем лучше, и тем больше чести государственным людям, взявшим на себя почин мероприятий, которые дали столь яркий реактив.

Наглость армянских крамольников объясняется также и беспринципностью некоторых петербургских сфер вообще и, в частности, нелепым толкованием обстоятельств, при которых была проведена реформа управления армянскими церковными имуществами. Любой лавочник в Тифлисе, Эривани или Шуше без запинки рассказывает *подробности прений* по данному вопросу, происходивших в соответственных государственных учреждениях, причем открыто и многозначительно приводятся имена тех лиц, на моральную поддержку которых армянские крамольники считают себя вправе рассчитывать. Причины и последствия такого возмутительного факта, а также его интимную подкладку мудрено выяснять в печати, но умолчать о нем было бы непатриотично, да и негуманно по отношению к самим армянам, которые могут дорого поплатиться за свое заблуждение.

Ведь они уверены, что у них найдутся в столице влиятельные покровители, могущие достигнуть *даже отмены* того, что сделано, по Высочайшей воле, неспособной к самопротиворечию. В таком нелепом заблуждении их укрепляют

¹ Ему просто предложили жить в Москве, вместо Петербурга, куда он, впрочем, совершенно безпрепятственно весьма часто приезжает.

распространяемая в крае (и, вероятно вымышленная) цитата из упомянутых прений, якобы косвенно рекомендующая противиться до последней крайности Высочайшей воле. Это уже прямо какой-то психоз зазнавшихся восточных людей, — и ясно, что лучшим лекарством против такого опасного недуга может служить только честная твердость со стороны исполнителей предначертаний Государя Императора.

Вряд ли есть повод сомневаться в наличии такой твердости у главных руководителей этого дела, столичных и кавказских. Но, помимо этого, необходимо обратить внимание на восточную психологию и на то, чтобы второстепенные местные органы, сообразуясь с этою последнею, действовали *по строго выработанной программе, неуклонно и систематично*. Между тем, по этой части замечается некоторый изъян, нелестный для второстепенных органов кавказской администрации, непосредственно соприкасающихся с делом.

Строго говоря, упомянутая выше реформа не должна была удивить ни наши правящие сферы, ни самих армян. В 90-х годах покойный ген.-адъютант С. А. Шереметев лично говорил мне о целом ряде серьезных данных, побуждающих к ней, и лишь выражал неуверенность в достаточной чуткости и безпристрастии тогдашних петербургских влиятельных кругов. Очевидно, следы упомянутых данных должны существовать и в кавказских, и в Центральных столичных учреждениях.

Сами армяне, как простые, так и интеллигентные, были крайне недовольны своими церковными порядками. Между священниками и паствою происходили постоянные пререкания на почве экономической. В армянских газетах «Мшак» и «Нор-Дар», во время моего пребывания в Тифлисе, страницы пестрели резкими обличениями против лиц, духовных и светских, управлявших имуществами армянской церкви¹. Этих

¹ «Мшак» 23-го января 1898 г., по поводу слуха о краже из эчмиадзинской кассы 200.000 рублей, говорит, между прочим, следующее:

заправил нередко *печатно* называли ворами, без всяких смягчений, но приводя тому убийственно-красноречивые фактические основания.

Вот некоторые факты, сохранившиеся в моей памяти, конечно, лишь в общих чертах. Гандзасарское и Хотаванское имения, Елисаветпольской губернии, составляющая площадь около *90,000 десятин земли* и управлявшаяся монахами, приносили в общей сложности доходу армянской церкви *менее 50 рублей в год*, – не за десятину, а всего! Находившееся под непосредственным надзором самого католикоса огромное Марцское имение в уездах Борчалинском и Казахском, с богатыми вековыми сосновыми лесами, прудами и пастбищами, размером чуть ли не до *200,000 десятин*, приносило доходу *от 1-ой до 3-х тысяч рублей*. В пользовании этим имением, кроме армянской церкви, являлись еще соучастниками несколько частных лиц, открыто сетовавших на хищническое обращение с этими огромными богатствами, расположенными близ станции Санаин, Карской железной дороги. Столь

«Настоящий случай крупной кражи денег дает нам повод повторить по адресу эчмиадзинского монастыря ту элементарную истину, *что надо дать обществу отчет о денежных делах этого религиозного центра армян*. Несмотря на наши неоднократные напоминания об этой очень простой истине, к сожалению все наши жалобы оставались «гласом вопиющего в пустыне. Главною причиною возникновения неблагоприятных слухов является сам Эчмиадзин, *так как он до сих пор не научился вести по правильной системе свои денежные дела, не научился охранять монастырские деньги от случайных приключений, не научился давать обществу подробный и верный отчет о том, сколько у него прихода, сколько расхода и сколько остается в кассе*. Делая все это тайно, Эчмиадзин этим дает повод к возникновению неприятных, в роде вышеупомянутого, слухов; он прямо вредит себе еще тем, что заставляет общество думать, будто он обладает несметными богатствами, *которые грабят со всех сторон*, почему и не находят нужным представить обществу отчет. Наилучшим способом опровержения таких слухов, а также регулирования денежных ДЕЛ Монастыря является привести в систему всех денежных дел и представление точного и подробного отчета по всем делам. Эту элементарную истину мы принуждены повторить еще раз, *хотя армянское духовенство и слышать не хочет об этом*».

же варварски управлялось имение Чарекаванк, в Елисаветпольской губернии. Доходило до того, что, по словам местных представителей министерства финансов, на некоторых консисториях (напр., карабахской), накопились значительная суммы казенной недоимки, а смета Эчмиадзинского монастыря часто заканчивалась дефицитами свыше 100,000 рублей в год.

Ясно, что армянская печать была совершенно права, открыто говоря о воровстве, а также не подлежит сомнению, что этот термин очень понятен практичным армянам всех слоев общества, весьма сведущим в денежных делах. Население не могло сочувствовать расхищению церковного достояния.

Между тем, на практике, при объявлении закона 12-го июня, эта удобная почва была мало использована местными органами, фактически осуществлявшими правительственное распоряжение. Во-первых, армянскому народу даже не объяснили надлежащим образом, *в чем заключается* новое мероприятие: не нашлось надежного лица, которое бы популярно, толково и убедительно, изложило по-армянски сущность и основания реформ, хотя казалось бы, такое лицо должно было найтись, хотя бы среди чинов местного цензурного комитета. Во-вторых, резкое сопротивление со стороны католикоса и его клеветов придало приему армянских имуществ в казенное управление внешний вид, совершенно не соответствующий истинному смыслу этого оздоровляющего акта. Здесь необходимо отметить, что жители казахского уезда, как мне пишут из Делижана, обратили внимание на *сплошную рубку в огромных лесах Агарцинского монастыря, учиненную перед самою сдачей этого имения в казенное управление*; характерно, что Агарцинским имением заведовал *сам католикос*. Выходит действие... *in fraudem rei publicae*. Наконец, увы! приходится признать, что некоторые из второстепенных местных представителей власти, напр. в Эриванской губернии, выполняли свои обязанности по применению нового закона, — *выражаясь очень мягко*, — без

должного к нему сочувствия. Эти люди, популярные в среде армянских политиканствующих плутократов, дорожили прежде всего своими хорошими отношениями с противорусскою средою и косвенно могли подать сами повод к неправильным толкованиям меры, не имеющей ничего общего с религиозной нетерпимостью или недоброжелательством к армянскому народу, *истинные* интересы которого правительством *дальновидно* ограждаются...

Армянские агитаторы, с духовенством во главе, распространили, посредством печатных прокламаций и устных «проповедей», нелепую басню, будто бы правительство желает *отнять* у церкви св. Григория ея собственность и насильно обратить армян в православие. То, что священник Тер-Арапатов еще не понес *наглядной и поучительной* кары за свою неслыханную мятежную дерзость¹, окрылило такую же дерзость армянских политиканов, к речам которых народная масса еще больше стала прислушиваться. Многие тифлисцы себя спрашивают, каким образом хотя бы прокурорский надзор, *вопреки уложению о наказаниях*, не обратил внимания на преступление Тер-Арапатова, за которое серьезно поплатился бы обыватель любой местности России, да и всякого другого государства?! Можно с уверенностью сказать, что шансы на покушение против князя Голицына значительно уменьшились бы, если бы за упомянутыми вспышками армянской крамолы своевременно последовала строгая репрессия. На Востоке нет ничего вреднее полумер, особенно в минуты народного волнения: полумеры увеличивают наглость, предприимчивость и авторитет вожаков всякого подобного движения.

Весьма характерно, что после злодейского покушения на жизнь главноначальствующаго, все общественные учреж-

¹ По недавним сведениям, Тер-Арапатов был «сослан» в Кутаис (!), где благополучно волновал более воспламенительные местные элементы уверениями, что его святейшество католикос, не позволит русскому правительству его тронуть.

дения и племенные группы края выразили кн. Голицыну, как человеку и представителю русской власти, лояльные чувства посредством адресов, молебствий и т. д. *Исключение составляют одни армяне*, – и можно подумать, что все слои этого зазнававшегося народа солидарны с убийцами.

На деле это, конечно, не так и вопрос сводится к тому, чтобы, с одной стороны, подорвать авторитет самозванных опекунов армянского племени, а с другой – разрушить упомянутую выше басню о посягательстве на армянскую религию. И то, и другое, разумеется, достижимо, особенно, если Петербург, в лице безпринципных своих элементов, не примется парализовать работу властей, стремящихся упорядочить давно запущенные кавказские дела.

На таких безпринципных петербуржцев доселе крепко надеются армянские политиканы. Мне пишут из Тифлиса, что их надежда за последнее время растет, так как они уже дали инструкции «своим людям» для столичных салонов. Приедет сюда какой-нибудь мнимо-грузинский князь или просто посторонний путешественник, и станет говорить что-нибудь, вроде нижеследующего:

– «Мое дело сторона, я не армянин и армян не люблю, но помилуйте! Благотворительная в принципе реформа проведена *несвоевременно*, это *безтактно* и небезопасно, тем более, что народ считает и всегда (!) будет считать это посягательством на свою религию! И католикос ужасно огорчен! Этот добрый старик, преданный России, вынужден (!) противиться новому закону, хотя сердце его полно лояльнейшими чувствами. *Лучше всего бы дать ему возможность объясниться...*» и т.д., и т.д. Все народности Кавказа придают огромное значение поездкам своих представителей в Петербург, особенно когда эти поездки сопряжены с возможностью личного представления Государю Императору. Понятно с каким усердием армянские политиканы распространяют теперь слухи о скором приезде сюда католикоса «для личных переговоров», уповая на обычную поддержку своих столичных ходатаев.

Надо желать, ради русского государственного достоинства, чтобы подобные нашептывания не достигли цели. Как выше сказано, своевременность реформы доказывается уже тем, что, благодаря ей, обнаружилось во всей красе давно выполнявшиеся втихомолку планы армянской интриги. Басня о посягательстве на религиозные или материальные интересы церкви св. Григория рушится сама собою, особенно после того, как армянское население увидит, что, в частности, церковь материально только выиграла и стала на путь духовного оздоровления. Для этого полезно была бы широкая гласность с одной стороны и решительная твердость – с другой.

Необходимо, конечно, также, чтобы местные органы министерства земледелия и государственных имуществ, *под угрозой строгого служебного взыскания*, ревностно взялись за рациональное хозяйство во вверенных им церковных армянских землях; малейшее упущение с их стороны в данном деле было бы *политическою ошибкой*, которой армянские агитаторы ожидают с нетерпением, надеясь на содействие неверных слуг государства. С этим вопросом шутить нельзя. Роль католика в нем более чем ясна, но люди стремящиеся обелить его, не прочь представлять его *жертвой*, а не вдохновителем движения, вызванного «несвоевременною», будто бы, правительственною мерою. С этою целью был даже разыгран в гор. Александрополе политический «спектакль» особаго рода. Толпа кидала камни в вагон Мкртича Хримяна, а священник Тер-Ованесов, поднятый толпою на руки, кривлялся и дерзко кричал своему духовному главе, что он должен либо отречься от патриаршества, либо сопротивляться русским властям. Произошло это после семидневного лихоградоначного метания Мкртича I по разным местностям эриванской епархии, где он, с одной стороны, *уклонялся от принятия официального известия о новом законе*, а с другой – давал своим подчиненным соответственные инструкции... *Объясняться католику не о чем. Он уже много лет объясняет сущность своего направления достаточно красноре-*

чиво, — фактами дерзкого неповиновения правительственным распоряжениям.

Разумеется, мудрено заранее предсказать, до какого, предела дойдет армянский психоз¹, тем более, что, именно от не всегда надежных второстепенных представителей местной власти зависит возможность изподтишка разжечь его, или умерить, посредством устранения болезнетворных микробов. Несомненно одно, — что этот кавказский недуг может представить случайная опасности лишь для единичных должностных лиц, а отнюдь не для русского дела в крае. В итоге, — мы теперь знаем, благодаря своевременной реформе, в чем суть, и здесь применима утешительная» французская пословица:

«Un homme prevenu en vaut deux»...

13. Азербейджанские татары.

Кавказских мусульман, по разнице в характерных чертах можно разделить на две резкия категории: первую составят мусульмане, входившие в состав Турции и, особенно, Персии, с ее вассальными ханствами; вторую — жители Дагестана и прочие горцы, исповедующие ислам. Турков и курдов в наших владениях немного, и они представляют собой маленькое, неяркое пятнышко на пестром кавказском ковре. Азербейджанские татары дело другое: их много, и они составляют значительный и во многих отношениях ценный элемент, к которому необходимо приглядеться поближе.

¹ Возмутительный, единственный по своей жестокости и низости факт бросания бомбы в толпу, во время сочувственной манифестации, устроенной в Баку по поводу войны более человечными представителями местных армян, ясно доказывает, что этот «психоз» требует серьезного и быстрого лечения. Сколько нужно дикости и злобы, чтобы рука поднялась на подобное злодеяние в то время, когда вся Россия, до самых беспокойных окраин своих включительно, охвачена благородным объединяющим души порывом любви и преданности к Царю и Отечеству.

Восточное Закавказье, в течении веков, считалось персидским владением и частью бывала таковым на деле, в единичных случаях; обыкновенно же оно делилось на мелкие ханства (ганджинское, эриванское, талышинское, шекинское и т. д.), владельцы которых были сперва служилыми людьми по назначению персидского правительства, потом достигали передачи своих административных полномочий по наследству и, наконец, отпадали от Персии, добивались независимости и являлись маленькими тиранами в восточном вкусе. Такой же преемственности в управлении более мелкими частями территории достигали беки, особенно, когда состояли в родстве с ханскими домами. Масса мусульманского населения подчинялась этим правителям на начале восточного государственного, а не состояла у них в крепостной зависимости. Азербейджанцы пахали землю, занимались садоводством и скотоводством, охотою, войною и... *разбоями, принципиальное отличие которых от войны, в виду смутности земельных границ и правовых понятий, местному населению доселе не вполне ясно.* Если же жители одного ханства или бекства нападали на селения другого, с целью пограбить, отомстить за кровь или показать удаль, то это называлось войною. Теперь это разбой, и притом, по мнению современного русского суда, принципы которого населению непонятны, а формы являются источником соблазнов, порождающих озлобления и новые преступления. Армяне занимались торговлею, трепетали перед ханскою нагайкой, ползали перед беками и бледнели при виде человека, вооруженного кинжалом. Своим стяжанием они зачастую, должны были недобровольно делиться с властителями-мусульманами. Исключение составляли неправильно называемые (по отношению к прошлому) армянами жители Карабага (Албания или Агвания), исповедывавшие армяно-григорианскую веру, но происшедшие от горских и тюркских племен и обармянившиеся лишь 3-4 века тому назад. Христиане-карабагцы порою проявляли даже воинственность, и местным ханам приходилось с ними считаться.

Адербейджанцев называют татарами, но это совершенно неточно, если относить притом татар к монгольскому племени. Если в жилах адербейджанцев и есть татарская кровь, то лишь, как результат монгольского нашествия времен Батыя, Мангу и (в Закавказье) Хуллагу-хана; такого же рода результаты остались и после арабов: доселе в восточном Закавказье попадаются люди арабистанского типа и даже напоминающие мулатов, с очень темною кожей и курчавую шерстью на голове. По основному же происхождению адербейджанцы – тюрки, туранцы, кровные родственники древних огузов, сельджуков, современных турок и курдов. Адербейджан дал Персии одну из величайших ее династий, во время владычества которой расцвели в этой державе науки, искусства, земледелие и ратное дело. Имя Альп-Арслана доселе не забыто в этой части Азии.

Если в петербургских гостиных и говорильнях, пропитанных космополитизмом, существует тенденциозное требование не поднимать вопроса о чьем бы то ни было племенном происхождении, то на Кавказе, да и вообще во всех странах, где люди ближе к природе, принято обращать внимание на *кровь*: там знают, что человек – существо психофизическое, а не отвлеченная математическая выкладка; что духовный склад состоит в тесной связи с устройством головы и прочих частей тела, и что человеческими поступками руководит не только настоящее, но и прошлое; в них *говорит кровь предков*.

У адербейджанцев кровь несомненно благородная; они от природы добры, мужественны, великодушны, способны к умственному и нравственному развитию. Идея государственности, и притом сильной, несомненно им присуща, несмотря на их кажущуюся анархичность, объясняемую историей, географическим положением края и вытекающими отсюда бытовыми условиями. В основе адербейджанец является стихийным сторонником неограниченной власти, сильной и патриархально-справедливой. Это почти та-же психическая расовая черта, которая есть и русском народе, преданном

Самодержавию не только умом и сердцем, но и, так сказать, нутром. Насколько армяне и евреи, в силу расового инстинкта, нутром враждебны всякой государственности и особенно идее неограниченной монархии, настолько адербейджанцы стихийно, органически ей сочувствуют, — даже мятежники, даже разбойники.

Ислам, явившийся одним из культурных начал этого народа, мог, разумеется, лишь развить указанную черту и дать ей идейное обоснование: един Аллах, един пророк, единый представитель пророка, носитель светской власти. Во всем идея *единовластия*, идея настолько сильная, что переходит за рубеж вероисповедных различий, — и всякий государь, хотя бы иноверный, является святыней, как представитель неограниченного единовластия. Закавказские мусульмане неоднократно дрались против своих единоверцев-турков под знаменем Белаго Царя, преклонившись перед величием просвещенного, *культурного* единовластия.

Народы Запада, в особенности наиболее энергичная часть германского племени — англо-саксы — *органически* склонны к политике со всеми ее мелочами, дрязгами и ежедневную сутолокой, отнимающей массу времени и усилий на борьбу за решающую роль в народоправстве. Народы Востока и, в частности, адербейджанцы, предпочитают вверить политику властному лицу, которому воздают почитание и благодарность за *отеческую* заботу о нуждах народных, за спокойствие, силу и славу, достигаемая под его знаменами. Это именно органическая разница в мирозерцаниях, чреватая политическими и бытовыми последствиями.

Вряд ли нужно доказывать, что народ с *восточным* воззрением на государство составляет ценный созидательный элемент для такой неограниченной монархии, как Россия; он представляет собою строительный материал, которым государственная власть, обладающая достаточною чуткостью, может пользоваться для своего развития и для успешного выполнения своей исторической миссии.

С понятием ислама принято у нас связывать исключительно огульно понятие фанатизма. Как только заговорят о мусульманах, так сейчас произносится слово «газават», т. е. священная война, страшат панисламизмом, турецкими зверствами и т. д., особенно теперь, под влиянием неизреченных страданий, которым подвергается несчастное население Македонии и Старой Сербии под гнетом озверелых балканских мусульман; при этом необыкновенно забывают о зверствах американцев над неграми и филиппинцами, немцев над китайцами, англичан над бурами, наемников банкиров-евреев — над конгрегациями. *Ислама у нас не знают*: из Корана знают только две-три воинственные сура, написанные на случай и принимающие временно-догматическое значение лишь в тех случаях, когда мусульманское население той или иной страны либо ожесточено ненормальными условиями, либо вдохновлено каким-нибудь энергичным вождем, рисующим ему радужные перспективы.

К вопросу об исламе мы до сих пор относимся *некультурно*. Мусульмане в нашем государстве по численности занимают *первое место после русских*, а у нас даже не существует перевода книги «*Le Coran analysé*», являющейся настольною для всякого французского чиновника в северной Африке: о сколько-нибудь серьезных и безпристрастных самостоятельных исследованиях, которые бы помогли нашим служилым людям, имеющим дело с мусульманами, вникнуть в главный источник мирозозерцания этих последних, у нас нет речи. Сказать по правде, покуда и не для кого писать такие книги, так как чиновники наших азиатских захолустий поглощены другими интересами.

Преданность вере, которую человек считает правою, должна, разумеется, совпадать с отрицанием истинности других исповеданий в полном их объеме: как православный, я могу *только Православие* считать истинной верой, в ущерб остальным религиям. Тем не менее, было бы странно отрицать, что в этих последних содержатся части той вечной единой истины, которая *полностью* составляет содержание пра-

вославия; еще страннее было бы отрицать не только благотворность воздействия таких или иных иноверных исповеданий на озаренные ими народы, но, в отдельных случаях, даже практически-субъективное преимущество таких исповеданий для человеческих рас, находящихся на соответственном духовном уровне и обставленных специальными условиями. Таков, в частности, ислам. Не обладая, – с нашей, православной точки зрения, – полнотою истины, он дает, однако, принявшим его народам элементы ее в кратких, удобопонятных формулах и усвояемых дозах. Выражаясь практически, можно сказать, что один и тот же человек, добросовестно восприняв веления ислама, заключающие в себе значительную дозу христианской морали и ведущий вследствие этого патриархально-достойную жизнь, мог бы оказаться гораздо худшим, еслибы ему были преподаны более высокие, но менее доступные его пониманию и менее отвечающие его психическому складу начала христианства; за непониманием последовало бы неприменение. Нравственное содержание испарилось бы и остался бы мертвенный обряд, *иная форма того самага язычества, в борьбе с которым Мухаммед явился истинным просветителем*, истинным делателем нравственного прогресса своих соплеменников.

Если вникнуть в догматику и историю Ислама, то нельзя не признать, что эта религия, проповедующая милосердие ближним, заботу о немощных и скорбящих, озаряющая несколько раз в день (строго требуемые намазы) человека напоминанием о Едином Боге, является этическими сторонами своими, хотя и переплетенными с воинственною нетерпимостью и чувственным материализмом, – так сказать, *духовною ветвью христианства*, протоком, оторвавшимся от этой великой реки и неминуемо долженствующим вернуться к ней. Если взять на практике омусульманивавшегося грузина-аджарца и православного гурийца (по племенному происхождению почти родные братья), то придется отдать преимущество *первому*, потому что он честнее, великодушнее и вообще нравственно выше. Если взять мусульманина-

адербейджанца, хотя бы из разбойников, но *верующего* мусульманина и «всеми уважаемого», обласканного кавказскими властями «христианина»-армянина, с дипломом доктора философии в кармане и почетным званием на визитной карточке, то все нравственные преимущества окажутся на стороне первого; первый, хотя и грешник, но *искренне верит в Бога*, и поэтому одному душа его в основе христианка, второй – просто одетое в английский сюртук хитрое *животное*, для которого христианство – мертвая и вдобавок искаженная буква.

Огромная культурная заслуга ислама перед народами, которым он пришелся по плечу, это – элементарность и ясность его предписаний и догматов. Это не исключает в нем наличности глубоких теософических начал, логическое развитие которых наглядно и непосредственно приближает ислам к христианству. Секты суфиев служат наглядным тому доказательством, а стихотворение Омара-Хайяма, в которых описывается «животворящее дыхание Иисуса», являются художественным доказательством христианских настроений ислама. У сложной догматической работы этого последнего, за время расцвета арабской цивилизации, есть очень оригинальный плод, а именно *стремление примирить веру с разумом*. Несколько богословских школ небезуспешно посвятили себя этому труду. Воззрение, что истинная мудрость совпадает с добродетелью и с Божиею правдою, можно нередко видеть у кавказских мусульман в весьма характерных проявлениях. Так, например, адербейджанец, осуждая какого-нибудь хитроумнейшего и дальновиднейшего негодяя, непременно скажет о нем, покачивая бритую головой: – «Ах, какой *неразсудительный человек!*»...

Конечно, между идеалами, высшими началами религии и теми формами, в которых она выражается на практике, есть весьма существенная разница. Говоря об исламе в Закавказье, надо иметь ввиду и невежественное отношение темной массы к букве религии (напр. «шахсей-вахсей» у шиитов), и странствующих дервишей, будоражащих народ своими фан-

тазиями, туманными проповедями и фокусами, и эмиссаров из соседних азиатских государств, – деятелей политических на религиозной почве. На практике ислам зачастую принимает грубые, дикие формы и суеверия, о которых писал еще князь Дмитрий Кантемир в своей замечательной «Книге Системе», памфлет против «мухаммеданския религии», доселе не отошли и, пожалуй, не скоро отойдут в область преданий. Все это есть, со всем этим надо считаться, но нельзя игнорировать в исламе тех, хотя бы и не часто осуществляемых сторон, которые следует признать положительными с точки зрения общечеловеческой правды и наших государственных интересов.

Еще менее дозволительно игнорировать те природные черты населения, развитие которых может и должно привести благоприятным с государственной точки зрения результатам. Культурное развитие азербайджанцев так или иначе может повести их к усвоению *исключительно русских, а не западно-европейских начал*; подобно татарам всего Поволжья, подобно населению средне-азиатских ханств, азербайджанцы, в культурном смысле *естественно* тяготеют именно к русскому строю, являющемуся для них, так сказать, природною стадией развития. Русско-татарские школы прекрасно прививаются и пользуются сочувствием всего населения, сверху до низу, стремящегося изучать русский язык и сближаться с русскими. Такого явления, как наглая борьба армянского духовенства и плутократии с русской властью за школы старого типа, в которых русский язык преподавался лишь фиктивно, – среди татар доселе не замечалось. Ни в чем не видно и той *предвзятой* ненависти к русским, которую проявляет местами армянское население, подстрекаемое своими самозванными руководителями. Конечно, первым русским колонизатором края, нашим сектантам, приходилось-таки первое время отведать татарского кинжала. Предки нынешних сентиментально-безумных духовобор, доведенных до истерии графом Толстым, смотрели на этот вопрос весьма реально и татарским разбойникам давали кровавый отпор;

дошло до того, что ни один вооруженный татарин не смел показываться на несколько ружейных выстрелов в сектантских селениях, и духоборы достигли полной безопасности.

Татары понимают и ценят силу, руководимую умом. Благодаря энергии сектантов, русское имя было в татарском населении поставлено высоко, и теперешним русским поселенцам в Закавказье неизмеримо легче иметь дело с татарами, чем с какими бы то ни было другими соседями. Даже единоверные грузины оказываются зачастую менее удобными, чем мусульмане, именно потому, что последние от природы, да и в силу уроков истории, доброжелательны к русским.

У азербейджанцев хорошая историческая память и большое преемственное уважение к подвигам. Доселе сверкает лучами славы имя Котляревского, героя Ленкорани, с горстью богатырей державшаго в священном страхе и подчинении все мусульманское Закавказье. Конечно, канцелярии с их волокитою и мертвенным отношением к жизни, плохая бюрократия и чуждые для местных понятий суды за последние 50 лет сильно повредили русскому престижу, так что теперешнее положение мусульман и их настроение отнюдь нельзя назвать нормальным. Некоторый порядок зиждется покуда на исторической памяти, да на глубокой вере в правдолюбие Белаго Царя. Так или иначе, мы проживаем теперь в этом крае дорогое наследие наших умных предков, а после-реформенные условия краевой жизни, как будто нарочно сложились так, чтобы поддержать обособление в инородческих элементах, искусственно оттолкнуть все верившее в нашу силу и правду и, в итоге, привести к кровавым осложнениям.

Азербейджанским татарам под нашим владычеством не везло. Даже князь Воронцов, наместник-созидатель, в силу своих личных взглядов, совершил ошибку, установив крепостное право там, где его не было, и попытавшись выдвинуть татарское родовое дворянство. Но и эта ошибка не была доведена до конца, и доселе мусульманское население Закавка-

зя, в силу причин ничем не оправдываемых, обречено на хаос в области сословно-поземельной.

Многое делалось и доселе делается, как будто нарочно, чтобы затруднить этому населению спокойную жизнь и переход к более культурным ее формам. Просуществовавшая несколько десятилетий сословно-поземельная комиссия ничего не делала, была упразднена, и дела ее переданы в канцелярию главнонаместующаго гражданскою частью на Кавказе по военно-народному управлению. О том, чтобы эти дела двигались, пока не слышно. Между тем, путаница отношений царит невообразимая: крепостное право отменено, а обязательныя отношения крестьян-мусульман к бекам остались, причем угодыя не разверстаны; недоразумения происходят на каждом шагу, служа источником дохода для местных маленьких властей и вызывая справедливое неудовольствие во всех слоях населения.

Невыясненность сословных прав также влечет за собою тяжкия экономическия и бытовыя последствия. В силу целого ряда обстоятельств, вызванных упразднением крепостного права и постепенным вздорожанием жизни, переходящей от патриархальнаго строя к растленно-буржуазному, – бекам и агаларам, т. е. местным землевладельцам, оказался необходимым кредит. Между тем, не будучи утверждены в правах дворянства, они в дворянском банке кредитом пользоваться не могут, а необходимый народной массе крестьянский банк еще не учрежден. В результате все слои местного населения отданы непредусмотрительною русскою властью в цепкия руки ростовщиков-армян. Если сопоставить это с многолетним бездействием сословно-поземельной комиссии, то не трудно прийти к логическому и жизненно-правильному выводу, что именно *армянская плутократия, которой выгоден этот ненормальный порядок вещей, поддерживала его своим тлетворным влиянием на местные правительственныя учреждения или единичных безсовестных деятелей.* Мусульманин-бек, предки котораго занимали видныя должности при грузинских царях, а затем были офицерами русской службы,

не может поместить своего сына в кадетский корпус на казенный счет, за невыяснением своих сословных прав. Представители высшего сословия, беки и агалары, склонны к военной службе; но и тех случаях, когда они несут ее безспорно, с отличием, они не освобождаются от налога, взимаемого с мусульманского населения взамен воинской повинности.

За отсутствием в крае национальной финансовой политики, экономическое положение именно мусульман ухудшается с каждым годом. Армянская плутократия составляет сплоченную стачку, обезценивающую труд татар-земледельцев и скотоводов, завладевшую всеми рынками, кредитом и денежным обращением вообще. Весь край разделен на районы, разобранные более или менее крупными пауками-армянами, эксплуатирующими местное татарское население. В одном месте сидит, скупая за безценок туту и виноград, какойнибудь Хубларов, в другом, Согомонов, в третьем – еще ктонибудь в таком же роде. А эти сельские продукты скоро портятся: если не продать вовремя, то пропадет немало труда и семья труженика лишится куска хлеба. Сунуться в город? Скупщики могут не допустить до рынка, и мелкая полиция будет на их стороне. Приходится действовать по малорусской пословице «скачи, враже, як пан каже»...

При современных ненормальных условиях кавказской жизни было бы странно даже думать о том, в районы ростовщической эксплуатации татарского населения прорвалась посторонняя экономическая сила, создала бы конкуренцию и повысила бы уровень народного заработка. Для борьбы с такими попытками пускаются в ход какие угодно средства, до тяжчайших преступлений включительно. На Кавказе много наделало шуму так называемое Хубларовское дело, или убийство в селении Шеллу, Елисаветпольской губернии. Русский промышленник вздумал открыть водочный завод в районе монополиста-армянина Хубларова. Его всячески отговаривали и предприятию старались помешать. Когда же он послал на место, т.е. в агдамский участок Шушинского уезда,

нескольких служащих по делам проектированного завода, то эти последние были убиты, причем трупы их оставались несколько дней непогребенными, так как судебный следователь-армянин был отвлечен от служебных обязанностей какими-то семейными радостями. Хотя он и взялся за дело с таким усердием, с каким, по медвежьей мимике, «бабы на работу ходят», и хотя в дальнейшем он не пренебрегал добыванием доказательств, обеляющих монополиста Хубларова, тем не менее, этого последнего, в силу весьма веских улик, пришлось подвергнуть предварительному заключению в тюрьму, к немалой ярости всей армянской денежной аристократии. Особенно веские улики были добыты не предварительным следствием, а полицейским дознанием. Тогда началось гонение против всех лиц, принявших к сердцу открытие виновников зверского преступления. Откопаны были делишки, компрометтировавшие уездного начальника и участкового пристава, дела, задолго до того поднятые, затем положенные под спуд и в нужный момент *вынутые на свет Божий исключительно с целью подорвать доверие к показаниям этих служилых людей и изъять этих последних из официального обращения*. Одновременно была сочинена возмутительная сплетня про шушинского землевладельца, татарина Джафар-бека Везирова, повинного в том, что он интересовался раскрытием преступления, так как один из родственников его был убит. Сочинили и дерзали, с целью приготовления общественного мнения к давно задуманному фокусу, публично в юридическом обществе прозрачными намеками говорить, что Джафар-бек Везиров, человек влиятельный в своем районе, приводит местное население в мечеть и заставляет его присягать себе (!) на верность. Одновременно с известием о том, что Хубларовское дело передается, по воле кавказского начальства, из гражданского суда в военный, и что полицейские чиновники, неприятные г. Хубларову, будут уволены от службы, в Тифлисе распространился слух, что дело защиты Хубларова организовано совсем особенным образом: взялся «проводить» еще один местный проходимец из

кавказских уроженцев, обладающий связями в разных тифлисских сферах и давно запятнавший русское имя циничным служением всевозможным армянским шашням. Он должен был «проводить» дело, оставаясь лично в тени; суммы, асигнованные на эти безгрешные расходы, в устах разказчиков колебались от 40 до 100 тысяч. Армянская печать дошла до крайнего лиризма в защиту Хубларова, а *против этого последнего, по местным цензурным условиям, было писать более чем затруднительно.*

В Шушу выехала сессия военно-окружного суда, под председательством военного судьи Иваненки. Как велось дело, т.е. предварительное и судебное следствие, — это мог выяснить безпристрастный ревизор, который, к сожалению туда послан не был. Несомненны только три факта: что помощник прокурора вместо обвинительной речи, сказал нечто вроде оправдательной, и она была в таком виде напечатана в армянствующей газете «Новое Обозрение»; что за два дня до произнесения приговора, который, казалось, не мог быть заранее никому известен, вся Шуша готовилась к лукулловскому азиатскому пиршеству и что состав выездной сессии, за исключением одного подполковника Эриванского полка, принял затем участие в хубларовских празднествах, после того, как г. Иваненко заключил оправдательный вердикт лирическим приветствием по адресу благополучного г. Хубларова¹. Джафар-бек Везиров был неожиданно для всей губер-

¹ Уже после смерти В.Л.Величко и через *три месяца* после появления настоящей главы отдельною статьей в № 10, «Русского Вестника», по поводу этих фактов напечатано было в том же журнале (№1, 1904 г.), на основ. 26 ст. врем. пр. о ценз. и печ., прил. к прод. 1868 г. Св. зак. т. XIV, опровержение за подписью председателя Кавказского Военно-Окружного суда г. Македонского. В виду того, что оно, как нам кажется является лишь *возражением, а не доказательным опровержением по существу*, не считаем возможным, при издании настоящей книги, вносить какая либо изменения или сокращения в тексте, тем более, что автор придавал слишком серьезное нравственное значение ис-

нии арестован и подвергнут предварительному заключению. Там его продержали довольно долго и затем отпустили неповинного больного старика, сказав ему: «pardon, monsieur!»

Затем... все обстоит благополучно. Никакой новый предприниматель не сунулся конкурировать с армянскими промышленными феодалами, которых «ничто не берет». Все порядочные люди на Кавказе, особенно представители нашей доблестной армии, были возмущены, пошумели, поговорили, а затем это грязное дело уступило очередь другим грязным делам, имя же им легион.

У означенного дела, как и у многих других судебных драм, разыгрывающихся в Закавказье, нелестными, но, к сожалению, характерными для татарского населения подробностями являются наличие наемных убийц и заметная склонность татар к лжесвидетельству. Причины обоих явлений сложны и, во всяком случае, не могут быть отнесены исключительно к вине самой азербейджанской расы. Вопрос о наемных убийцах удобно рассмотреть в связи с вопросом о разбоях, которого я коснусь ниже и который составляет ахилесову пяту для всех начальников края, наглядно нарушая гармонию отчетного благоденствия на Кавказе.

Лжесвидетельство – прискорбное, почти повальное явление, коренящееся, однако, не столько в характере мусульманского населения, сколько во внешних причинах. Азербейджанский татарин религиозен и в общежитии правдив; он в дружбе верен, слово держит, дорожит добрым именем. *А на суде он непременно солжет.* С одной стороны, ему непонятны принципы нашего суда, с другой – на его нервы пагубно действует наше судопроизводство. Он в душе страстно-спортивный человек; состязательный процесс является для него не средством для выяснения истины, а *борьбой*, в кото-

ходу этого дела для престижа «неуязвимых» монополистов-армян. Считаю справедливее всего поместить указанное возражение с нашими замечаниями в «Приложении» к настоящей книге.

рой оказывается правым победитель. Вдобавок суд, не считающийся с местными обычаями и понятиями и нередко впадающий в ошибки против жизненной правды, не внушает мусульманину того доверия и почтения, при которых язык трудно поворачивается, чтобы солгать. Адвокатура, как подпольная, так и не без иронии именуемая «присяжною», берущаяся защищать кого и что угодно, сама толкает преступников и свидетелей на путь лжи, на путь издевательства над законом. А если добавить к этому тяжкие материальные и бытовая, понижающая нравственный уровень, условия, в которых на Кавказе поставлен весь служилый класс, не исключая судебного ведомства, то немудрено понять и, до известной степени, оправдать отрицательное отношение мусульман-адербейджанцев, да и всего прочаго кавказского населения к нашему суду.

Весьма вредит делу также незнание туземцами государственного языка, на котором совершается судопроизводство, незнание чинами судебного ведомства туземных языков и, в итоге, непомерно широкая и до известной степени решающая роль малонадежных переводчиков. Туземцы знают цену этим последним, и это дает им лишнее основание скептически относиться к русскому суду. Есть еще к тому причина в психологии адербейджанских татар. Они, в течение веков, привыкли к тому, что суровые решения их агаларов и ханов немедленно приводились в исполнение, т.е. виновный подвергался повешению на ближайшем чинаре или немедленной конфискации имущества. Понятие уголовной неправды было не столь резко отграничено от неправды гражданской и, пожалуй, в некоторых случаях, толковались жизненное. Так, например, если хлеботорговец назначил слишком высокую цену на хлеб и тем самым вызвал ропот населения, то хан или кади прибавал его ухо гвоздем к двери и держал его в такой позе, пока тот не откажется от ростовщических цен на насущно-необходимый продукт. Это до сих пор практикуется в Персии. Для нервов современных законодателей это слишком жестоко, но с точки зрения местных нравов оно

рациональнее, чем наше долгое письменное судопроизводство с его апелляциями, кассациями, взятием на поруки и ссылкой, из которой смелому джигиту не трудно бежать. В виду двух последних условий, *свидетели бояться показывать правду, прекрасно зная, что преступник непременно отомстит* им поджогом или убийством. Такой основательный страх не мало затрудняет дело правосудия не только в Закавказье, но и в остальной России, так что относить его к некультурности одних мусульман было бы несправедливо.

Очевидно, в итоге, что закавказские коренные жители и, в частности, мусульмане, нуждаются в ином, глубоко продуманном судоустройстве и судопроизводстве, наряду с надлежащим регулированием прочных в крае государственных функций, с которыми тесно связана деятельность судебной власти. Между прочим, нужно, чтобы школа возможно шире и глубже воздействовала на массу населения. Мусульманские влиятельные классы не противятся введению русской школы, в противоположность армянским и отчасти грузинским патриотам, а кавказская власть в этом деле скупиться, к немалой радости армянских политиканов, торгашей и заходустных чиновников, которым выгодно, чтобы мусульманское население, не знающее ни государственного языка, ни законов, возможно дольше было жертвою всяческой эксплуатации. Армянам выгодно также, чтобы о мусульманах слагалось в русском обществе недоброе мнение, как об элементах некультурном, диком и во всех отношениях ненадежном. Для армянствующей печати возможность сообщать о татарских разбоях, оттеняющих якобы мирное настроение «христиан», т.е. армян, и подрывающих доверие к силе русской власти в крае, представляет истинный праздник...

Содержание

1. Введение	4
2. Характер прошлого	7
3. Братья-грузины	27
4. Русско-грузинские отношения	51
5. Армяне	64
6. Историческое прошлое	66
7. Переход к теократии и монофизитство	77
8. Племенная обособленность и экономическое владычество	84
9. Правда о турецких зверствах	101
10. Политическая роль церкви и армянская программа	107
11. Народная масса	126
12. Реформа управления имуществами армяно- григорианской церкви и армянские безчинства	133
13. Азербайджанские татары	160